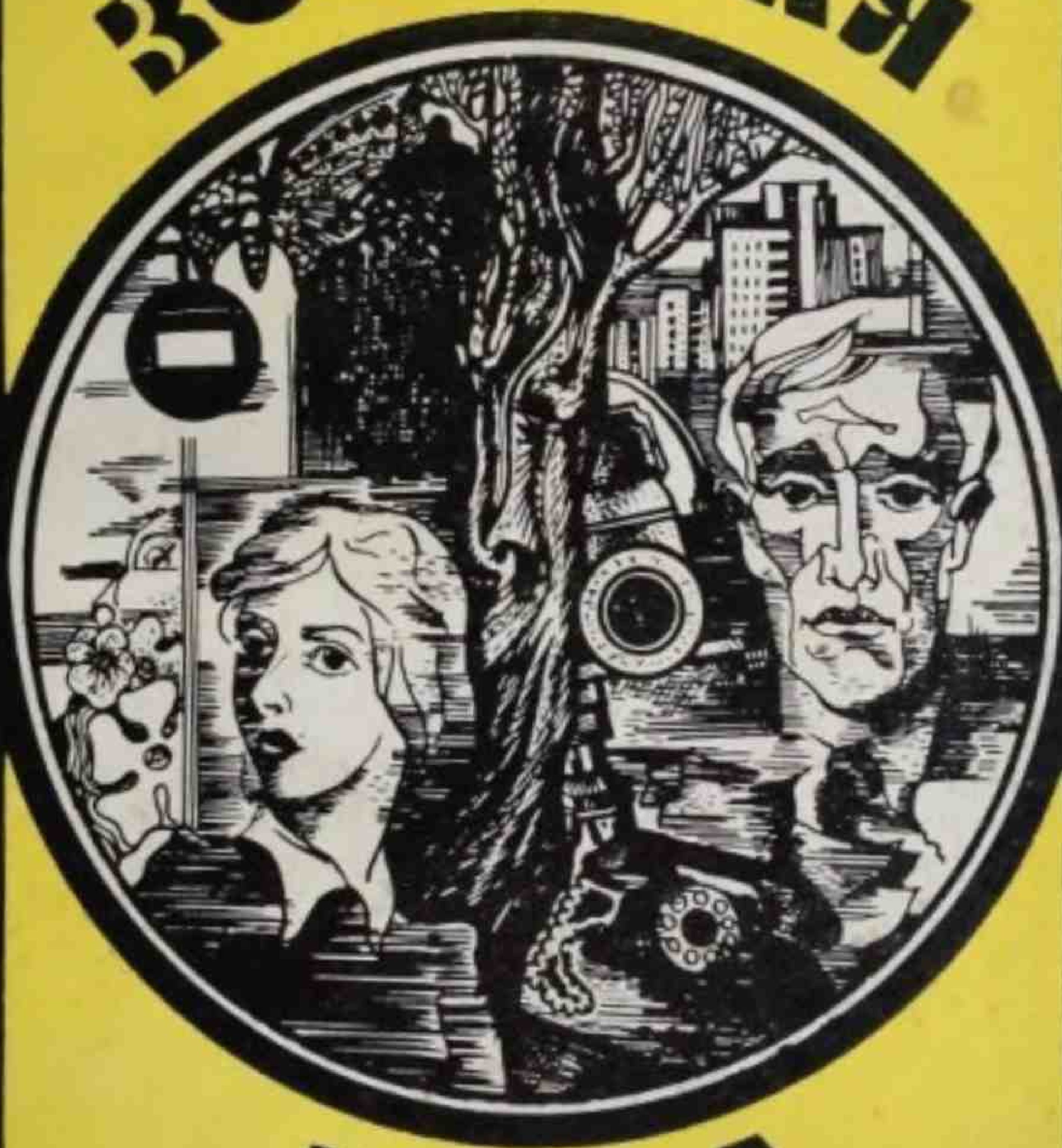

ИВАН ВАСИЛЕНКО

Золотая

Жизнь

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

ИВАН ВАСИЛЕНКО

**Золотая
Жизнь**

**ЗАПИСКИ
СЛЕДОВАТЕЛЯ**

Написанная на документальных материалах, эта книга повествует о сложной и трудной работе следственных органов прокуратуры и милиции.

Хищения, взяточничество, пьянство, тушеводство и конечно же правовая воспитательная работа с теми, кто стал на путь правонарушения,— об этом написал вторую книгу юрист Василенко И. И.

Рецензент
ДМИТРЕНКО А. М., член СП СССР

Чувство материнства

«Милая мамочка!

Пишет тебе Наташа. Я думаю, не забыли еще ту дерзкую девчонку... Спасибо за все, за напутствия и ласку, материнское сердце, теплоту души...»

Начальник женской колонии Александра Ивановна Федоренко прочитала письмо несколько раз и задумалась. Перед ней всплыли события недавних лет...

...Наташа росла без отца. Ей было шесть лет, когда его не стало. Ушел на войну и не вернулся. Жестокая война забрала родителей не только у нее, но и у тысяч других таких же детей. Потеря отца — горькая и невозвратимая. Наташа очень его любила. Каждый день встречала с работы. Выбежит за село, сядет у дороги, под одиноким дубом, и ждет.

Отец работал трактористом. Увидев его, Наташа бежала навстречу, расставляя ручонки.

— Ага, поймала, папочка! Игнатьич дорогой! (Так его величали все в селе).

Он подхватывал ее своими огрубевшими, пахнущими керосином руками, усаживал на свои широкие плечи и нес домой.

— Ох балуешь ты ее, — часто говорила Виктория, его жена.

— Ничего... Пока я жив, пусть резвится. Не ровен час, уйду воевать, будет вспоминать, — отшучивался.

Мобилизовали Игнатьича на фронт неожиданно, ночью, когда дочь спала. На второй день она вышла как обычно за село встречать отца. Но он так и не по-

явился. Возвратилась домой с заплаканными глазами, а увидев мать, вовсе разрыдалась.

— Игнатьич ушел воевать,— сухо ответила мать.

Но Наташа не сразу поверила этому. Она продолжала ходить к дубу. То место под широким ветвистым деревом стало для нее вторым домом. Что случится — она туда.

— Папочка, миленький, как я буду жить без тебя? — звала она, вглядываясь в глухую, темную даль.

В самом деле, жизнь у Наташи не сложилась. Получив похоронку, Виктория показала ее Наташе. Вместе плакали и долго переживали утрату.

— Что сделаешь — война,— успокаивала Виктория дочь.— Вон сколько пришло похоронок другим.

Но Наташа не соглашалась с такими словами. Она не могла смириться с тяжелой утратой. Слушая мать, отгоняла от себя печальные мысли.

— Может, пропал без вести — еще вернется,— утешала себя.

Время шло. Окончилась война. Отец не вернулся. Наташа притихла и уединилась. Все свободное время просиживала дома, закрывшись в своей комнате, подолгу всматриваясь в портрет отца, который повесила над своей кроватью.

— Доченька, ну чего ты так побиваешься,— успокаивала ее мать,— пойди на улицу, поиграй с детьми. Тебе легче будет...

Так прошел год. Трудный и напряженный. Наташа все чаще и чаще стала замечать в их доме Зиновия Яковлевича, заготовителя сельпо. С первых же дней она невзлюбила его. Со слов его дочери Лиды, с которой училась в одном классе, узнала, что Зиновий Яковлевич оставил их, что он часто пьянствует с кем попало. Поэтому при появлении его в доме Наташа сразу же убегала. Шла к своему дубу отвести душу.

«Хочет заменить мне отца? Своих детей оставил и лезет в чужую семью! Не бывать этому никогда!» — думала.

Как-то вечером она пришла домой раньше обычного (не состоялся кружок радиолюбителей). В доме было весело. Мать и Зиновий Яковлевич, уже выпив, громко смеялись, сидели за столом обнявшись. На столе — недопитая бутылка водки и закуска.

Первое, что увидела, была колбаса, нарезанная тоненькими кружочками. Захотела есть. Не попросила. Сдержалась. Оставив книги, выскочила из дома.

Пошла к своему дубу, наплакалась, а затем вернулась домой.

В окнах уже было темно. Не зажигая огня, стала раздеваться.

К ней подошла мать, обняла за плечи и ласково сказала:

— Ну чего ты, дочка, избегаешь Зиновия Яковлевича? Даже не поздоровалась с ним.

— А зачем он мне, и тебе тоже?

— Ошибаешься, дочка, он хороший, но несчастный человек.

— Хороший?! Своих детей покинул. Какой же он отец! Алкоголик! Эх, мама, мама! А что если папа вернется?

— Успокойся. Из могилы еще никто не вставал. А что касается Зиновия Яковлевича, ты мне свои штучки брось. Ты не знаешь его жизни. Есть такая поговорка: «Когда в доме нет тепла — мужья убегают!» Вот и он ушел из-за этого.

— Тепла? Пить ему не разрешали, вот и ушел! — крикнула дочь.

— Лучше поешь, там картошка в мундирах...

— А колбасу всю сожрали? — не выдержала Наташа.

— Какую колбасу? — буркнула Виктория.

— Какую, какую! Я видела! Вот что, мама, прошу тебя, не пускай ты его сюда, иначе я убегу из дому! Совсем! — высказала свое решение.

— Не убежишь! Сама не проживешь, пропадешь! — крикнула мать.

До утра Наташа не сомкнула глаз. Что только не передумала за ночь. Утром собралась и ушла к соседке. Там как раз завтракали. Наталия Викторовна (тоже вдова — муж погиб на войне, осталось трое детей) пригласила за стол. Наташа отказалась, но ее усадили силой. Еду поделили поровну по ломтику сала, по кусочку хлеба, по кусочку сахара. Наташа это запомнила на всю жизнь...

Уже позже, через несколько дней, она спросила Наталию Викторовну, жалко ли ей своих детей.

— А как же, конечно, жалко, — ответила соседка. — Ведь родные, кровь моя.

— А моя мама не такая, как вы, — глубоко вздохнула.

— Почему же? Сердце матери — всегда с детьми. А матери все одинаковы, — попыталась заступиться

за мать Наталия Викторовна, хотя все знала об их семье.

— Вчера был хахаль!

— Кто-кто? — переспросила соседка.

— Будто не знаете? — стала злиться девочка.

— Он ведь человек. Семейная жизнь у него не получилась. Что здесь страшного? Мама твоя еще молодая, — продолжала мягко.

— А вы?

Наталия Викторовна не ответила, и Наташа после долгой паузы заговорила с возмущением:

— Говорите, человек? Как-то принес колбасу. Вы думаете, они дали мне хоть кусочек?

— Значит, колбаса не мамина, — попыталась переубедить Наташу.

— У меня был день рождения. Вы думаете, мне подарили что-нибудь? — резко промолвила и отвернулась, чтобы не показать слезы, которые вот-вот готовы были брызнуть из глаз. — Смотрите, у меня платье вовсе прохудилось, — вздохнула, показывая поношенное, порванное платье, — а ему мать рубашку преподнесла. За какие заслуги?

— Может, он дал матери деньги на рубашку?

...Разговор был долгим. Но слова, сказанные Наталией Викторовной, так и не смогли убедить девочку в правоте ее матери.

— Сними платье, я заштопаю, — вдруг предложила Наталия Викторовна.

Наташа махнула рукой.

— Не надо. Я сама. Понимаете... Обидно все же... Я ведь ее дочь. А кто он? Совершенно чужой человек...

Все последующие дни дочь не появлялась на глаза матери. Приходила домой поздно. Знала: после очередной пьянки мать засыпала мертвецки. Наташа палочкой открывала внутренний крючок, на цыпочках шла в свою комнату. Ставила будильник на половину шестого и клала его под подушку.

Как только начинали выгонять скот в стадо, она вставала, брала портфель с книгами и уходила из дому. Сначала шла к речке, умывалась, потом к соседке...

Теперь мать почти не заботилась о ней. Ей было некогда. Встречи и проводы Зиновия стали для нее главной заботой.

Однажды в субботний вечер Зиновий почему-то к ней не пришел. Виктория заволновалась, вышла на улицу. В это время мимо дома проходила Наташа. Викто-

рия подошла к ней, схватила за руку и потащила во двор.

— Дочка, поговорить надо,— сказала строго.

— Пожениться решили? — вспыхнула та. — Что отцу скажешь, когда вернется?

— Доченька, ну послушай меня,— вытирая пересохшие губы, оправдывалась мать, — жизнь идет. Я не хочу быть в одиночестве. Страшно!

— Одиночество? А я? Почему ты считаешь себя одинокой? Я же с тобой... Пока...

— Пойми, Наташа,— умоляюще говорила, — войди в мое положение.

Дочь, не дослушав ее, убежала. Вернулась домой ночью. В доме огня не было. Зашла тихо и стала пробираться к себе в комнату.

— погоди, милая,— сказал Зиновий Яковлевич, придерживая дверь. Тут отозвалась мать:

— Послушай, Наташа. Ну как ты живешь? Кому нужны твои фокусы?

— Всыпать бы тебе под первое число,— закричал Зиновий.

— А ты не ори! Я не твоя дочь! Можешь на своих орать, которых бросил!

— Ах ты гнида!

— Не хочу я тебя! Не хочу! — закричала Наташа.

— Ух ты! Я ей не нужен! Так ты мне тоже! — Зиновий шагнул к девочке и больно ударил ее по щеке.

Наташа не устояла на ногах, упала на пол. Затем вскочила, схватила со стола недопитую бутылку водки и швырнула ее в сторону Зиновия.

Но тот увернулся, и бутылка угодила в трюмо. С грохотом посыпались стекла. Наташа, увидев замешательство матери и Зиновия, прыгнула на подоконник, выбила оконную раму и убежала... Нашла на лугу копну сена, присела возле нее и горько проплакала до утра.

Пока было тепло, ночевала где попало. На сеновале, под стогом сена, под курятником. А позже на вокзале.

Мать с ног сбилась — искала ее всюду. С того вечера Зиновий как в воду канул. Виктория искала и его.

Наступили холода, и Наташа решила ехать к бабушке Ефросинии Марковне, матери отца. Прибыла туда ночью. Бабушка ее сразу не узнала; такая она была грязная, худая и оборванная.

— Боже мой! Ты, что ли, внученька?! — охнула старушка, всплеснув руками. — Откель ты? Как мать?

— Нет у меня больше матери!

— Померла?! — вскрикнула с болью бабушка.

— Замуж вышла. Может, и вы меня выгоните, как собаку?

— Свят, свят на тебя! — встревожилась Ефросиния Марковна.— Что ты такое говоришь?

Почти до утра они не спали. Ефросиния Марковна слушала неторопливый рассказ внучки, которая всхлипывала и глотала горькие слезы.

Спала внучка целый день, Ефросиния Марковна переживала, думала, как ей помочь. Сходила в школу. А вечером под села к ней на кровать и, когда Наташа проснулась, сказала, что договорилась с директором о приеме ее в школу.

— Не хочу в школу! Надоело! — махнула рукой Наташа.— Перезимую у вас и уеду.

Но бабушка и слушать ее не хотела.

— Что ты говоришь! Куда? Чего ты в других местах не видела? Поживешь здесь. Дом есть, хозяйство... А умру я — все тебе останется...

Так и обосновалась у бабушки. Ефросиния Марковна жила бедно. Небольшой огородик, старая коза и пятеро кур — вот и все хозяйство. Пенсия маленькая, приходилось летом идти в колхоз подрабатывать. Дом уже старый, переживший не один десяток лет. В нем жил еще ее дед, затем муж и дети. Семья была большая, но жили дружно. Потом война унесла с собой сначала мужа Степана, а затем троих сыновей...

Наташа пошла в шестой класс. Училась вначале с охотой, но затем посыпались двойки, начала пропускать уроки. Ефросинию Марковну вызвали в школу.

— Что-то неладно с девочкой,— однажды сказал классный руководитель Николай Иванович,— учится на двойки. Ведет себя дерзко, подружилась с уличными парнями. Повлияйте на нее.

Однажды в сырую погоду Наташа, подняв воротник, ежась от резкого ветра, шла из школы.

На ее пути неожиданно встали парни. Один из них, ничего не говоря, вырвал сумку с книгами, а второй очистил карманы, отобрав у нее тридцать копеек.

Наташа возмутилась.

— Как вам не стыдно, кого грабите?

— Грабежь среди белого дня,— улыбнулся первый парень, по кличке Шкворень, как он затем представился ей.

— Ах, ох, мы пошутили,— ответил второй парень, старший на вид, по имени Павел.

— Знаем, ты живешь у бабушки Ефросинии,— продолжал Павел.— Ни с кем не дружишь. И тебе не скучно здесь, в чужом городе?

— С кем тут дружить? С вами? — нерешительно и боязно спросила.— Так... вы...

— Что, плохие парни? — перебил ее Шкворень.— Мы передовой авангард. Будем дружить!

Ответила не сразу. Думала о себе. В самом-то деле, она здесь одинокая. Не с кем даже поговорить. Бабушка старенькая, плохо слышит. Дочь соседки — Тамара, еще маленькая. А тут парни... Может, и вправду подружиться? Парни вроде бы ничего. Павел чернявый, высокий, немного сутуловатый, с чуть заметным пушком на верхней губе. Шкворень — низенький, мешковатый, с овальным лицом и красными щеками.

— Чего молчишь? Вот моя рука,— повторил свое предложение Павел.

— Наташа,— представилась, но руки не подала.

— Хорошее имя,— улыбнулся Шкворень.— Наташа Ростова!

— Значит, познакомились,— обрадовался Павел.— С нами не пропадешь.

В тот же вечер для скрепления дружбы парни угостили Наташу вином, которое пили прямо из бутылки. Она вначале отказывалась, но потом выпила. Парни тут же подарили ей шерстяную кофточку.

— Бери, бери. Будут деньги — отдашь, тебе же холодно,— убеждал Павел.

При второй встрече Шкворень от себя лично дал Наташе новые туфли. Белые, очень красивые.

— Ой, мальчики! Как вас и благодарить,— сияла.— Ведь это впервые в моей жизни!

Она не спрашивала у парней, откуда у них эти вещи. Хотя знала: они нигде не работали. Сидели на шее у родителей.

А дальше пошло, повело. Перестала учить уроки. Только из школы — сумку в угол, и из дому. Возвращалась поздно.

Ефросиния Марковна пыталась вызвать Наташу на откровенность, но та и слушать не хотела.

— Бабуля, оставь меня в покое. Я уже не маленькая,— сердилась.

Когда в доме появились чужие вещи, Ефросиния Марковна всерьез забеспокоилась.

— Откуда они у тебя? — спросила, вся дрожа.

— Не волнуйся, бабуля. Я взяла напрокат. В каникулы поработаю — деньги верну.

— Чует мое сердце — неладно с тобой. Совсем от рук отбилась, — с тревогой промолвила Ефросиния Марковна.

— Я уже взрослая. Учусь жить...

А когда Ефросинию Марковну вызвали в школу и рассказали про внучку, старушка окончательно пала духом. Возвратясь домой, хотела поговорить с ней, но та нагрубила и убежала из дому.

Ефросиния Марковна — к соседям: просила остановить, вырвать девочку из-под дурного влияния, но было уже поздно.

Наташу, Павла и Шкворня задержали в магазине, куда они проникли с тем, чтобы совершить кражу.

Судили. Павла и Шкворня направили в колонию строгого режима (судимость у них была уже вторая), а ее — в детскую воспитательную колонию.

Через два года выпустили на свободу. Ехала в поезде. Познакомилась с Николаем, тоже следовавшим из заключения. Ехал он в Запорожье, хотя у него не было ни родственников, ни знакомых — круглый сирота.

— Поедем в Павлоград, к бабушке, проживем, дом у нее большой, — предложила ему. Он согласился.

Наташа не боялась, что в этом городе осталась о ней дурная слава. Она решила доказать всем, что может честно трудиться и жить. Но вышло не так, как хотелось. Бабушка умерла, хозяйство растащили, а дом еле-еле стоял: покосился, вот-вот рухнет. Все же остановились в нем — больше некуда было ехать. С помощью колхоза, соседей подремонтировали его и поженились. Решено было забыть прошлое, взяться за ум и начать новую жизнь. Наташа поступила на трикотажную фабрику, а Николай устроился кочегаром.

Жизнь вроде бы наладилась. Но это было только внешне. Николай продержался всего один месяц, оставил работу. Завелись у него дружки. Все началось с выпивок, игры в карты. Появились долги друзьям, платить было нечем. Зарплата у нее маленькая. Дома начались ссоры. И Николай с дружками взялись за старое, стали воровать. Наташа начала упрекать мужа, но тот ее избил. Дальнейшая жизнь их пошла под откос. Николай заставлял Наташу продавать ворованные вещи. Позже и она бросила работу...

Шайка с каждым днем все больше нагнела. Вечером, когда люди ехали с работы, шли на «дело». Вытаскива-

ли кошельки и передавали Наташе. Кто мог подумать, что молодая, модно одетая женщина — карманщица? Она была вне подозрения.

Но всему приходит конец.

Первой попалась Наташа, прямо на горячем. После передачи Николаем кошелька ее схватили за руку. Она бросила на пол кошелёк, но это ее не спасло. Пассажиры выволокли ее на улицу, позвали милицию. На допросах она вела себя замкнуто. На вопросы следователя не отвечала. Все взяла на себя, не выдав своих друзей.

Ее судили одну. Осудили на три года, и вот опять колония...

На беседу к Александре Ивановне ее доставили ровно через неделю. Разговор был долгим и серьезным. Уже когда прощались, Наташа спросила:

— У вас дети есть?

Александра Ивановна, улыбаясь, ответила:

— Трое. Две девочки и мальчик.

— Вы хорошая мать. Завидую я вам,— сказала грустно.— А у меня нет матери.

— Как же, а Виктория Ильинична?

— Нет у меня матери,— помрачнела,— и бабушки тоже. Я одна-одинешенька на всем белом свете...

После этой встречи Александра Ивановна убедилась, что Наташу можно исправить. Убеждением и материнской лаской.

В один из дней Александра Ивановна привела на работу своих девочек. Побыв с ними и увидев отношение матери к детям, Наташа расплакалась. Она очень любила детей, хотела иметь ребенка, но Николай был против, и она вынуждена была сделать аборт.

После этой встречи она все чаще и чаще стала задумываться над своей судьбой.

— Отбудешь срок, поедешь к мужу? — как-то спросила Александра Ивановна.

К мужу? Не нужен он ей такой. Ведь это он толкнул ее на преступление.

Рукавом вытерла набежавшие слезы.

— Пожалела зря их. Когда посадили меня, даже передачи не принес. Почему у нас еще есть такие люди? — уже плачущим голосом спросила воспитательницу.

— Возьми себя в руки и докажи всем, что ты еще не пропащая.

Возвращаясь в камеру, сразу ложилась в постель, но долго не спала. Все думала. Ее напарница Любка не

любила глухой тишины, приставала к ней с расспросами.

— Ну как, скоро завяжешь? — ехидно спрашивала.

— Эх, и дурочка же ты! Что ты понимаешь? — не выдерживала. — Ну что у нас за жизнь? Там свобода, а здесь... камера, распущенные женщины и баланда.

— Ого! Пропаганда? Понимаю, ты наседка! — вспыхнула Любка.

— Что ты петраешь! Заглохни. Ты же босячка, жизни не понимаешь!

В камере воцарилась тишина. Задумалась. О свободе. Думала ли об этом Любка? Нет, конечно. Та сразу же уснула и захрапела.

На очередную беседу Наташа уже пришла сама, без вызова.

— Ну как настроение? — спросила ее Александра Ивановна.

— Тяжело мне. Вся измучилась... Тоска заела... А вы? Кто вас заставил здесь работать? Я бы не выдержала. У вас дом, семья, а вы засиживаетесь здесь допоздна.

— Мой долг такой. Назначили — пошла. И не жалею. Трудно с людьми, но и горжусь своей работой. Сколько людей, уйдя отсюда, встали на верный путь и сейчас трудятся честно и благородно. Разве это не благодарность за мой труд? Смотри, сколько писем я получила от тех, кто был здесь. На, почитай, — и положила перед Наташей пачку писем.

Наташа взяла одно из стопки, вытащила из конверта и стала читать:

«...Уважаемая Александра Ивановна, здравствуйте! Пишет вам бывшая подопечная Зайлова Света. Может, уже и забыли. У Вас там их сколько. Так обещание свое я сдержала. Спасибо, что Вы помогли мне...»

— Это ерунда, — махнула рукой Наташа. — Агитация...

— Ошибаешься, девочка! Это написано от души, честно. Ты читай дальше.

— Это вам нужно, чтобы на меня повлиять, зарплату за то получаете.

— Дело не в деньгах.

— Не верю я в счастье, — крикнула Наташа. — Счастье, любовь. Вот здесь стоят они у меня, жгут душу, — и прижала руку к сердцу.

— Есть мудрое изречение: человек рожден для счастья, как птица для полета.

— А вы мужа любите?

Александра Ивановна улыбнулась и мягко сказала:
— Люблю. А ты своего Николая любишь?

Наташа опустила голову и тихо сказала:

— За что его любить? Он у меня отобрал все: молодость и жизнь! На что надеяться, все уже погибло!

— Нечего отчаиваться. Вся жизнь еще впереди. Зависит от тебя. Душа-то у тебя хорошая.

— Душа? — переспросила Наташа. — Может, и хорошая, но пользы от этого...

Вечером, когда улеглась спать, в голове шумело и все перепуталось. Всплывали непонятные мысли, и на них, словно морские волны, наплывали другие. Она вспомнила свой дуб. Как он там без нее? Как ни пыталась представить лицо отца, так и не смогла. И тут-то испугалась. Забыла, забыла дорогие черты его. Что же это? Она вскочила с кровати, прошлась между коек. Села у окна. За ним еле-еле пробивался серебристый свет. Там свобода. Как она хочет туда. И Наташа зарыдала. Проснулась Любка.

— Чего ты скулишь? Дрыхнуть не даешь.

— Молчи, босячка.

— Эх-ты, жила! Хочешь стать чистенькой? Не отмоешься! Наколочки свои не снимешь, в паспорте штампик не выковырнешь и не вытравишь. Дважды судимая! Кому ты нужна, кроме Николая? Брось свои фортели и ложись спать! Одинаково свое воровство не бросишь! — Последние слова подчеркнула особо, со злобой и ненавистью.

— Нет, брошу, вот увидишь!

— Не ври! Это здесь все говорят: «завяжу». А там? До первого случая... Выйдешь, бац-и денежки! Бац, бац — чемоданчик. Живи, ни заботы, ни труда. Рестораны, шпана, кофеинчик. А ты запела — свобода, небо. Чепуха все это! Без денежек и небо серое, и ромашка завянет!

— Догнивай в этой дыре, а я не хочу!

Утром Наташа на работу не пошла, попросилась на прием к начальнику колонии. Была осунувшаяся, но глаза светились надеждой и радостью.

— Что с тобой?

— Я хочу свободы... Хочу туда, на воздух, к людям! Помогите мне! Я здесь погибну! Нет у меня больше терпения, — опустилась на колени, подняла голову и умоляюще, благоговейно, плачущим голосом произнесла:

— Мамочка! Вы добрая, ласковая, помогите мне!

Александра Ивановна подошла к Наташе, стала гладить по голове, как обычно гладила своих детей, и тихо сказала:

— Встань.

Наташа встала и, взяв руки Александры Ивановны, поцеловала их.

— Мамочка моя, мамочка!

Она поверила Наташе. Это была настоящая, честная, откровенная душевная исповедь человека, перешагнувшего старое, прошлое и устремившегося в новую жизнь.

По представлению руководства колонии Наташу освободили досрочно.

«...Вы и только Вы,— продолжала читать письмо Александра Ивановна,— выжгли у меня затаенную злобу к людям, спасли меня от последнего падения. Не обижайтесь на меня. Возврата к прошлому никогда не будет. Чувствую, что влилась в жизнь и доказала всем, что могу жить честно. Нашла себе верного друга, у нас родилась дочка. Живем счастливо и радостно. Благодаря Вам, конечно. Целую Вас, моя родная мамочка!

Наташа».

Горечь ошибки

Василий Козарец и Вера Шмыга жили в Днепропетровске на одной улице, дом к дому. Когда они были еще совсем маленькими, родители вместе относили их в ясли, затем отводили в садик. А подросли — их вместе от-

правили в школу. Сидели они за одной партой. И, как это бывает, вместе учили уроки, проводили свободное время.

Он — голубоглазый, курчавый, она — щупленькая, тоненькая, как соломинка, с большими темно-карими глазами. Василий — задира, с мальчиками не мирил. Доставалось от него и Вере: то бантик из косички выдернет, то чернильницу опрокинет, то портфель с книгами спрячет. В конце уроков они мирились и домой возвращались веселыми, будто ничего и не произошло. Время шло быстро, шли годы, а с ними исчезла и шалость. Так они и повзрослели, стали серьезными, дружба между ними укрепилась. Вместе встречали и провожали тихие весенние ночи...

О том, что Козарец ухаживал за Шмыгой, знали многие. Правда, не всем это понравилось. Однажды кто-то пустил слух, будто к Вере приезжал из Днепродзержинска какой-то парень чуть ли не свататься.

Но Василий этой стряпне не верил. Он знал — Вера любит его, и только его одного.

Окончив десятый класс, они решили поступить в Днепрпетровский горный институт. К экзаменам готовились вместе. Их мечта — стать геологами... Экспедиции, поиски, открытия — таковы были их совместные планы.

В тот роковой июньский вечер они ходили в кино, а после — бродили в парке. Ночь была тихая и светлая. Огромная луна, словно призрак, ходила за ними.

Вера любовалась красотой парка, раскинувшегося на склонах могучей реки, мечтала о том, как они окончат институт, поженятся и вместе, вот так, взявшись за руки, войдут в большую жизнь.

Возвратились домой в полночь.

Их улица уже опустела, погасли в окнах огни, лишь фонари сторожили тротуары, бросая на землю желтоватые круги.

Остановились у куста сирени. Где-то рядом в саду пел соловей, пищали летучие мыши, кружась над светильниками фонарей, из балки доносились запахи полыни и настоящего разнотравья.

— Поцелуй меня на прощание, — попросила девушка.

— Отчего на прощание? — вспыхнул парень. — Ты что, уже уходишь? Такая ночь, давай постоим!

— Пора.

— Смотри, какое небо — звездное и глубокое, послушаем соловья, — продолжал Василий, — слышишь, как он заливается.

Они замолчали, прислушались к трелям соловьиной песни.

На проходной завода сторож пробил час.

— Пора, Вася,— спохватилась Вера.— Поздно. Мама заругает.

Но уходить ей не хотелось, и она, подняв голову, стала смотреть в голубую даль неба, и так жадно, будто прощалась с ним навсегда.

— Как красиво! Как прекрасна жизнь,— промолвила она.— И как хочется жить, долго-долго! Вон, видишь, звезда упала — человек умер. Так говорят. И чья это звезда? Горела, горела и уж нет. Почему? Где же бессмертие?

— Ты чего это вдруг загрустила? — оборвал ее Василий.— К чему эти звезды? Они каждую ночь падают. Таков закон природы.— Василий заглянул в ее глаза и отшатнулся.— Плачешь? Из-за чего эти слезы?!

— Так не хочется с тобой расставаться,— промолвила Вера и прильнула к Василию.— Поцелуй меня на прощание!

Он обнял ее, поцеловал и словно расстаял в глухой ночи.

Утром Василия разбудили работники милиции.

— В чем дело? — удивился он.

— Одевайся, пойдем с нами,— скомандовал ему лейтенант.— Поторапливайся.

Отца и матери дома не было, ушли на работу. В соседней комнате спала его сестренка Зоя, которая от шума в доме проснулась и выскочила на порог.

— Объясните, что случилось? — продолжал недоумевать.

— Знаешь, парень, не прикидывайся, убил дивчину и еще огинаешься,— ответил ему старшина.

— Я убил? Да вы что, товарищ старшина, оумели?

— Ну хватит, хватит. Одевайся побыстрее!

В разговор вмешалась Зоя:

— Оставьте его. Ему нужно к экзаменам готовиться!

— Какие экзамены? — оборвал ее старшина.— Лучшее приготовь ему другую одежду и еду.

Зоя заплакала, кинулась к брату.

— Вася, что ты натворил? Скажи!

Тот в недоумении пожал плечами:

— Ничего не понимаю.

— Не пушу,— вдруг закричала Зоя, обхватив брата за ноги.— Не пушу!

Когда вышли на улицу, Василий заметил толпу людей у куста сирени, в том месте, где он прощался с Верой. У него застучало в висках, закружилась голова. «Значит, стряслось что-то страшное...»

Увидев работников милиции и Василия, толпа людей зашумела. В их глазах он прочитал негодование и злобу.

«Что же произошло?» — спрашивал себя.

В это время к нему подбежали двоюродные братья Веры.

— Подлец! Что ты наделал? — кинулись они к нему.

В толпе заголосила женщина. Василий окончательно растерялся, съежившись, опустил низко голову. Его втокнули в машину, и она тронулась. Через маленькое оконце увидел, как ему вслед махали кулаками братья.

Уже в машине лейтенант рассказал ему, как утром дворник обнаружила труп девушки и заявила в милицию, сказав, что это — дело его рук.

— Ты вчера проводил Веру? — спросил его следователь.

— Проводил.

— В котором часу?

— В полночь.

— Ну вот, все понятно. Выбрал время, изнасиловал и удушил.

— Что? Я? Да как вы смеее такое говорить? — возмутился Василий.

— Ишь ты, еще и прикидывается! — вмешался Шарин, начальник уголовного розыска. — Лучше признавайся.

Василий растерялся. А на него наседали со всех сторон.

— Ты ее убил... ты! И больше никто! Экспертизой установлено, — продолжал Шарин. — Смерть Веры наступила в полночь. Были вы вместе. Здесь все ясно, как божий день...

Как Василий ни возражал, как ни доказывал — его задержали, предъявив тяжкое обвинение в убийстве. А позже в письменном объяснении он написал:

«Выходит, я ее убил, больше некому, я ведь уходил последним. Вы спрашиваете подробности. Не могу вспомнить. Был пьян».

...Лязгнули с грохотом массивные, кованые железом двери тюрьмы, Козарец очутился в камере.

Через несколько дней в тюрьму к нему приехал тот же следователь, который допрашивал его в милиции.

Усевшись за столом в следственной камере, Чуня открыл папку, вытащил подшитое в твердую обложку дело.

— Слушай, какое заключение дали эксперты. А заключение, построенное на науке,— неопровержимое доказательство. Послушай,— и стал читать: — Обнаруженная на одежде потерпевшей кровь относится к первой группе.— У тебя какая группа? — спросил Василия.

— Не знаю,— сдвинул тот плечами.

— Так вот, дорогой, нам известно, что ты имеешь первую группу,— продолжал следователь.— Значит, ты виновен. Это раз. Как доказано той же экспертизой, смерть Шмыги наступила около часу ночи, то есть когда ты был с ней. Вас вместе видели люди. Так? Так. Кто еще, кроме тебя, там был?

— Никого,— ответил Василий.

— Значит, работа твоя.

— Я не мог ее убить. Я любил ее.

— Так все улики против тебя.

Василий задумался. Он стал перебирать в памяти мельчайшие подробности последней ночи.

— Неужели повлиял бокал пива, выпитый в парке? — стал сомневаться он.

— Да, да, я забыл, в крови Веры обнаружен алкоголь,— перехватил его мысли следователь.— Выходит, вы...

— Бокал на двоих... пива выпили... От жажды,— тихо промолвил.

— Ну вот все и выяснилось,— заторопился следователь. И стал составлять протокол.

Обвиняемый подписал его, не читая.

Вернулся он в камеру в подавленном настроении, что называется, разбитым и расстроенным. Улегся на койку, задумался.

«Неужели это я спяна? Любить ее и... Как же это вышло? — И тут же возразил себе: — Нет, нет, не мог я этого сделать! Почему же меня обвиняют в убийстве? Почему?.. Может, так нужно?»

И снова, в который раз, вспоминал: в тот вечер Вера, как никогда, была веселой. Много шутила, смеялась. А под конец, когда они прощались, вдруг заплакала. Да, она плакала, он видел слезы на ее щеках.

«Что за черт?! Неужели я возвратился и...»

Голова стала тяжелой и чужой. Он прижался к холодной стенке. Нет, надо что-то делать, с кем-то посоветоваться. А что если обратиться к прокурору? Он где-то когда-то слышал или читал, что в подобных случаях

нужно написать письмо прокурору, выложить все на бумаге, пусть придет и разберется.

Но вместо прокурора приехал тот же следователь. Он вызвал обвиняемого и недовольным, раздраженным тоном спросил:

— Что это за фокусы? То признал, то отказываешься. Как же понять?

— Как-как? А вот так, я ее не убивал.

— Не убивал, значит? А кто же? — спросил Чуня.

— Ищите, она мне не враг. Я ее любил.

— Трус ты, вот кто! — махнул рукой Чуня и, не прощавшись, вышел.

Через два дня Чуня появился снова:

— Будешь признаваться? Из-за тебя я в отпуск не иду. Чего ты тянешь?

Василий попытался убедить следователя в своей непричастности к убийству.

— Ловко! А куда прикажешь деть вот эти материалы? — потрясал томом Чуня. — Вишь, сколько написано. Послушай, что говорят свидетели.

«Я видела, как Василий и Вера стояли у куста сирени. Время было около часу ночи. Больше я никого не видела».

— Слышишь? Это дворник сказала.

Наклонив голову, Василий молчал.

А Чуня продолжал читать:

«Группа крови Василия Козарца относится к первой...»

После этого Чуня отыскал фото убитой и сказал:

— Вот, посмотри на свою возлюбленную, что ты с ней сделал.

— Не надо! Уберите! — вскочил Василий и заплакал. — Пишите, может, и я...

И снова следователь составил такой же краткий протокол. В нем не было одной детали, ни мотива убийства, ни обстоятельств, ни улик.

...Дальше был суд.

Дело рассматривала судья Самофалова. В суде Василий виновным себя не признал. Судей это не насторожило. Они формально вникли в суть дела: заслушали показания свидетелей, огласили заключение судебно-медицинских экспертов. И вот последнее слово подсудимого.

Василий встал. Он был бледный и еле держался на ногах.

— ...Вроде я ее не убивал, — начал он тихо, еле шевеля губами. — Не мог я это сделать! — Здесь он оста-

новился, ухватился рукой за горло, словно ему не хватало воздуха.— А может... не помню...— наконец выдал из себя последние слова.

Суд удалился на совещание. Василия увели. Публика не расходилась.

В совещательной комнате судья и два народных заседателя должны были окончательно решить судьбу дела, судьбу молодого человека.

— Никаких личных счетов между ними не было,— заявила народный заседатель Анна Винец, работница фабрики имени Володарского.— За что же он убил ее?

Судья подняла на нее уставшие глаза и с возмущением сказала:

— За что, за что? Мало ли какие причины бывают. Убийство доказано...

— Я сомневаюсь,— продолжала Винец.

— Какое может быть сомнение? — оборвала ее судья.— Показания свидетелей — их видели вместе накануне убийства, заключения экспертов: группа крови на одежде убитой, признание самого виновного. Разве этого мало?!

— Какое же то признание — слезы,— не отступала Анна.

Да, сомнения возникли только у одного заседателя — Анны Винец. Ее больше всех волновала судьба молодого, не видевшего жизни парня. И свои возражения она изложила письменно.

Сказанное Анной нисколько не насторожило судью. Был подписан приговор...

Василий слушал его, держась руками за барьер. Лицо у него было серое, с желтизной, губы без единой кровинки, глаза потухшие, безжизненные, словно у покойника.

Снова камера, томительные дни ожидания самого страшного...

На любой стук он вздрагивал и бежал от двери.

«Все! Конец? За мной?» — шептали пересохшие губы.

Так продолжалось две недели. За это время он сильно похудел, его молодая кожа стала мешковатой, а по лицу поползли морщинки: около глаз, рядом с губами.

В одну из ночей его разбудил странный стук. Он вскочил и стал одеваться.

«Неужели это предчувствие смерти? — яростно забились мысли.— Умереть? Почему я должен умереть? Что я сделал?»

И ему захотелось жить, захотелось так сильно, что

он даже закрыл глаза, а затем постучал в дверь и позвал надзирателя...

...Верховный Суд Украинской ССР, проверяя дело Козарца в кассационной инстанции, усомнился в его виновности в убийстве, приговор отменил и вернул дело на дополнительное расследование.

Следствие по делу поручили вести другому следователю, — опытному Тоцкому.

Он тщательно изучил дело, повторно осмотрел место происшествия, разобрался с обстановкой. Впечатление от прочитанных бумаг и осмотра было ошеломляющим.

Он сразу не смог этого объяснить. Сколько работает, у него такого случая не было. Ему просто не верилось.

«А может, я ошибаюсь? — вдруг пришло ему в голову. — Делаю преждевременные выводы? Почему Василий ведет себя так смирно? Если бы на меня обрушилось такое горе, я засыпал бы жалобами все инстанции. Чего же он молчит? Может, он и в самом деле виновен, но для окончательного вывода в деле не хватает неоспоримых улик? А может, он с отклонением? Нарушена психика? Нужно проверить».

Открыл страницу, к которой была подшита «Явка с повинной». Стал читать ее. Разве это показания? Они куцые и пронизаны сплошными противоречиями.

«А что говорит приговор? Так же краток. Не убедителен. Судом тоже допущена ошибка».

Просматривая еще раз фотоснимки, приложенные к протоколу осмотра места происшествия, Тоцкий обратил внимание на пятнышко, которое четко запечатлелось на шее Веры.

«Что это? Дефект фотографирования?»

Нашел пленку. Через лупу пятнышко просвечивалось довольно ярко. И вдруг Тоцкого осенила мысль: кулон! Действительно, там, где был кулон, светлело не загоревшее на солнце пятно.

Есть ли в деле какие-либо данные о кулоне? Следователь их не нашел. Куда же делся кулон? Почему его не заметили при осмотре места происшествия?

Тоцкий тут же вызвал понятых. Они подтвердили, что при осмотре трупа Веры кулона не было.

После изучения дела Тоцкий решил встретиться с «убийцей».

В «дежурку» тюрьмы он пришел ровно в девять. Оформив вызов Василия Козарца, направился в следственную камеру, обстановка которой ему давно знакома: деревянный стол, две табуретки, привинченные к по-

лу, железная чернильница, вмонтированная в крышку стола, и единственное окошко под самым потолком. Оттуда еле пробивался слабый дневной свет, укладываваясь ровными кубиками на противоположной глухой стене.

Тоцкий сел, закурил. Еще раз, словно попал сюда впервые, оглядел стены, цементный пол.

Сколько раз он бывал здесь, в этой камере под номером пять... Допрашивал, проводил очные ставки, просто беседовал с людьми, убеждая их не попадать сюда больше...

Василия привели через пять минут. Тоцкий сразу узнал его, хотя видел первый раз. Сняв шапку, Василий тихо поздоровался и, не садясь, потупив голову, застыл у стенки.

— Садитесь,— предложил ему Тоцкий.

Тот сел. Его глаза настороженно забегали по сторонам, а затем усталились на стол, где лежало его разбухшее от бумаг дело. Он по-прежнему молчал.

После короткой паузы Тоцкий представился.

— Хорошо, может, это к лучшему,— неуверенно произнес Василий.

Начался допрос. Тоцкий всегда допрашивал не спеша. Четко и грамотно ставил вопросы, мягко говорил, интересуясь всем, создавая таким образом рабочую, не напряженную обстановку. Этим он и достигал многого.

— Я не виновен,— взволнованно сказал Василий и заплакал.— Я ее любил...

Тоцкий слушал эти горькие слова, присматривался к Василию, взвешивал сказанное, анализировал, еще и еще раз убеждался в своей правоте. Парень действительно не виновен.

— Я не мог это сделать,— повторял Василий.— Руки не поднялись бы!

— Зачем же вы признались? — остановил его следователь.

— Признался?! В то время мне было безразлично. Жизнь без нее не имела никакого смысла. Веры не стало, и я не хотел жить. Думал, не вынесу такого горя.— Василий замолчал, вытер рукавами слезы и отвернулся.

— У Веры был кулон? — неожиданно спросил Тоцкий.

— Да, я и забыл. Это старый дукат на серебряной цепочке.

— А в тот день?

— Был. Я хорошо запомнил.

Допрос продолжался долго. Василий вел себя на-

стороженно, сдержанно. Если следователь задавал ему сложные вопросы, отмалчивался, опустив голову, шаркая по полу ботинками. Тоцкий понимал: боится, чтобы снова не наговорить на себя лишнего.

За время допроса следователь окончательно пришел к выводу: Василий — жертва горькой ошибки, допущенной следователем и судом.

«Что же осталось в деле? — думал после допроса следователь. — Видели люди, как Василий провожал Веру! Ну и что же? Это не значит, что он должен был ее убить. Заключение экспертизы? Первая группа крови не только у Василия. Сколько людей на белом свете с такой группой. След обуви у куста? Ясное дело — стояли вместе. А какой же мотив? Убить любимую девушку? Так просто, ни за что? Нет, так не бывает. И основное: куда делся кулон? Василий взял себе? Исключено! Значит, его похитил преступник!»

Чтобы окончательно убедиться в своих предположениях, Тоцкий сделал обыск на квартире Козарца. Злополучного кулона там не нашел.

Зашел к Шмыгам. Мать Веры — Екатерина Ивановна встретила следователя с заплаканными глазами. Она была угнетена и подавлена. На ее широком добродушном лице лежала печать пережитого горя. А припухшие, красные веки, опущенные углы рта указывали на долгие бессонные ночи. Некогда красивое лицо — все в глубоких морщинах, желтое и поблекшее. В волосах густая седина. Говорила тихо, с трудом выговаривая каждое слово. Да, потеря для нее большая, не стало единственной дочери, и это горе убило ее окончательно.

— Был ли у Веры кулон? — спросил наконец следователь.

Ответила сразу, не задумываясь:

— Как же, как же — был. Это ей покойная бабушка подарила.

— Почему же вы об этом не заявили сразу следователю?

— Куда там, такое горе, что стоит кулон, когда Веры нет, — ответила сквозь слезы. — Следователь не интересовался им.

— Вспомните, Екатерина Ивановна, в тот вечер Вера одевала кулон?

— Да, Вера всегда носила его и даже на ночь не снимала.

Заплакала совсем по-детски, судорожно всхлипывая и вздрагивая.

Тощкий ушел. Он был глубоко взволнован этой встречей и поклялся себе, что обязательно найдет убийцу.

На второй день он попросился на прием к областному прокурору.

Прежде чем выслушать его, тот пригласил и прокурора Сметюха, надзиравшего за делом с момента его заведения.

— Василий не виновен, — заявил Тощкий. — Его нужно немедленно освободить из-под стражи.

Сидевшему напротив него Сметюху явно не понравилось такое смелое заявление.

— Я на этом деле зубы проел! Просидел столько в тюрьме — и не виновен. Ну, знаете! Он ведь признался. Показание дворника сомнений не вызывает. Заключение экспертиз — тоже.

Тощкий его не перебивал, не хотел вступать в спор. Слушал и ждал, какими аргументами будет оперировать прокурор, обвиняя Василия в совершенном преступлении.

Но прокурор никаких новых данных не привел, все это было известно и Тощкому.

Когда прокурор высказал все и сел, следователь спросил его:

— А кулон, исчезнувший у погибшей, где он?

— Кулон? Какой еще кулон? Откуда он взялся? — всполошился Сметюх.

Тогда следователь не спеша рассказал все. В кабинете наступила пауза, короткая, но напряженная.

Нарушил ее Тощкий.

— Признание, Виктор Николаевич, — обратился он к Сметюху, — фикция! Я уже вынес постановление о его освобождении, вот оно!

Тощкий раскрыл папку и положил на стол отпечатанный на машинке документ.

— Да вы что, убийцу на свободу? — не выдержал Сметюх. — А люди что скажут?

— Объясним, — спокойно ответил следователь.

Областной прокурор нахмурил брови. Затем, откинувшись на спинку стула, прищулив глаза, стал всматриваться в Тощкого. Он его знал давно и верил ему. Сколько тот провел серьезных дел. Был всегда объективен и ни одной ошибки не допустил.

— Убедительно, — наконец тихо произнес. — Немедленно освободите Василия Козарца!

Перед освобождением Василия Тоцкий решил с ним встретиться.

Их свидание состоялось в той же камере. Со дня их первой встречи Василий еще больше осунулся, согнулся. После приглашения сесть он некоторое время постоял, а затем опустился на краешек табуретки и с полуоткрытым ртом ловил каждое слово следователя.

— Сегодня я вас освобождаю,— объявил ему Тоцкий.

Василий вскочил.

— Меня? А убийцу нашли?

— Пока нет,— угрюмо ответил следователь.— Но обязательно найдем.

— Нет? — уставился на следователя Василий.— Тогда я отсюда не уйду. Как я покажусь на люди?

— Вы же не виновны и сами об этом знаете.

— Это вы говорите и я знаю. А люди? Они же были на суде, слушали. И вдруг такое. Кто поверит?

— Поверят,— успокоил его Тоцкий.— Вот, ознакомьтесь с документами и распишитесь,— положил на колени Василия постановление о его освобождении.

...Шли дни. Тоцкий работал неустанно, и его надежды оправдались. Наконец-то он получил из Орла долгожданный ответ на свой запрос.

В нем сообщалось, что там задержан особо опасный рецидивист, некий Грайдук, он же Корейко, он же Моргачев, сбежавший из мест заключения. Появляясь нелегально в городах, он вечерами нападал на женщин, душил их, насиловал.

Следователь незамедлительно выехал в Орел. При задержании Грайдука у него был изъят кулон, похищенный у Веры. Через месяц Грайдука этапировали в Днепрпетровск. Грайдук точно указал место, где им было совершено убийство Веры Шмыги и пояснил:

— ...Я шел по улице, время было позднее, около куста сирени увидел двоих — парня и девушку — и решил... Подошел ближе и притаился в палисаднике. Вскоро парень, попрощавшись, ушел, я вышел из-за куста, схватил ее сзади...

Кулон-дукат с серебряной цепочкой опознала Екатерина Ивановна.

Вскоре подлинный убийца предстал перед судом и был осужден.

Исчез человек

Накануне Октябрьских праздников Сергей Оленко — столяр Старнинского леспромхоза — женился на Стефе Горегляд. Сыграли свадьбу по всем правилам и поселились в доме леспромхоза.

Для Стефы это был второй брак. Первый муж, от которого у Стефы росла дочь Валентина, погиб в автомобильной катастрофе.

Через год после второго замужества Стефа родила еще одну дочь — Ольгу, а еще через год — сына Иванка. Имели огород, хозяйство.

Незадолго до женского праздника Сергей явился домой поздно. Разбудил Стефу.

— Нам нужно срочно отсюда уехать. Я встретил очень плохого человека, он с Волыни, из моего села...

— Как это уехать? У нас ведь хозяйство, трое детей, ты в своем уме? — возразила Стефа.

— Если не хочешь, оставайся. Без тебя дорогу найду, — раздраженно выпалил Сергей.

Они рассорились. Весь праздник не разговаривали, Сергей нервничал, пересмотрел все письма, подготовил документы. Подал заявление на расчет.

Прошло две недели, и он, не попрощавшись с семьей, рано утром уехал.

Целый месяц от него не было вестей, и вдруг явился ночью. Вместе просидели со Стефой до утра... На сборы ушло два дня, и вскоре они оказались в поселке Макаровском Днепропетровской области. Наняли квар-

тиру, затем купили времянку — две крохотные комнатухи, тесные, холодные. Сергей решил строиться. Обратился в правление колхоза, и ему выписали кирпич, цемент и лес.

Ко всем детям Сергей относился одинаково, и они любили его.

В течение года дом был построен. Оставалось выполнить внутреннюю отделку.

...Утром второго сентября Стефа прибежала к дежурному райотдела милиции и заявила, что накануне вечером к ним во двор пришли трое мужчин, вызвали мужа, и все ушли. До сих пор он не возвратился...

...Розыском Оленко занялись следователь прокуратуры и работники отдела уголовного розыска. Спустя два дня дело зашло в тупик. Прокурор района Панкратов позвонил мне домой ночью (я в то время работал начальником следственного отдела прокуратуры Днепропетровской области) и попросил срочной помощи.

— Может, Оленко уехал к родственникам и никакого убийства не произошло? — спросил я прокурора.

— Чует мое сердце, дело серьезное, — настаивал тот.

Утром следующего дня я с сотрудником областного отдела уголовного розыска Смагой выехал на место. Смагу мне выделили по моей просьбе. Я знал его давно как опытного работника, с ним мы распутали не одно дело. Средних лет, худощавый, высокий, подтянутый, аккуратно одетый, он всегда привлекал к себе внимание.

В райотделе милиции мы застали прокурора Панкратова — коренастого голубоглазого брюнета лет пятидесяти; следователя Скопцова — молодого, стройного, с добродушным лицом; начальника милиции Бодулина, атлетического сложения мужчину, а также оперативников. У всех были озабоченные лица. Следствие без трупа — самое сложное дело. Мне уже не раз приходилось заниматься подобными делами, и я знал, что здесь нужна в первую очередь высокая организованность всего состава милиции, прокуратуры и местной общественности.

— Никаких нитей пока нет, бродим в потемках, — сказал мне прокурор.

— Жену допрашивали? — поинтересовался я.

Панкратов переглянулся с Бодулиным:

— Да, твердит одно и то же: забрали мужчины и увели.

— Кстати, так сказала и ее старшая дочь, — дополнил Бодулин.

— Вот еще что непонятно,— продолжал прокурор, попыхивая потухшей трубкой.— Дочь все время плачет. Почему? Ведь отец-то ей не родной.

— В этом и загадка,— подчеркнул следователь Скопцов.

Помолчали. Смага прошелся по кабинету, остановился у окна. Выходило солнце. Его лучи проникали в кабинет, отражаясь от пола и ажурных занавесок.

— Ориентировку в другие районы области дали? — спросил он.

— Отписали сразу,— ответил Бодулин.

— А по месту рождения и прежнего проживания?

— Разумеется. Но ниоткуда нет ответа,— махнул рукой прокурор.

Бегло ознакомившись с материалами дела, я решил начать с заявительницы, чтобы самому убедиться в истинности события.

Через час передо мной сидела молодая, щуплая, курносая, большеглазая женщина.

Ее узенькие плечи то и дело вздрагивали. Нечесанные волосы вздымались от легкого сквозняка. Я подождал, пока она выплачется, а затем попросил:

— Опишите внешность мужчин, с которыми ушел муж.

Стефа медленно подняла голову и сдвинула плечами. Я поймал ее взгляд. Глаза были серые, потускневшие, неискренние. Мой взгляд, по-видимому, не понравился ей, она отвернулась и буркнула:

— Я же говорила. Не запомнила в темноте.

«Темнит»,— подумал я и решил проверить ее показания. Вечером мы поехали к ней домой. Во дворе было пусто. С левой стороны от дороги стояла времянка, напротив — огромный, в шесть комнат, кирпичный дом. Стефы дома не оказалось. Нашли ее у соседки. Предложили показать место, где стояли те мужчины. Она указала. Это место было у забора и хорошо освещалось уличным фонарем.

Стало ясно. Никаких мужчин не было. Если бы они приходили, то их приметы она бы запомнила.

«Стефа — убийца»,— чуть было не сделал я окончательный вывод. Однако спешить не следовало.

«Если она убила его, то куда зарыла труп? И могла ли вообще такая щупленькая женщина вынести его из дома сама?»

Вряд ли. Но это не значит, что она не могла его убить. Возможно, здесь замешан другой человек, со-

общник. Кто же он? Знакомый, родственник, чужой? Местный исключается. Трудно поверить. За короткое время жизни в Макаровском вряд ли она могла найти таких людей.

А может, ей помогала дочь? Нет. Ребенок не посмеет. Юная душа на это не способна».

Не придя ни к какому выводу, я решил на следующий день поговорить со старшей дочерью Оленко — Валентиной.

Но перед этим, вечером, вызвал к себе ее классного руководителя, чтобы разузнать о Валентине как можно больше.

— Скажите, заметили ли вы какие-либо изменения в поведении Валентины после исчезновения ее отчима? — спросил я.

Александра Ивановна смутилась, на ее щеках появился румянец. Я понимал ее состояние. Она первый раз у следователя. Это бывает с каждым.

— Да. В тот день Валя в школу опоздала, явилась на последний урок, — ответила учительница. — На мой вопрос, что случилось, почему так поздно? — ответила: «Мама заболела». А на следующий день сказала, что к ним вечером пришли три дяди и увели отчима. Тут какая-то загадка, не правда ли?

Я промолчал.

— В последнее время Валя уроков не учила, на занятиях была невнимательна.

— А с матерью говорили? — поинтересовался я.

— Конечно. Вызывали в школу. Она заявила, что дочери сейчас не до учебы.

— А какие были отношения у Валентины с отчимом?

— Отчимом? Не подумала бы! Мы все считали его родным отцом, — удивилась учительница. — В школе он бывал. Интересовался учебой девочки. На наш взгляд, он был неплохим человеком и отцом.

Когда Александра Ивановна ушла, я пригласил к себе Смагу.

— Что нового?

— Обошли все дворы и опросили соседей Оленко. Они указали на существенное обстоятельство. В конце августа они видели во дворе Оленко неизвестного мужчину, причем тот приходил, когда дома была одна Стефа.

— Может, любовник? — предположил я.

— Вопрос резонный, но пока это только предположения. По словам соседей, он был значительно старше

Стефы, невысокий, коренастый, рыжеволосый. Одет в костюм серого цвета. Судя по поведению, Стефа и тот мужчина давно знакомы. Увидев его, Стефа хотела спрятаться в дом, но мужчина схватил ее за руку, и в дом они зашли вместе. Находился он там более двух часов. Вышел из дома один, Стефа не провожала.

— А что оперативники? У них новости есть?

— Пока нет,— хмуро произнес Смага.— Я лично считаю — этот тип приезжий.

Прошел еще один день напряженной работы.

Все уже разошлись, а я и Смага сидели над планом. Начальная стадия следствия — основа основ. Малейшее упущение или незначительная ошибка могли повлиять на исход дела. Поэтому мы продумывали новые версии, анализировали крупницы добытых улик, предполагали, по-деловому спорили.

Когда вышли на улицу, уже совсем стемнело. Со всех сторон веяло осенней прохладой. Выходила луна. Она казалась огромным шаром, скачущим по горизонту. Ее красноватый свет бродил по крышам домов, отражался от укатанной грунтовой дороги, отсвечивал дорожкой в лужах недавно прошедшего дождя.

Шли молча. Каждый думал о своем. Завтра предстоит трудный день.

В кабинет Валя зашла в сопровождении Александры Ивановны. Я пригласил их сесть. Валя села около меня, учительница — напротив. Чтобы расположить Валю к себе, я не сразу начал допрос, а спросил, как она учится в школе, трудно ли ей заниматься, есть ли нужные книги, помогает ли матери по хозяйству. Валя вела себя замкнуто, на вопросы отвечала не сразу, долго думала. В процессе беседы я изучал ее. Это была худенькая, хрупкая девочка, с болезненным желтоватым лицом, с серыми глазами, полными слез. Тени под глазами говорили о проведенных без сна ночах. Мне стало жаль ее. И я все тянул и тянул с вопросами, касающимися дела. Когда она немного успокоилась, спросил:

— Где же твой папа?

Спросил спокойно и вежливо.

Валя опустила голову и тихо промолвила:

— Пришли дяди и увели его, мама тоже видела...

Потом она замолчала, нахмурилась и на заданные мной другие вопросы отвечала одно и то же.

Когда я предложил ей рассказать подробно, кто они, эти дяди, во что одеты — она начала плакать.

Так я в этот день ничего вразумительного от нее и не добился.

...Поселок Макаровское сравнительно небольшой. Как правило, слухи в таких местах разносятся с необычайной быстротой. Стоит появиться какой-то новости, в течение двух-трех часов о ней узнают во всех домах. Об исчезновении Сергея Оленко жители поселка узнали в тот же день. И начались суды-пересуды. Одни говорили, что его арестовали за связи с бандеровцами, другие, что он бросил Стефу, которая в последнее время часто придиралась к нему, и уехал к себе на родину.

Об этих слухах нам вечером и рассказал участковый уполномоченный. Между прочим, и сама Стефа говорила соседям, что ее пропавший муж не был идеалом, выпивал, а выпив, часто ее поколачивал. Она, мол, это скрывала, боялась, чтобы не бросил. Что ей делать потом с тремя детками?

Как и подобало, Стефа заметно убивалась по мужу, плакала, жаловалась на свою горькую судьбу. Ей сочувствовали. Ведь она осталась одна с детьми в недостроенном доме.

Люди говорили и о темном прошлом Сергея Оленко. Пора было начинать проверку личности исчезнувшего.

Начальник милиции настаивал на задержании Стефы, уверяя, что она непременно заговорит, но я был против.

Обвинить человека в тяжком преступлении — для этого нужны веские улики, а следствие ими пока не располагало. Все же решили установить за Стефой и ее домом наблюдение.

Новое событие, которое произошло в этот день, укрепило нашу уверенность в том, что произошло убийство.

Неожиданно приехали родственники Стефы. Явившись к нам, рассказали, что они приехали на похороны Сергея, а тут узнают — никаких похорон и покойника нет. Набросились на Стефу, что, мол, за шутки такие, ехали издалека, растратились, а она в ответ:

— Страшно и горько мне. Вот и вызвала. Иначе бы не приехали.

Родственники положили мне на стол телеграмму. Я прочитал: «Приезжайте хоронить Сергея».

На телеграмме стоит дата — 2 сентября.

— Забавно, забавно. Еще не нашли труп, а Стефа уже на похороны вызвала, — развел руками прокурор. — Выходит, точно знает, что его нет в живых.

— Как видно, так. Стефа почему-то уверена — труп будет найден,— подчеркнул Смага.

— Значит, труп где-то рядом. Надо искать,— высказался начальник милиции.

Начали поиски: перекопали огород на усадьбе Оленко, прочесали посадки, осмотрели заброшенные ямы, колодцы. Но не нашли. Вечером собрались все вместе в кабинете прокурора.

— Я считаю, труп Оленко нужно искать в подвале Стефы,— внес предложение следователь.— Если она совершила убийство, то труп Сергея вынести не смогла. Что ей оставалось делать? Прятать!

— А если и в самом деле Сергея убили те мужчины? — перебил его Смага.— Куда они могли спрятать труп?

— Спрятать легко,— вмешался участковый уполномоченный старший лейтенант Небоклон.— Вокруг пустырь, овраги, выборки, сбросили туда труп и ищи-свищи. Там такие ямищи — дна не видать.

— Чего мы торгуемся? Стефа знает, где он,— перебил начальник милиции.— Нужно немедленно задерживать ее, и она все расскажет.

— А улики? Они у вас есть? — вспыхнул Смага.

— Разумеется. Подтасовка с телеграммой, неискренность в показаниях,— продолжал свое начальник милиции.— Ясное дело. Да и дочка темнит.

— Ну, это еще бабушка надвое гадала — либо дождик, либо снег,— махнул рукой Смага.

Спорили долго. Под конец пришли к единому мнению: спешить с задержанием Стефы не следует, поскольку уверенности в ее виновности нет.

Решено было увеличить количество поисковых групп, привлечь к этому как можно больше дружинников, комсомольцев. Договорились также об осмотре подвала, пристроек на усадьбе Стефы.

А утром произошло событие, которое заставило поинимому взглянуть на исчезновение Оленко.

Дежурному райотдела милиции позвонили и сказали, что возле посадки, в трех километрах от поселка, нашли кепку и шарф. По приметам, они принадлежали потерпевшему.

На место сразу пустили в дело служебно-розыскную собаку.

— След! Сокол, ищи,— скомандовал старшина-кинолог.

Сокол кинулся к вещам, понюхал их, заскулил и,

касаясь мордой травы, кинулся в лесопосадку. Проводник еле поспевал за ним. Сокол пересек посадку, вывел на дорогу, идущую в сторону города Кривого Рога, покрутился на месте, опять заскулил и присел.

— Уехал,— сделал вывод старшина,— попробуем еще раз.

Но Сокол дальше не пошел.

Осмотрели место происшествия. Вокруг обнаружили множество следов обуви, но все они были оставлены на траве и для идентификации оказались непригодными. Там же нашли окурки двух сигарет. Шарф, кепку и окурки сложили в целлофановый мешочек и опечатали.

Вещи предъявили на опознание Стефе.

— Шарф и кепка моего Сергея,— вскрикнула она и бросилась к ним.

Схватив в руки кепку, Стефа прижала ее к груди, начала целовать, приговаривая:

— Мой дорогой Сереженька! Что же они с тобой сделали, изверги проклятые. Родной мой!

Кому принадлежали окурки, установить не удалось. Стефа категорически заявила, что Сергей никогда не курил.

После обнаружения вещей потерпевшего мнения участников следственной группы разделились. Одни считали, что Стефа рассказала правду, убийство совершили трое мужчин. Я, Смага и начальник милиции остались на прежних позициях. В убийстве мы подозревали Стефу.

Поиски продолжались. Все неопознанные трупы в области фотографировались, и нам немедленно доставлялись их фотокарточки.

Неопознанные трупы по городу Кривому Рогу мы осматривали с участием Стефы.

Опознание трупов — вещь довольно неприятная. Вначале мы надеялись, что это в какой-то мере повлияет на Стефу и она дрогнет. Не тут-то было.

Заходя в мрачную покойницкую, Стефа вздрагивала, бледнела, однако признаваться не спешила.

— Нет, нет. Не он,— с трудом проговаривала сквозь стиснутые зубы.

Время шло, а мы все топтались на месте.

Я решил посетить школу, в которой училась Валя. Побывал в ее классе, в учительской, поговорил с учителями и уже хотел было уходить, как вдруг ко мне подошла сторож школы Любовь Петровна, женщина лет

сорока, очень полная, с маленькими мышиными глазками.

— Вы следовательно? Я должна вам кое-что сообщить,—нерешительно сказала она.—Идемте в сторожку.

Закрыв за собой дверь, она выглянула в окно, проверила — не подслушивают ли нас, а уж потом заговорила:

— Когда это было, я не запомнила, кажется, на той неделе. Утром рано приходила сюда Стефа, приводила дочку. Я хорошо запомнила: у нее в руке была красноватого цвета авоська, а в ней что-то завернутое в белое. Видать, тяжелое. Она зашла в школьный туалет. Через несколько минут вышла. В руках авоськи уже не было. Тут-то я и смекнула, может?..

Последние слова Люббвь Петровна сказала совсем тихо, еле слышно.

О сообщении сторожа я рассказал прокурору. Было принято решение — за ночь очистить туалет.

Всю ночь работали ассенизаторы, а под утро на самом дне выгребной ямы нашли связанные телефонным шнуром топор без топорища и столовый нож.

Эта находка нас не обрадовала, так как авоськи, о которой сообщила Любовь Петровна, в туалете не оказалось.

Что касается извлеченных из ямы ножа и топора, то говорить об их принадлежности к нашему делу было еще рано.

Пришли ответы из Ровенской и Волынской областей — прежнего местожительства Оленко и его родственников. Из них явствовало, что он в тех местах в последнее время не появлялся. Ответы из других областей не поступили.

Дело, по существу, оставалось в тупике.

Надежда была на результаты осмотра построек на усадьбе Оленко.

Туда я выехал со Смагой. Пригласили понятых и зашли во двор.

Увидев нас, Стефа кинулась навстречу.

— Нашли уже?

— Нет,—ответил Смага.

— Вы же знаете, где он, подскажите! — вырвалось у меня.

— Как вам не стыдно такое говорить? А еще представители власти... Вам-то положено разобраться.

— Да, да, покажите! — поддержал меня Смага.

Стефа побледнела. У нее задрожали губы и переко-
силось лицо.

— Подумайте! Как я могла поднять руки на отца
троих детей! Соображать надо! Следовательно...

— Осмотрим ваши хоромы,— перебил ее Смага.—
Может, прояснится.

Стефа выбежала вперед, стала в дверях, раскинув
руки.

— Не пущу в дом. Пусть присылают других следо-
вателей. Вам я не доверяю! — крикнула.

Но потом, убедившись в нашей настойчивости, отсту-
пила.

— Извините, погорячилась. Не выдержали нервы...

Мы зашли в дом. Сразу бросилась в глаза свежая
побелка в коридоре.

Я достал лупу и начал рассматривать одну из до-
сок потолка, искоса наблюдая за хозяйкой. Она не на
шутку встревожилась, заерзала на диване и уставилась
на меня полным горечи взглядом. «Здесь, именно здесь
разгадка», — решил я.

Подошел Смага и, будто прочитав мои мысли, обра-
тился к Стефе:

— Побелили? По какому случаю?

— К праздникам готовлюсь,— как-то неуверенно,
дрожащим голосом ответила она.— Октябрьские вот-
вот...

— Праздники? Да ведь сейчас только сентябрь! —
вмешался я.

Стефа промолчала.

— Ай, ай, как неаккуратно стены побелили, а по-
толок оставили как был? — не успокаивался Смага.

Стефа продолжала молчать, кусая губы.

Когда мы начали осмотр потолка, она побледнела и
тяжело опустилась на диван, но глаз с нас не спускала.

Потолок был деревянный. Доски пригнаны плотно,
промаслены олифой. Когда я передвинулся ближе к
входной двери, то обнаружил мелкие точечные брызги
буроватого цвета.

«Кровь?» — застучало в висках.

Я обмакнул спичку в перекись водорода и нанес жид-
кость на бурое пятнышко. Оно вспенилось: «Кровь!»

Показал Смаге. Он согласился со мной. Да, это бы-
ла кровь. Но чья? Показал брызги крови понятным и
Стефе. Она вскочила.

— Кровь, говорите?

— Похоже на кровь.

— Эх вы, специалисты! Петушиную кровь не можете отличить от...— стала стыдить нас Стефа.— С петухом оказия произошла,— продолжала она.— Я ему голову отрезала, а он без нее стал летать. Понимаете?

Мы уже не спешили. Найдём брызги, сделаем отметки карандашом, сфотографируем, сделаем соскобы. В одном месте я обнаружил даже частичку мозгового вещества.

Кровь имелась также и на иконе, в зорчатом окладе, очень старой, висевшей в углу. Её пришлось снять, чтобы сделать соскобы крови. Осматривая икону, я вынул из щели разошедшихся досок клочок бумаги, сложенный вчетверо. Развернув, начал читать:

«Пишуть твої друзі. Твій чоловік убивця. Ти була зовсім мала, як він у вашій хаті убив твого батька і матір. Як він знущався, зразу виколов очі, відрізав їм носи, потім вуха. Вирізав зірку на грудях... Як ти його терпиш, цього катюгу? Його не покарали, і він, щоб скрити сліди, женився на тобі. Це тобі розкаже і чоловік, який дасть тобі письмо. Схаменися, Стефо, відкрий свої очі. Катюзі — по заслугі. 26 серпня. Твої друзі».

Письмо я предъявил понатым и тут же спросил Стефу:

— Кто передал вам это письмо?

Потупив голову, она то и дело облизывала пересохшие губы, вся дрожала. А на виске, я заметил, как-то по-особому сильно затрепетала фиолетовая жилка. Её самообладание таяло на глазах.

— Ну, отвечайте,— торопил Смага.

— Не знаю,— тихо сказал Стефа.— Я его вижу впервые... А икону мне подарили соседи, когда мы уезжали.

Мы продолжали осмотр. Помимо следов крови и письма, в золе, разбросанной по огороду, нашли две подковы и медные гвозди.

— Во что был обут Сергей в тот вечер? — поинтересовался Смага.

— Кажется, в кирзовые сапоги,— ответила она.

Подозрения в отношении Стефы были серьезными: кровь в доме, сожженные сапоги.

До конца обыска Стефа вела себя замкнуто, отвечала грубо, время от времени плакала.

Обыск и осмотр окончили в девятом часу вечера. Я уехал первым.

Но не успел расположиться в кабинете, как по настоянию прокурора привели Стефу. Я возмутился. К до-

просу Стефы нужно было подготовиться. Орешек она крепкий, голыми руками не возьмешь. Все выходы она уже обдумала. Сейчас бы получить заключение экспертизы о принадлежности крови, обнаруженной на потолке. Чья это кровь — человека или животного?

— Сажать ее надо, — настаивали прокурор и начальник милиции. — Сколько с ней цацкаться?

Арестовывать ее было нельзя. Тем более теперь, когда в деле появился неизвестный мужчина. А вдруг он-то и есть настоящий убийца? Сейчас главное — наблюдение за домом.

Все же я вынужден был допросить Стефу. Она была бледна, у нее дрожали руки, заплетался язык, на все мои вопросы она шумно вздыхала и отвечала одно и то же:

— Ой, мої діти! Ой, мої діти!

Промучился я с ней более двух часов, но, вопреки настояниям прокурора и начальника милиции, арестовывать не стал, а отпустил домой, обязав явиться утром следующего дня.

Придя в гостиницу, я долго не мог уснуть. Думал о Стефе, анализировал события.

Смага тоже не спал, пришел ко мне в час ночи, присел на уголок кровати.

— Ситуация, скажем, просто аховская, — вздохнул он. — Жаль детей, Стефу. Поспешила расправиться с ним сама, отомстила. А вообще — подлецу туда и дорога.

— Но почему она не признается? Деваться-то ей некуда. Записку нашли, кровь на потолке, шнур, такой же, как и тот, которым были связан топор и нож.

— Я уже мозговал над этим и пришел к выводу, — продолжал Смага, — что она не хочет выдавать своего соучастника, а может, и самого убийцу..

— Помнишь, в записке указано, «чоловік, який дасть тобі пісьмо...»

Возможно, это тот мужчина, о котором говорили соседи.

— Тут и другое, — не выдержал Смага. — Ведь она мать троих детей. Она-то понимает, что ей не поздоровится. Отвечать придется... Осудят. Дети останутся, а кому они нужны? Родственникам?

— Когда она уходила после допроса, — сказал я, — в ее глазах было жуткое отчаяние. Как бы с собой чего не сделала.

— Я думаю, нет. Женщина она мужественная, с ха-

рактером,— возразил Смага.— Детей сиротить до конца не станет.

Смага глубоко вздохнул, потянулся, пытливо посмотрел на меня и произнес:

— Тяни не тяни а арестовать ее придется. Закон есть закон.

Утром, ровно в девять, Стефа пришла ко мне. Я предложил ей сесть. Лицо желтое, под глазами большие синие круги, в глазах глубокое страдание. Припухшие красные веки нервно моргали, взгляд был тупой, безразличный.

— Расскажите все по порядку, что же произошло?

Она посмотрела на меня и зарыдала. Слезы ручьем потекли по ее желтым щекам.

— Не надо плакать. Так или иначе, а рассказывать придется. Легче станет, поверьте!

Она будто очнулась от долгого сна, глубоко вздохнула и покачала головой... Я догадывался — разговора не будет. И в этот раз я не стал задерживать ее, отпустил домой.

Оперативники, наблюдавшие в сумерках за домом Стефы, заметили неизвестного мужчину, который закоулками пробирался к ее дому. Увидев работников милиции, он тут же скрылся.

Я пожурил их, заметив, что нужно было остановить, выяснить личность.

— Таких указаний не было,— оправдывался старшина Соловьев.— Сказано было не сводить глаз с дома — и баста...

Ночью мне снова не пришлось спать — в первом часу меня подняли. По сообщению соседей, в дом Стефы зашел тот неизвестный мужчина, которого видели и раньше.

Выслали наряд милиции, задержали, доставили в прокуратуру. Им оказался некий Занулин Иосиф Маркианович, в возрасте около пятидесяти лет. Высокий, худощавый, чернявый. Буйная шапка волос, лицо продолговатое, похожее на дыню, упрямый подбородок. Одет в синий рабочий комбинезон. Вел он себя спокойно, видно было, что вины за собой не чувствовал. Отвечал на все вопросы свободно и полно.

— Да, я знаю Стефу давно,— начал он.— Отца и мать тоже. До войны жили в одном селе. Я недавно переехал в Кривой Рог, работаю на обогатительной фабрике.

Далее Занулин показал, что ездил за семьей и одно-

сельчане передали ему письмо для Стефы... Он привез его и отдал ей лично в руки. Содержания письма он не знает.

— Когда вы были последний раз у Стефы, и знали об этом Сергей? — уточнил я.

— Как я уже сказал, первый раз привозил письмо. Вторично был в конце августа. Дома был и Сергей. Он почему-то сторонился меня. Может, приревновал к Стефе. Пробыл у них я около часу.

Занулин вдруг умолк, прикусив верхнюю губу, почесал затылок, прищурившись, внимательно посмотрел на меня:

— Почему-то Стефа интересовалась судьбой своих отца и матери. Кто их убил. Я ей ответил, мол, люди говорят — работа Сергея, ее мужа. Она посмотрела на меня так, что страшно стало...

Занулин задумался, а затем тряхнул головой, попросил разрешения закурить. Глубоко затянулся, глотая едкий дым.

— Чтобы Сергея увели мужчины? Вранье! Не верьте ей! — напористо и уверенно произнес он.

Из поведения Занулина было ясно — он к убийству не причастен. Его показания были правдоподобными, звучали искренне и убедительно. Мы его отпустили. Очную ставку со Стефой не сделали. Она и сама уже не отрицала прихода к ним в дом Занулина и вручения письма.

Чем больше я обдумывал все тонкости этого дела, тем чаще виделась мне Стефа. Уверенность в ее причастности к убийству росла, но не было основного — трупа. Обвинять ее в таком тяжком преступлении, как убийство, без трупа было нельзя. В жизни всякое бывает. Уедет человек со злости, а затем вернется...

Утром следующего дня труп Сергея все же нашли.

...Кладовщик колхоза Захар Петрович в тот день встал рано. Еще до работы решил поправить туалетную, которая находилась на огороде. Прошли дожди, и она стала быстро оседать. Взяв заступ, отправился на огород и тут же обратил внимание, что за ночь туалетная перекосилась еще больше.

— Придется переносить, — буркнул сам себе Захар Петрович.

Сдвинул надстройку и чуть было не закричал. Из отхожей жижи торчала рука. Бросив заступ, он с криком побежал назад. Собрались люди. Подъехали оперативники. Из туалетной вытащили части расчлененного тру-

па. Это был Сергей Оленко. Вскоре туда прибежала Стефа. Упала на колени, подползла к останкам тела, заголосила, причитая: «Ой, Сереженька, мой дорогой! На кого же ты нас покинул?»

Затем, обхватив голову Сергея, начала целовать ее.

— Дьявол, а не женщина,— возмутился прокурор.— Убила, а теперь побивается.

Эксперт констатировал: Оленко убит обухом топора в висок, расчленен на четыре части прямо в одежде. Сапоги, кепка и шарф отсутствовали. На левой руке у Сергея были часы, стрелки остановились в 23 часа 43 минуты.

Провели все возможные экспертизы.

Эксперты подтвердили: убийство и расчленение трупа сделано топором, который был найден в туалетной школы. Брызги крови на потолке дома Оленко — сходные с группой крови Сергея.

Итак, цепь улик замкнулась...

Похороны останков Сергея Оленко состоялись на второй день. Все шло, как и было запланировано: послали наряд милиции, заранее его подготовили, выставили посты. Но когда Стефа появилась на кладбище, ее встретили враждебно, особенно родственники Сергея.

— Убийца! Убийца! — кричали со всех сторон люди.— Прогоните ее!

Но это не остановило Стефу.

— Дайте проститься,— горько упрашивала она, широко размахивая руками, расталкивая людей. Ее лицо осунулось, постарело. Черная траурная одежда сидела на ней мешковато, и Стефа походила в ней на пугало, выставленное на огороде.

Люди обступили могилу и наглухо заколоченный гроб. Пробравшись сквозь толпу взрослых и детей, Стефа упала на колени, подползла к гробу, обхватив его руками, зарыдала.

— Прости меня, дурочку... я ведь не хотела..

— Убийца, убийца! Вон, вон отсюда! — гудела толпа.

Гроб опустили в яму. Комья свежей земли полетели в могилу, падали на крышку гроба.

За несколько минут на кладбище вырос новый, свежий холмик.

Толпа расходилась. Ушли и родственники убитого. Остались только Стефа, ее дети и кладбищенская обслуга. Стефа лежала на земле лицом книзу, а возле нее сгрудились дети.

Они сидели долго, пока не зашло солнце и на землю не опустились сумерки. Только после этого, крадучись, задворками, добрались домой, зажгли во времянке свечи и в жуткой, тревожной скорби просидели до утра.

Итак, дело вступило в стадию своего завершения. Встал вопрос об аресте Стефы. Но я все оттягивал это роковое событие.

— Пусть побудет с детьми. Получим ответ о Сергее, тогда и решим.

Материалы проверки о причастности Сергея к убийству матери и отца Стефы поступили в тот же день, к вечеру.

Смага был возмущен:

— И надо же такому случиться! Сергей ни к какому убийству не причастен.

— Кто же подкинул Стефе это письмо?

— Сестра первой жены Сергея — Каптух Светлана.

Теперь дело приняло совершенно иной оборот. В смерти Сергея была повинна и Каптух, подстрекнувшая Стефу к убийству.

Поведение Стефы действительно было странным и загадочным.

В связи с этим нами была назначена судебно-психиатрическая экспертиза. Стефа была признана вменяемой и должна была нести уголовную ответственность. Дело пора было заканчивать. Детей мы определили в детский дом, а Стефу арестовали.

Она тем временем пришла в себя и уже не возмущалась, сознавая, что за убийство мужа нужно отвечать.

Допрашивали ее несколько дней подряд, выясняя все: ее жизнь, обстоятельства убийства, причины, побудившие стать на путь преступления.

— За что же вы убили Сергея? — спросили ее.

— Это произошло случайно, — стала рассказывать Стефа. — Жили мы хорошо, хотя нам нелегко пришлось. Оба работали, строили дом, воспитывали детей. Однажды меня вызвали на почту и вручили заказное письмо от Каптух, сестры первой жены Сергея. Идя домой, я распечатала его и ахнула. В нем писалось такое... Мне стало страшно... Письмо от Сергея скрыла. Вы нашли одно, а другое я спрятала на чердаке.

— Где именно? — перебил я ее.

— Я засунула его под шифер. Могу показать, — вздохнула Стефа и продолжила: — Лягу в постель, а мать и отец у меня перед глазами. Я запомнила их на

всю жизнь — искалеченные, изувеченные... От этого я вскакивала ночью. Были минуты, когда хотела убить Сергея, заранее брала топор и ложила его под подушку. Но все же трое детей... Матери и отца не вернешь. И я почти было смирилась. Но вдруг явился Занулин, мужчина из нашего села. Дал мне новое письмо. И я выдержать уже не смогла, не было больше сил терпеть и страдать. Первого сентября уложила детей раньше, легла и сама. Сергей работал у соседа. Устанавливал двери. А у меня мысли в голове — словно муравьи в муравейнике. Встала, взяла топор, положила под подушку, помолилась. В полночь пришел Сергей. Нашел еду. А у меня тело одеревенело, то жарко мне, то холодно. Хотела отнести топор обратно в сарай и не брать грех на душу. Встать не могу, ноги и руки занемели. А дальше помню, как в тумане... Остальное вам уже известно. Это я подбросила шарф и кепку Сергея... Подобрала на улице окурки. Хочу одного — проститься с детьми. — Она заплакала. — Знаю, получу большой срок. Дети повзрослеют и разлетятся в разные стороны. Меня забудут. Обещаете?

Я пообещал.

Следствие по делу закончено. Стефе предъявили обвинение. Читала она все подряд внимательно и плакала, нервно покусывая губы.

Когда дошла до материалов о Сергее и окончательно убедилась, что он не повинен в смерти ее матери и отца, вскочила, заметалась по камере, заголосила.

— Боже мой! Что же я натворила! Сдуру. Мужа убила, а детей осиротила!..

Как я и обещал, на следующий день мы повезли Стефу в детский дом, куда определили ее детей. Там был как раз тихий час. И нам пришлось ожидать, пока проснутся дети. Стефа нервничала, не находила себе места, кусала руки. Лицо у нее было бледное, губы дрожали. Сделает несколько шагов, остановится и смотрит в одну точку потухшими глазами.

И вот дверь открылась, и на пороге показалась няня, пожилая женщина. На руках она держала Иванка. Он уже проснулся, тер кулачками глаза и потягивался. Увидев его, Стефа кинулась к нему, хотела обнять. Иванко широко открыл глазки и стал отмахиваться. Стефа опять к нему, а он от нее.

— Сыночек! Иванко! Это я, твоя мама! Не узнал? Ну глянь же... я так соскучилась!

Иванко, вскинув голову, посмотрел на нее серыми,

жалобными глазками, будто вспоминая, где он ее видел, а затем заплакал и отвернулся. Стефа снова приблизилась к нему:

— Сыночек, Иванко! Я твоя мама! Забыл? Я... я... я... — застонала и облилась слезами.

Заплакал и Иванко, но так и не подпустил к себе мать...

«Безнадежное дело»

На одном никопольском комбинате ревизией была выявлена крупная недостача гипса, мраморной крошки, цемента и других материалов. Причину столь большой недостачи установить не удалось. По материалам ревизии прокурор района Гречаный возбудил дело. Дважды оно закрывалось. Поступали жалобы, следствие возобновлялось... и вновь прекращалось.

Наконец это почти что безнадежное дело попало в мои руки, к четвертому по счету следователю.

Материалы дела я изучал долго: тщательно и внимательно читал показания свидетелей, анализировал документы, разрабатывал новые версии. Действительно, дело было запутанным, сложным, но интересным. В самом деле, куда же девались дефицитные строительные материалы? Ответа на этот вопрос я так и не нашел в материалах дела. Следствие велось без всякой системы, поверхностно и, по-существу, было заведено в тупик. Подозреваемых значилось много: один был дважды судим, другой — замешан в валютных операциях, третий — спекулянт и отъявленный вор, иные просто ту-неядцы, шабашники и т. п. Следователи добивались от

них признания в хищении материалов, и в этом заключалась основная их ошибка. Сбором новых доказательств никто из следователей по-настоящему не занимался. Нужно было все начинать сначала.

На комбинате строительные материалы расходовались безучетно. Со склада их брали все, кто хотел, без документального оформления. Преступная халатность многих ответственных лиц была налицо. Бесхозяйственность чувствовалась повсюду. Везде валялись куски металла, перемешанного с землей и щебнем. Из арматуры и труб сделан забор высотой в два метра, который опоясывал огромную территорию предприятия.

В экспериментальной мастерской, где отливались из гипса детали, всю кипела работа. Работали три человека. Один из них размешивал гипс, другой черпал его ковшом и заливал в пресс-формы, третий стоял рядом, уткнувшись в чертежи. Они так увлеклись работой, что не заметили моего прихода. Я поздоровался, мне ответил за всех тот, что держал чертежи. Высокий, стройный шатен, с продолговатым лицом и грустными серыми глазами.

— Глес Аркадий Титович, старший мастер, — отрекомендовался он и тотчас же спросил: — Заказать что-то хотите?

Я представился и объяснил цель своего прихода. Глес смутился, суетливо начал объяснять:

— Вот. Отливаем картуши для дома культуры. Работаем втроем. Ребята неплохие. Работы хоть отбавляй — экспериментируем. Это модельщик по фамилии Болячка, а это разлищик — Замотайло.

Время шло к обеду, и рабочие, закончив разливать гипс, вымыли руки, подошли к нам. Как раз в это время с шумом распахнулись створки дверей и на пороге мастерской появилась молодая, элегантно одетая женщина. В помещении резко запахло духами. Глес вздрогнул и кинулся ей навстречу.

— Краля его, Соня, — шепнул мне Болячка. — Сегодня у нас получка, и она тут как тут.

Я стал наблюдать за женщиной. Действительно, она была очень красивой. Гладко зачесанные шелковистые волосы спадали на оголенные плечи. Голову держала высоко и гордо... Чуть вздернутый маленький носик, ровный подбородок и большие круглые глаза. Ей было не более двадцати пяти лет. Походка ровная, грациозная. Прошла мимо нас, оставив после себя запах дорогих духов. Я сразу определил: она и Глес — разные люди.

Во-первых, Соня выглядела гораздо моложе Глеса; платье плотно облегалo фигуру, сияло красным шелком. Глес по сравнению с ней выглядел жалким и несчастным. Его лицо посерело, сморщилось. Соня, ничего не говоря (видимо, к этому привыкла), на глазах у всех полезла к мужу в карман и извлекла оттуда бумажник. Тут же, не стесняясь, начала потрошить его.

— Так всегда,— вздохнул Замотайло,— грабит, бедного, средь белого дня, даже на обед не оставляет.

Соня, наверное, услышала наш разговор, увела за собой Глеса. Когда они вышли, Замотайло, кашлянув в кулак, продолжал:

— Тунеядка! На шее его сидит. Такая здороваха вместе с матерью нянчит единственного сына, которому уже пошел шестой год.

— А как деньги любит,— вмешался Болячка,— из-за нее Глес здесь, в этой дыре... А какой он специалист... Золотые руки... Отменный строитель, архитектор и скульптор.

— Почему же он не уйдет на другую работу? — спросил я.

— Хм, на одну зарплату с такой кралей не проживешь. Вынужден...

Дальше Болячка не стал говорить, ему помешал Замотайло, незаметно наступив на ногу. Сам же продолжил:

— Вы спросите его, отдыхал ли он когда-нибудь по-человечески. Видел ли он настоящее море? Эх, житуха у него — горше хрена. Денег не хватало, он брал отпуск и уезжал на заработки на Урал: строить коровники, зернохранилища, дома. В это время его Соня укатывала в Ялту. А он ей — телеграфом денежки. Отдыхай, милая, наслаждайся. Тьху! Чтоб ее черт забрал,— сплюнул собеседник.

Итак, в мастерской комбината выполняют частные заказы из государственного сырья. Вот куда нужен был гипс! Теперь нужно было выяснить: какие это заказы? Чьи?

На второй день утром я решил сходить на рынок, надеясь увидеть гипсовые изделия и таким путем утвердиться в намеченной версии. Но, к моему большому сожалению, на рынке подобными изделиями не торговали.

Возвращаясь обратно, я шел мимо городского кладбища. Решил зайти туда, там было множество всякого рода памятников.

Кладбище было огорожено железным забором, вдоль

которого росли деревья и шиповник... Войдя на его территорию, начал рассматривать обелиски. Их было много. Все они были изготовлены из гипса и мраморной крошки. По всей вероятности, на комбинате. Я стал переписывать памятники, кто под ним похоронен и когда, и радовался своей находке.

Но эта радость была недолгой. В течение недели все было проверено милицией и, к моему удивлению, установлено, что все памятники и обелиски были изготовлены в Запорожье и привезены сюда.

Начал работать по другим версиям. Ко мне пришла мысль проверить отходы производства комбината. Выбрал путевые листы, по которым значился вывоз на свалку с комбината отходов. Таких путевок я нашел пять. Вызвал шоферов, допросил их, а затем предложил им показать места, куда они сгрузили отходы. Пригласил понятых и поехал на свалку. Свалка была огромная и занимала территорию в пять гектаров. Попробуй что-либо найти там. Каждый день туда привозили мусор со всего города.

На эту работу потратил два дня. Найденные подходящие детали из гипса мною описывались и тут же фотографировались. Наконец мне попалась деталь, отлитая из гипса: часть крылышка с головкой.

«Что это могло быть?» — ломал я голову. Но так и не догадался.

Деталь мы оттуда увезли. На комбинате я просмотрел наряды по экспериментальному цеху, но там такого литья не значилось. Вызвал главного инженера Севастьянова и предъявил ему найденную на свалке вещь.

— Это не с нашего предприятия, — категорически запротестовал тот.

И я решил поговорить с Глесом. Вызвал его в прокуратуру.

Явился он с большим опозданием. Был заросший, опустившийся, в мятой одежде.

— Что стряслось? — спросил я. — Вы не больны?

— С женой развожусь, — сказал он, вздохнув.

Я не стал больше интересоваться, почему он вдруг решился на такой шаг. Мало ли бывает причин. Объяснив, что допрашивается он в качестве свидетеля, я заполнил протокол, предупредил об ответственности за дачу ложных показаний и, вытащив из стола найденную на свалке деталь, спросил:

— Это ваша визитная карточка? Кто заказывал эту деталь?

Глес растерялся. Лицо его посерело, а затем покрылось багровыми пятнами, задрожали руки.

— Я... Мы...— начал он бессвязно, заикаясь.— В общем...

Глес ерзал на стуле, хватался за голову, будто вспоминал эту деталь. А может, перебирал в памяти эпизоды своей жизни, искал выход из создавшегося трудного положения.

— Ну, ну, смелее,— поторопил я его.

— Старухи... священник... не давали проходу... Жене деньги подсунули,— невнятно бормотал Глес.— Навязали мне...

Интересно, что он скажет о гипсовой детали, для чего она изготовлена, и где ее искать?

— Сколько же вам уплатили?

— Десять тысяч,— тихо промолвил Глес.

— Где брали материалы? — продолжал я наугад, так как еще не знал, что же они изготовили для церкви и старушек.

— Да там же...

— На комбинате?

— Конечно... Гипс портился... Жалко стало... Потому пустили в дело.

— Что же вы отливали? — наконец задал я главный вопрос.

— Иконостасы.

— Как же их вывозили с комбината?

И Глес рассказал, что в экспериментальном цеху они по заказу церковников изготовили из гипса три иконостаса для никопольской, запорожской и днепропетровской церквей и получили за них двести восемьдесят тысяч рублей. Изготовленные детали иконостасов вывозил шофер комбината Дохленко (муж главного бухгалтера), а затем Глес со своей бригадой монтировал их в церквях.

Нужно было определить, какое количество гипса ушло на изготовление каждого иконостаса, и установить сумму ущерба. Необходимо было со специалистами осмотреть иконостасы, замерить каждую деталь, определить ее объем.

Я решил начать эту работу с Днепропетровска. Прежде нужно было изъять необходимые документы; договор, платежные ведомости, наряды на выполненные работы. Обратился к архиепископу Запорожскому-Днепропетровскому, канцелярия которого находилась на улице Красной в Днепропетровске.

Архиепископ Анисий принял меня с большим удивлением.

— К нам следовательно? По какому поводу? Церковь отделена от государства!

— Отделена,— согласился я.— Но нас интересует, почему святая церковь покупает похищенное?

— Да вы что? — вскрикнул он.— Церковь не могла допустить этого! Упаси господь! У нас все законно, оплачено своевременно...

— А иконостасы? — перебил я его.— Как вы их изготовили?

— Иконостасы? — переспросил отец Анисий, и глаза его заискрились.— Заключили договор, оплатили деньги, удержали подоходный налог и перечислили государству.

— Иконостасы ваши изготовлены из ворованных материалов,— продолжал я.— За хищение арестованы кладовщик, мастера... Как же церковь допустила это?

— О том, что воровано, нам неизвестно, думали, все законно.— Он вышел из-за стола, прошелся по кабинету.— Да, неприглядная история. И что же нас ожидает? Штраф? Мы уплатим!

— Не в штрафе дело, деньги общественные необоснованно расходуете,— сказал я.— Платите шабашникам, поощряете воров.

— Как же нам нужно было все оформить? — вдруг спросил он.— Таких мастерских сейчас нет, чтобы на церковь работали...

— Нужно было обратиться в тот же комбинат, перечислить деньги, и все было бы законно. А так деньги попали в руки дельцов, которые нажились за счет государства.

— Нехорошо, плохо вышло,— забеспокоился святой отец.— Иконостасы заберете? С таким трудом приобрели. Старые-то развалились.

— Все решит суд. Думаю, они останутся в церквях,— ответил я, тут же попросив дать указание посодействовать мне в расследовании.

Архиепископ вызвал настоятеля собора и распорядился выдать мне документы, обеспечить осмотр иконостасов.

Интересно, что скажет теперь кладовщик Лакодей? Позвонил на комбинат и обязал его явиться в местную прокуратуру, назначив время и день.

Однако кладовщик не явился. Пришлось направить ему повестку через работников милиции, и его доста-

вили ко мне на мотоцикле. В кабинет он не зашел, а влетел и тут же, прямо с порога, начал возмущаться:

— Снова по этому делу? Я же заявил вам: не вызывайте — все равно не явлюсь!.. Сколько можно издеваться надо мной? Я что, дойная корова? Новый следователь, а вопросы старые: «Куда делся гипс и цемент?» А я почему знаю? Я же рассказал... Все записано там у вас, в вашем деле! Черным по белому.

Я не возражал ему, а слушал и изучал этого человека.

— Садитесь, — предложил Лакодей, когда он выговорился. Лакодей медленно сел, и только теперь его взгляд остановился на столе, где лежала гипсовая деталь.

Он задрожал, его лицо вдруг стало багровым, покрылось потом, он стал вытираться рукавом.

— Можно водички? — тихо попросил он.

Пил он жадно, захлебываясь, а выпив, жалобно произнес:

— Что же будет теперь?

— Расскажите все по порядку.

Он взял деталь в руки, подержал ее, словно взвешивая, сколько на нее пошло гипса, и заговорил:

— Я... Я только давал гипс... делали они... Глес...

— Какую долю вам платили?

Лакодей глубоко вздохнул и попросил у меня закурить.

— Вы же не курите?

— А, теперь все равно...

— Так сколько вам платили за ворованное? — напомнил ему свой вопрос.

— Пустяк... Четвертую часть. Сколько всего — не помню... Они себе брали больше... — Обхватив руками голову, он исподлобья посмотрел на меня.

— Сегодня заберете или домой отпустите переночевать? — спросил.

Следствие продолжалось. Все шло по плану. Сделали обыск у подозреваемых, изъяли крупные суммы денег, золотые изделия, описали на значительные суммы имущество.

Вскоре в прокуратуру явилась жена Глеса — Соня и вручила мне жалобу на работников милиции, якобы незаконно описавших ее имущество. Была она яркая, нарядная, одетая во все светлое, но все же не такая, как тогда, на комбинате, когда приходила к мужу за деньгами. Чувствовалось, что угнетена и расстроена.

Изменилась и внешне: лицо посерело, поблек румянец на щеках, под глазами появились мешки. Но все же, несмотря на это, она дышала молодостью и здоровьем. Через прозрачную кофточку просвечивалось красивое загорелое тело. Высокие груди привлекали взгляд. Массивная золотая цепь змеилась на стройной шее. Золото сияло в ушах, на запястьях руки и на всех пальцах. К кофточке была прикреплена золотая брошь-паук с бриллиантами.

«Целое состояние,— прикинул я в уме стоимость драгоценностей.— Почему их не изъяли работники милиции?»

Осмотрев себя в зеркальце в серебряной оправе и поправив волосы, Соня скривила губы и капризно молвила:

— Я с мужем в разводе. Жили: он — себе, я — себе. Разделились. И вдруг пришли и описали все имущество. Даже эти безделушки,— ткнула на золото пальцем.— У меня на шее висит сын. Кто его кормить будет?.. Как я буду жить?

— Все описанное имущество нажито нечестным путем, так что не следует возмущаться. Ущерб государству придется возмещать.

— Как это? — удивилась она.

— Очень просто. Все оно приобретено на ворованные деньги!

— Чьи деньги? — вскочила Соня.

— Ваш муж воровал их и покупал вам подарки... Да вы у него и сами брали, расходуя на себя.

— Какой он мне муж... Деньги все пропивал со своими работягами и на любовниц тратил. Меня отец содержал.

Она говорила, конечно, ложь, притворяясь, лила грязь на мужа. К таким приемам прибегали и другие жены. По многим делам я это знал.

Согласно закону следователь обязан принять меры по обеспечению иска и возможной конфискации имущества — описать имущество и изъять ценности. Работники милиции по моему поручению все сделали, но почему-то изъять драгоценности Сони отказались. Возможно, побоялись ее истерики или жалоб на них. Я тут же решил исправить их ошибку.

Через неделю «безнадежное дело» было закончено. Виновные в расхищении социалистической собственности стали перед судом. Но для этого понадобилось почти два года.

В конце лета в поселок Н., районный центр Черновицкой области, приехал молодой врач Станислав Денисович Волошко. Накануне здесь открылась новая больница на сто двадцать коек, и приезд его был кстати. Вновь прибывшего в больнице встретили радушно. Здесь надеялись, что вскоре он заменит старого хирурга Марухно Виктора Саввича, который собирался уходить на пенсию.

При первой встрече Волошко не понравился Виктору Саввичу. Как-то не пришелся по душе: при осмотре больницы отказался заглянуть в хирургическое отделение, заявил, что еще успеет там побывать, зайдя в ординаторскую, не поздоровался с сестрами, вел себя высокомерно по отношению к подчиненным.

Уже позже Марухно пытался отогнать назойливые мысли о Волошко, но так и не смог.

— А, поработаем — увидим. Может, и ошибаюсь, — махнул рукой Виктор Саввич.

Пристроили Волошко на частную квартиру к Бабич Ирине Петровне, пенсионерке, некогда работавшей в больнице няней.

Встретила она Волошко тепло, по-матерински. Жила Ирина Петровна одна в доме из трех комнат. Волошко занял светлую, просторную комнату — светлицу, выходящую окнами на улицу. Договорились: у Бабич он будет не только снимать комнату, но и столоваться.

— Я рада, что ты будешь жить у меня, — прослезил-

лась хозяйка.— Ты напоминаешь моего сыночка Васю... не вернулся с войны. Ироды фашисты сгубили мое дитя...

Тут же достала из комода старый альбом, раскрыла его и показала фото на первой странице.

— Вот он... Никак не могу забыть,— продолжала она.— А это мой муж... Его тоже унесла война.

Показав на другую фотографию, Ирина Петровна заплакала, уткнувшись в платочек.

Каждый вечер, когда Волошко возвращался с работы, она встречала его как родного сына.

— Вася любил яичницу на сале. Я тебе тоже приготовила. Сядь поешь.

Волошко ест, а она сядет в стороне, подопрет подбородок руками и смотрит, смотрит, а затем расплчется и уйдет.

Волошко к этому относился безразлично, даже как-то раздраженно.

Ирина Петровна не обижалась, что скажешь, молодозелено. Будут свои дети — узнает.

На работе Волошко не перерабатывался. Строго придерживался рабочих часов. Виктор Саввич после смены шел к больным, а Волошко — домой.

Марухно попытался однажды поговорить с ним на чистоту. Мол, хирург — не простой врач, не костоправ, а специалист высочайшего класса, от его умения и мастерства зависит жизнь людей.

— Не читайте мне нотаций. Я вполне соображаю,— отмахнулся Волошко.

«Что он за человек? Как его понять?» — часто задумывался Виктор Саввич. В конце концов решил, что молодой хирург не любит свою профессию, и это его до глубины души огорчило и даже напугало. Как можно работать без любви к своему делу? А может, ему это далось просто, без трудностей, и он до конца не прочувствовал свой долг и высокую ответственность как человека и как хирурга?

Виктор Саввич проработал в районной больнице без малого двадцать лет. За это время одинаково старательно готовился и к сложной и к самой простой операции. Свой долг исполнял честно и добросовестно, отдавая своей работе всего себя без остатка. За это его любили все сотрудники больницы, с особым уважением относились больные.

— Эх, молодым этого не понять,— часто ворчал Марухно, вспоминая молодого хирурга.

Как-то вечером, после работы, в разговоре с Ириной Петровной молодой хирург нечаянно обронил слова: — Не люблю я свою профессию. Боюсь ее... не уверен в себе.

Сказанное им не на шутку встревожило Ирину Петровну, и она, приблизившись к Волошко, как мать, начала успокаивать:

— Привыкнешь. Учись у Виктора Саввича, он человек сильный и знающий.

Станислав криво улыбнулся, теребя рыжие кудри:

— Откровенно сказать, я не хотел поступать в медицинский... Бабушка моя Настасья Ивановна, покойная, настояла: «Хочу, чтобы свой врач был». А какой из меня врач, тем более хирург?

Волошко прошелся по комнате, заложив за спину руки. Что он думал, угадать нельзя было. Остановился у окна.

— Отсиделся в стенах храма науки,— продолжил он,— куда попал тоже с помощью бабушки... Теперь страдай... в этой глухомани.

Ирина Петровна заволновалась.

— Сынок, послушай меня,— начала ласково.— Всякое новое, непонятное — страшит. Не отчаивайся. Профессия врача почетная, благородная. Помочь человеку в беде, сделать ему доброе — это радость всей жизни.

— Мистика! Все это, дорогая Ирина Петровна, фантазия,— раздраженно произнес Волошко.— Не умею я, не могу! Понимаете? Не могу!

Этот откровенный разговор глубоко запал в душу Ирины Петровны, и она притихла, старалась избегать встреч с Волошко.

«Пусть живет как умеет»,— решила старушка.

С этого дня она перестала называть его сыном.

Поначалу Волошко доверяли несложные операции: вскрыть фурункулы, поверхностные опухоли.

Когда Виктор Саввич делал сложные операции, брал в помощники и Станислава, наблюдал за ним, проверял его на этом сложном деле и надеялся, что тот все же изменится, приобретет опыт и станет хирургом.

— Учись, Денисович, вот выйду на пенсию — заменишь,— говорил.

Но так случилось, что еще до назначения пенсии Виктор Саввич оставил любимую работу: тяжело заболел. Стали дрожать руки, ухудшилось зрение. С болью в душе оставил он операционную.

Назначили на его место Волошко. Первую самостоя-

тельную операцию он провел удачно. Но на второй споткнулся. Советы старого хирурга не помогли.

Оперировал Васю П., ученика шестого класса, удалял аппендикс. Закончилась операция трагически. Мальчик умер от перитонита.

Узнав об этом несчастье, Виктор Саввич сразу же прибежал в больницу, набросился на Волошко:

— Разве ты хирург! Шарлатан! Загубил ребенка!

— Ну хватит оскорблять,— окрысился тот.— Статистика говорит, что из ста случаев пять заканчиваются смертельным исходом.

Но Марухно не дал ему больше говорить, схватил его за грудки:

— Статистика? Откуда она у тебя? Что ты мелешь! Да как ты смеешь так говорить! От твоих рук умер такой парень!

Волошко же почти не переживал. «Человеку свойственно ошибаться»,— успокаивал, он себя.

Как-то на улице его встретила мать погибшего и в присутствии людей кинулась к нему:

— Зарезал дитя мое! Окаянный! Единственную радость отобрал... Убийца! Судить тебя надо!

Впоследствии на основании ее заявления и было заведено уголовное дело.

Вначале его вел молодой следователь местной прокуратуры. Он считал, что Волошко допустил ошибку, и не усмотрел в действиях молодого специалиста уголовного проявления.

Свое мнение он высказал и родственникам Васи. Посыпались письма во все инстанции, теперь уже с жалобами не только на Волошко, но и на следователя.

Аналогичное письмо поступило и в прокуратуру республики. В письмах сообщалось и о том, что Волошко поступил в институт за крупную взятку.

Я в тот период работал начальником следственного отдела прокуратуры Днепропетровской области.

Получив телеграмму, вылетел в Киев.

Заместитель прокурора республики Степан Федорович Скопенко был краток:

— Вам поручается ответственное дело. Надеюсь на успех. Изучите материалы, заходите ко мне, вместе и решим.

Под руководством Степана Федоровича Скопенко мне приходилось работать по многим сложным делам. Это всесторонне грамотный, талантливый и очень обаятельный человек. Всю свою сознательную жизнь, то есть

свыше сорока лет,— на следственной работе: от рядового следователя до заместителя прокурора республики. Узнав, что направляюсь в его распоряжение, я обрадовался: значит, дело пойдет.

В тот день сидел допоздна. Дело изучил от корки до корки, оно не показалось мне сложным. По существу было два дела. Одно — в отношении Волошко и второе — о взяточничестве при приеме в Тернопольский мединститут.

Свои соображения я доложил Степану Федоровичу. Он их одобрил. Мне в помощь дали молодого следователя из города Черновцов Сарапина. Опыта у него, конечно, было мало, но был он энергичным, принципиальным и добросовестным работником.

...Первым долгом решил вызвать на допрос Волошко.

В назначенное время он не явился. За ним пришлось посылать милиционера. Едва переступив порог кабинета, Волошко стал возмущаться:

— Что вы от меня хотите? Я ведь все написал... Моей вины нет...

Заметно было, что он нервничает. Сначала откинулся на спинку стула, затем, закинув ногу на ногу, вытащил сигареты, зажигалку, закурил.

— Так я вас слушаю.

— Нет, не вы, а я должен вас слушать,— перебил я его.— От ваших рук погиб человек, объясните почему?

Съежившись, он вытер рукой вспотевший лоб, тихо сказал:

— Я здесь ни при чем, мое дело резать, а штопает сестра. Она допустила ляпсус, зашила пинцет.

— За операцию отвечаете вы и обязаны были сами проверить. Вы же хирург,— остановил я его.

Волошко помрачнел, развел руками.

— Выходит, человек умер, а виновных нет?

— Ясно, что нет. Ошибки по статистике допускаются.— Он встал, потянулся и продолжил: — А у меня тем более. Я еще молодой специалист.

— Я вижу, у нас разные понятия. Врач должен служить человеку, а не губить его. Когда и какой вы окончили институт?

— Тернопольский,— буркнул он.

Дальше Волошко показал, что он и не стремился в медицинский. Бабушка заставила туда пойти. Конечно, без помощи родителей не обошлось, но как они отблагодарили шефов за прием в институт,— он не знает. Учился так себе... Было желание перевестись в другой

институт, но осуществить это не представилось возможным.

— Значит, не было желания учиться, нет желания и работать хирургом? — перебил я его.

— Ловите на словах? — вспыхнул Волошко. — Да, да, так и запишите. Не люблю свою профессию. Но это не значит, что я повинен в смерти мальчика.

Убедившись в том, что признавать свою вину Волошко не собирается, я отпустил его.

Листая книгу абитуриентов, нашел фамилию Волошко. Знакомлюсь. Проходной балл набран, оценки выставлены: по литературе — «5», физике — «5», химии — «5», биологии — «5».

А что в личном деле? Письменная работа. Тема: «Человек — звучит гордо». Читаю. Работа написана слабо. Одних только грамматических ошибок — двенадцать. В конце стоит оценка «5» и подпись экзаменатора. А нужно ставить двойку.

Выходит, главную скрипку в приеме играли экзаменаторы. Так я решил сразу. Куда же смотрела комиссия?

Вызвал Степанову. Это женщина средних лет, маленькая, курносая, с темно-кариими глазами. Принимает экзамены не первый год. Опыт педагогической работы большой. Она подробно рассказала о порядке приема экзаменов, категорически утверждая, что ею все оценки выставлены абитуриентам заслуженно. Со стороны ректора и членов приемной комиссии давления не было.

Тогда я предъявил контрольную работу, выполненную Волошко.

— Это я выставила оценку по литературе, и вполне заслуженно. Написано чисто, — решительно ответила она.

— Прочтите, — предложил я, — и ошибки не забудьте отметить.

По мере того, как Степанова читала, ее лицо изменилось, на лбу появились капли пота, а затем задрожали губы...

— Недосмотрела. Сознаю. Ночью сидела, — тихо сказала она, краснея.

— И сколько там всякого рода ошибок?

— Шестнадцать.

— Какая должна быть оценка?

— Неудовлетворительная.

— А выставили «пять»... Точно так же вы поступи-

ли, проверяя и некоторые другие работы. Выходит, сделано с умыслом?

Падающий из окна яркий солнечный луч на мгновение осветил ее лицо, и оно словно загорелось, побагровело.

Наконец она тихо сказала:

— Привлекайте за халатность.— Эти слова были произнесены неискренне. Она опять опустила голову, замолчала.

— Ну, ну, продолжайте.

— Я взятку не брала, просто ошиблась,— горько вздохнула Степанова.

— Мария Ивановна, лучше расскажите правду, как все это произошло. Человек не хотел поступать в институт, а его волоком затащили. И все за так?

Степанова не ответила. Опустила голову вниз, будто рассматривая что-то на полу у своих ног.

...Допросил я еще шесть человек по работам абитуриентов, оценки которых явно были завышены.

Все в один голос отвечали: ошиблись. Что здесь? Круговая порука: все за одного и один за всех? Или же экзаменаторы все решили сами и ректор Гий здесь ни при чем? Но многие вопросы остались не выясненными, были только предположения. Вывод напрашивался один: нужна постепенная, настойчивая и кропотливая работа.

В письме на имя прокурора республики говорилось о каком-то мужчине из Черновцов, имевшем доступ в институт. Кто этот мужчина?

Подключили оперативников милиции и общественность, нужно было во что бы то ни стало найти его.

Помог нам шофер ректора института — Николай. Он вспомнил один эпизод, который и пролил свет на наше дело.

Еще в 1959 году ректор института Гий ездил во Львов на совещание. Потом обедали в ресторане. Машина стояла тут же, на привокзальной площади. Николай, конечно, в ресторан не пригласили, и он обедал всухомятку в кабине автомобиля.

Во втором часу дня к машине подошел мужчина около пятидесяти лет, плотный, среднего роста, блондин, с длинной седеющей шевелюрой, зачесанной назад. Лицо овальное, густые нависшие брови, прикрывающие маленькие, как у крысы, серые глаза.

— Шефа привез? — спросил Николая.

— Ректора института,— ответил шофер.

— В Тернополь поедете? — улыбнулся незнакомый мужчина.

Шофер сразу не ответил. Вылез из кабины, протер переднее стекло и тогда только сказал:

— Да, милый, скоро должны отчаливать.

— Мне тоже по пути. Возьмете?

— Как Петр Емельянович распорядится. Его дело.

— Петр Емельянович? — обрадовался незнакомый. — Давненько не видел, знаю его. Может, бутылочку коньячку прихватить?

— Мне-то какое дело, — буркнул шофер.

Мужчина на некоторое время исчез и вернулся со свертком. Ждать Гия пришлось еще долго. Его привели двое мужчин, усадили в машину и, попрощавшись, ушли. В это время неизвестный стоял в стороне и наблюдал. Когда мужчины ушли, он подошел к машине и громко сказал:

— О, Петр Емельянович! Как я рад видеть вас!

— Кто это? — Гий вопросительно посмотрел на Николая.

— Ваш знакомый, в Тернополь просится.

— Знакомый? Садись. Мне не жалко. — Гий махнул рукой. — Машина не конь, овса не попросит.

Ехали молча. После выпитого Гий дремал. Его попутчик раз за разом поднимался на заднем сиденье, поглядывая на Гия и ожидая удобного момента для разговора.

Это был некий Басс — аферист, шулер и мошенник с очень широкими связями. Главное его оружие — нахальство, девиз — «Я тебе, ты — мене». Ранее судимый. Выдавая себя за администратора одного из московских театров, удачно провел несколько афер, посредничал во взяточничестве. Собеседников ловил на дешевом остроумии, лез в душу и добивался своего. Знал множество анекдотов. Умел их рассказывать.

Последнее время Басс значился экспедитором в одном из колхозов Черновицкой области. На деле эта должность была для него ширмой, которой он пользовался для прикрытия своих махинаций.

Связи с Гием он искал давно: знал его темные делишки.

...Ректор сладко потянулся, зевнул и, обращаясь к шоферу, выдал:

— Духота. Малость разморило.

— На совещании были? — улыбнулся Басс. — Правила приема в институт не изменились?

— Ах, это вы? — привстал Гий, будто увидев его впервые. — Все остается так же.

— А как у вас с ремонтом здания? — задал Басс больной для Гия вопрос.

— Туговато. Материалов нет. Бьюсь, бьюсь, как рыба об лед, а воз и ныне там.

— Материалов?! — горячо вскрикнул Басс. — Могу помочь. Это пустяки. Цемент, белила, кирпич, лес, плитку...

На половине пути остановились возле ресторана в одном из райцентров, где Басс для закрепления деловой дружбы угощал коньяком. Дальше уже ехали вместе на заднем сиденье, Басс рассказывал анекдоты, а Гий громко смеялся. В пути они еще дважды останавливались «подкрепиться», из ресторана выходили, взявшись за руки.

Гий себе цену знал. Простых и честных людей к себе не подпускал. Что от них взять?

Ремонт института, ремонт собственной квартиры... Потом — заменить всю мебель, и на такую, какую хочет Гий: импортную, в Тернополе такой не достать. Басс обещал помочь. Однако главное — не это...

Подъезжая к Тернополю, Басс будто невзначай бросил:

— У вас такая должность, а моя племянница хочет быть врачом, — сделал паузу, обнял ректора и уже со смешком продолжил: — Я ее и так и сяк. А она на своем: «Хочу, и все!»

— Поможем! — отозвался Гий, хлопая собеседника по плечу.

Расставшись с ректором, Басс вернулся в Черновцы, зашел к своему знакомому, мяснику Синько.

— Слыхал, твоя дочь хочет в медицинский? Помогу, всего пять тысяч рубчиков без сдачи. Ну? По рукам?

— Ого! — вскричал мясник. — За такие деньги машину можно купить...

— Хм! Машина — грудa металла, — широко улыбнулся Басс. — Образование не валяется и не заржавеет. Впрочем, как хочешь. Твоя дочь, твои деньги.

— Многовато, — стал торговаться мясник.

— Эх, Синько, стоит ли об этом. У тебя денег... Ну ладно, ты же сам меня просил. Соглашайся, пока вакантное место имеется.

— Сразу всю сумму не дам, — продолжал торговаться Синько. — Аванс — два с половиной куса. Остальное — после зачисления. Договорились?

— Скупердый же ты. Несolidно! Чужие деньги жалеешь. Я же знаю, они ворованные,— улыбнулся Басс.

— Ворованные или не ворованные, а они мои. Вот здесь,— сказал тот, хлопая по карманам.

Выклянчить всю сумму Бассу так и не удалось. Получил половину.

На следующий день Басс зашел в приемную ректора, низко поклонился полногрудой блондинке-секретарю Зое и тут же выложил ей на стол коробку дорогих конфет.

— К ректору? — засияла Зоя.

— К нему,— кивнул Басс.

— Обождите, я доложу,— блеснула карими глазами.

Находясь в приемной, Басс наскоро заполнил бланк заявления о приеме в институт от имени дочери Синько и расписался за нее.

Гий принял Басса с широко распростертыми объятиями.

— О, дружище! Привет тебе в моих хоромах. Заходи, рад видеть!

Беседовали они долго. Басс обещал достать для института строительные материалы и попросил Гия сейчас же составить их перечень. Когда все было готово, проситель напомнил о племяннице.

— Да, да, я не забыл.

Глаза их встретились — завистливые и жгучие. Гий не спешил с решением, вышел из-за стола, прошелся по кабинету, широко шагая по добротному, мягкому ковру, остановился у окна, постоял, возвратился к столу.

«Задаром не хочет», — догадался Басс.

— Я привез две — вроде аванса... Остальное потом.

Их глаза снова встретились. Гий раздумывал, не врет ли его новый друг. Басс ругал себя за поспешность. Зачем назвал две тысячи, можно было бы назвать и полторы.

Схватка двух дельцов продолжалась недолго. Басс положил на стол Гию конверт с деньгами. В нем было тысяча восемьсот рублей. Гий дрожащей рукой схватил конверт, не считая деньги, убрал его со стола в ящик и закрыл на замок ключом.

— Гонорар,— улыбнулся.

— Взятка,— поправил Басс, хихикнул и положил на стол заявление.

Ректор, не читая его, написал резолюцию: «Принять документы». Расписался и подчеркнул свою подпись. Это был его шифр. Вскоре дочь мясника была зачислена в институт.

А дальше все шло как по писаному. Басс искал клиентов, брал у них деньги, часть оставлял себе, остальные передавал Гию...

Я посетил школу, где учился Волошко. Познакомился с учителями, директором, нашел его соучеников. Почти все они рассказывали одно и то же: Волошко учился плохо, постоянно тянул класс по успеваемости вниз. Вызывали родителей, обсуждали его успеваемость на педсовете. И вдруг — поступил в институт. Это было неожиданностью для всех. Его же сосед Заремба учился на хорошо и отлично, горел желанием поступить в медицинский, но не набрал проходного балла. Особенно возмущалась классный руководитель — Наталия Степановна.

— Непонятно, по каким правилам принимают сейчас в институт. Подали документы двое — один двоечник, а второй отличник. Двоечника зачислили... Почему? Он же не хотел туда поступать!

Наталия Степановна задумалась, как бы взвешивая что-то, а затем подняла голову и с грустью сказала:

— Получилось то, что мы и ожидали. Умер ни в чем не повинный ребенок. Потому что жизнь его доверили тому, кого нужно было гнать из института.

Беседую с Зарембой. Скромный, застенчивый парень, очень огорчен неудачей.

— На все вопросы я ответил, — стал рассказывать, — те, что сидели за столом в приемной комиссии, замечаний не сделали. Думаю — прошел. Вдруг экзаменатор задает мне дополнительный вопрос: «Скажи, где у муравья сердце?» Члены комиссии переглянулись. Мне стало не по себе: «Где же оно?» — стучало в голове. «Не проходили мы этого», — ответил я. Она впилась в меня своими серыми глазами. Такими мутными, на всю жизнь запомнил их. И сказала: «Плохо, юноша, надо знать». Как обидно. Готовился, готовился — и напрасно. Печально и другое. Волошко вообще ни на один вопрос не ответил, в школе баклуши бил, а ему поставили «пять». Почему? Все в школе возмущены.

Видно было, как переживал Заремба, я ему сочувствовал. Что значит потерять веру в свои силы. И как остро калечит души молодых людей проявленная несправедливость.

— На следующий год поеду поступать в другую область и добьюсь своего, честно, без подкупа и подачек, — сказал Заремба.

— Что значит без подкупа и подачек? — перебил я его.

— А то, что отец Волошко отвез ректору пять тысяч рублей, — вспыхнул он.

— Откуда тебе известно?

— Известно. Все село говорит.

В тот же день я запросил сберкассу. Пришел ответ. Накануне сдачи сыном экзаменов в институт Волошко снял со сберкнижки четыре тысячи рублей. Заремба был прав.

Закончив проверять личные дела абитуриентов, их письменные работы, я назначил экспертизу. Эксперты Черновицкого государственного университета пришли к выводу, что по всем мною представленным письменным работам оценки значительно завышены.

Но это еще не был конец дела. Следствие только начиналось. Нужно было найти ниточку и распутать до конца клубок преступлений Гия, разоблачить его соучастников.

В это время Гий уже не работал в институте, переехал в Киев и там возглавлял один из научно-исследовательских институтов.

Допросы членов приемной комиссии ничего не дали. Многие из них только числились в списках, на экзаменах не присутствовали.

Бывший председатель приемной комиссии Барбара ничего вразумительного не сказал. Видно было по всему: все они защищают Гия. Согласно правилам приема экзаменаторы обязаны были вести дневники и фиксировать знания абитуриентов, чтобы затем сообщать в школы для последующего устранения недостатков учебного процесса на местах. Мы взялись за архивы приемных комиссий. Эти документы без всякой системы лежали на чердаке.

Несколько дней я и Сарапин разбирали пухлые папки и перечитывали накопленные в них черновые записи. Потратили на эти раскопки около двух недель, но упомянутых тетрадей не нашли. Правда, в папках обнаружили отдельные письма и заявления абитуриентов, положенные туда без всяких проверок. В письмах приводились факты злоупотреблений со стороны приемных комиссий, подтасовки экзаменационных билетов, завышения оценок отдельным абитуриентам и тому подобное.

Все эти письма и заявления были изъяты и приобщены к уголовному делу.

Поиски черновых тетрадей мы продолжали. Все эк-

заменаторы категорически утверждали, что тетради они сдали секретарю приемной комиссии Немцевой.

Вызвал ее на допрос. Это была блондинка лет сорока пяти. Несмотря на свой возраст, выглядела молодо. Вела себя непринужденно. На вопросы отвечала четко и уверенно. По всему было видно — честный человек.

— Да, да, черновые тетради были. Я их лично после экзаменов складывала в тумбочку письменного стола Барбары. Вы не думайте, что я причастна к безобразиям, которые обычно творятся на экзаменах. Я человек маленький. Написала Гию докладную, но тот вызвал меня и сказал: «Не твоего ума дело. Суешь свой нос куда не надо. Смотри мне».

— И вы испугались?

— Я-то не испугалась. На партийных собраниях критиковала Гия.

— Татьяна Николаевна, помогите найти черновые тетради. Для нас это очень важно.

Свое обещание Татьяна Николаевна сдержала. Нашла две тетради и с сопроводительным письмом направила их в прокуратуру. Они оказались ценными для следствия. Особенно тетрадь экзаменатора Пастушок Лизы Семеновны. Велась она четко. Например, в ней имелись такие записи: «дуб в квадрате», «дуб в кубе», «никс». Абитуриентам она ставила оценки за каждый ответ. Имелись и такие случаи, когда против вопросов стояли двойки, а итоговая оценка была отличной.

Лиза Семеновна входит ко мне в кабинет. Стройная, молодая, красивая женщина. На щеках ямочки, яркий румянец по всему лицу. Глаза голубые, схожие с синевой утреннего моря. Я показал ей присланную Немцевой тетрадь.

— Да, это я ее вела, — уверенно ответила.

— Скажите, что значит слова «дуб в квадрате», «дуб в кубе», «никс»? — задал я вопрос.

Она блеснула глазами и улыбнулась:

— Это значит — ни в зуб ногой. А яснее — абитуриент ничего не знал.

— Интересно, почему же в данном случае вы выставили ему оценку отлично?

— Ну что ж, скажу, — снова улыбнулась Лиза Семеновна, — потому, что оценки выставлялись еще до сдачи экзаменов. Сам Гий это решал.

— Непонятно.

— Что тут непонятного? Перед началом экзаменов нам Гий давал ведомости абитуриентов, а в середине

лежала полоска бумаги, на которой указывались регистрационный номер абитуриента и оценка. Эту оценку, независимо от знаний абитуриента, экзаменаторы должны были указать в ведомости.

— Но ведь это же преступление! — не выдержал я.

— Конечно. Мы возражали. Гий объяснял это тем, что так планировалось свыше, дабы выдержать проценты приема в институт сельского и городского населения.

— Какую оценку получил по физике Волошко?

Лиза Семеновна нашла соответствующую запись в тетради и сказала:

— Я ему выставила по всем трем вопросам двойку. Но Гий заранее выставил ему отлично, поэтому я и продублировала его оценку.

Аналогичные показания дал и второй экзаменатор. Для изобличения остальных членов приемных комиссий пришлось делать очные ставки.

Улики, добытые нами за последние дни, являлись еще недостаточными для обвинения Гия и его посредника Басса. Добыто было лишь маленькое звено в длинной цепи, найден лишь первый след. Нужно было помешать преступникам замести следы, сбить следствие с верного пути. Нужны были веские, бесспорные доказательства. В первую очередь предстояло найти взяточдателей. Это куда труднее, чем опросы экзаменаторов.

И я решил начать с Волошко.

Денис Игнатьевич — мужчина средних лет, низенький, полный, круглолицый, шатен. Брови широкие, вьющиеся. Они торчали во все стороны, прикрывая маленькие, глубоко посаженные зеленые глаза. Долго не упирался, не было смысла. Снятые со сберкнижки четыре тысячи рублей, продажа кабанов в канун приемных экзаменов явились серьезными, неопровержимыми уликами, изобличающими Волошко-старшего в даче взятки.

— Деньги я давал не ректору, а мужчине по имени Борис. Кому он их дал, мне неизвестно, — категорически заявил Волошко. — Договор был таков: я даю деньги, и сын будет зачислен в институт.

Передачу денег Бассу подтвердила и жена Волошко — Клавдия Федоровна.

Когда я предъявил Станиславу Волошко его заявление о приеме в институт, он категорически отрицал свою подпись и сам текст. Но заявление мог составить от имени Волошко сам Басс. Так оно и было.

Я вынес постановление о задержании Басса. Дома его не оказалось. Уехал в Москву пробивать вопросы

снабжения колхоза лесом. Ехать за ним в Москву не было смысла. Мы предупредили руководство колхоза — о появлении его немедленно сообщить нам.

Задержали Басса у его любовницы в Черновцах. Приметы этого человека я знал из показаний свидетелей, и если бы он встретился на улице, я бы узнал его: плотный, среднего роста, лет за пятьдесят.

— Разрешите сесть,— смело, с широкой улыбкой спросил Басс.

— Садитесь.

— Товарищ следовательно, произошло какое-то недоразумение,— смущенно произнес он.— Меня задержали по вашему постановлению. Я думаю — ошибка.

— Никаких ошибок. Все законно.

— Я в Москве, в Госснабе был... Выбивал запчасти для автомашин,— начал Басс, переменяя тему разговора.

— Ну и как?

— Хо, там, где я берусь, во! — улыбнулся Басс, показывая большой палец.

— По нарядам достали? — уточнил я.

— По нарядам?! — раскрыл широко глаза Басс.

— Дружки помогли?

— Да, лучше имей сто друзей, чем сто рублей... Как сказал нам дорогой Аркадий...

— Ладно. Хватит. Ближе к делу,— перебил я его.

Басс насторожился, притих, в глазах мелькнуло беспокойство, но он, стараясь скрыть его, улыбнулся:

— Может, анекдотик?.. Московский, свежий?

— Анекдоты потом. В камере будете рассказывать,— парировал я.

— В камере? За что? Это недоразумение! — удивленно, наигранно произнес Басс, но увидев, что я заполняю протокол о допросе его в качестве подозреваемого, сразу замолчал и насупился, стал рыться в карманах. Вскоре вытащил валидол, дрожащими руками, тоже наигранно, отломил полтаблетки, положил под язык, скривился.

— Можно? — спросил он, показывая на графин с водой.

— Да-да, пожалуйста.

Он встал, потянулся к графину.

— В последнее время что-то пошаливает. А сейчас...

— Может, доктора пригласить?

— Упаси бог! — махнул рукой Басс.— Есть тут у меня сосед. Коновал. Мою жену залечил.— Запив таблетку водой, Басс продолжал стоять.

— Садитесь,— велел я ему.

— Ничего, я постою. Может, отпустите,— слукавил Басс.— Пожалеете больного человека. Сердечника!

— Нет, Борис Михайлович, разговор у нас будет неприятным и долгим. Сегодня выясним общие вопросы, а завтра начнем по эпизодам...

— Эпизодам? Да что же это такое? Я ничего не делал, ничего не знаю, а меня камерой запугивают, эпизодами...

— Вы же сами когда-то говорили: «Если рисковать, так на большую сумму!»

— Товарищ, я удивляюсь,— Басс решил сыграть на моих чувствах.— Вы, кажись, следовательно по важнейшим делам. О! Это большой человек! Знаем, ошибаются и по важнейшим. Меня уже раз так заграбастали. За что вы думаете? За простые анекдоты, маленькие шедевры народного творчества, так сказать.

— Нет, вас судили за антисоветскую агитацию и пропаганду — за государственное преступление. В деле есть справка о вашей судимости, вот она.

Басс задумался, обмяк, побледнел. Улыбка с его лица сошла, он опустил голову.

В кабинете воцарилась тишина.

Я в это время стал записывать в протокол анкетные данные подозреваемого.

— Ваша профессия?

— Я все могу, для себя и для других,— пытался улыбнуться Басс.

— Образование?

— Не высшее и не среднее. Ушел со второго курса мукомольного техникума.

— Соцпроисхождение?

— Из ремесленников. Отец в период нэпа держал сапожную мастерскую.

— Семейное положение?

— Имею жену и двух дочерей — Беллу и Эмму.

— Последнее место работы?

— Экспедитор колхоза. До этого работал в связи и много сделал для Черновиц. Телебашню достал и к ней начинку.— Басс улыбнулся.— Без меня они бы до сих пор на дохлых кошек смотрели.

В действительности, как было установлено позже, Басс и здесь нагрел руки, принимая самое непосредственное участие в приобретении за взятки аппаратуры для телевидения.

— Расскажите подробно, когда и какие суммы денег вам давали родители за содействие в приеме их детей в медицинские институты?

— Это ложь,— буркнул Басс.— Другое дело телебашня. Там пришлось раскошелиться.

— Но и здесь вы платили не свои деньги, а государственные?

— Правильно. Представил акт на закупку агрегатов на рынке, и мне вернули все сполна. Еще бы, вышка-то стоит. Как памятник мне.

— Не рисуйтесь, Басс! Вы оставили после себя память другую, черную,— перебил я его.

— Ошибаетесь, товарищ по важнейшим,— недовольно буркнул Басс.— Я ведь достал...

— Документы подделывали. Чужие деньги получали.

— Подумаешь! Мелочь!

— За эту мелочь вас и уволили?

— Ну кого я надул?! Ну было такое, исправлял дату в билетах. Иголкой лишнюю дырочку проколол. Так это же ради общего дела. Все на телебашню шло,— выпрямился, гордо поднял голову.— Я им и художественную самодеятельность организовал... Мастером слова прозвали меня... Грамоты и денежную премию получал. А это какая память?

— Рассыпалась ваша самодеятельность. Кончились и ваши похождения.

Связи с Гиём Басс категорически отрицал:

— К науке я не успел добраться.

Вскоре мы установили, что Басс организовал Гию пошив костюмов, платьев жене и дочерям у закройщика Замялова. Деньги за материал и пошив, как показал закройщик, платил лично Басс.

Было также установлено, что Басс для семьи Гия приобрёл у спекулянтки по фамилии Машева импортные товары: кожаное пальто, каракулевую шубу, костюмы, и для примерки возил туда Гия, его жену и детей. И тут за все товары деньги платил Басс.

Помимо этого, Басс неоднократно снабжал Гия и его семью билетами на концерты московских артистов и в цирк.

Тесные связи Гия и Басса подтвердили, кроме Замялова, Машева и другие свидетели.

Клубок преступлений начал разматываться. Но Басс все отрицал. По всему видно было — за спиной у него большой груз преступлений. Как потом показало следствие, так оно и было.

Особое внимание мы по-прежнему уделяли выявлению взяточдателей. Проверялись в первую очередь лица, у которых оценки в контрольных работах были явно завышены.

Допросы Басса мы умышленно прекратили. Пусть побудет в неведении.

Прошла неделя. Басс не выдержал, написал мне заявление и попросил о встрече. Я поехал в тюрьму. За это время он осунулся. Подолгу молчал. Пытался разузнать, чем располагает следствие. Под конец попросил у меня чистый лист бумаги. На вопрос, зачем ему бумага, ответил:

— Представлю повинную, дабы ускорить расследование и заслужить снисхождение.

Прошло несколько дней, и Басс направил прокурору республики заявление, в котором признался, что дважды передавал Гию взятки, в первый раз — от Волошко, во второй — от зубного техника Гробмана.

Встал вопрос о привлечении к уголовной ответственности Гия. Было принято решение перед задержанием произвести у него дома и на работе обыск, который я проводил совместно со следователем по особо важным делам Слесарем. Мы изъяли у Гия три ружья, из них одно — ТОЗ-34 с инкрустацией золотом и серебром стоимостью свыше тысячи рублей, три кинокамеры, фотоаппарат японской фирмы «Соноп», транзисторные радиоприемники иностранной марки, серебряный вьетнамский сервиз и много изделий из золота, всего на сумму свыше десяти тысяч рублей.

Кроме того, было изъято наличных денег и облигаций трехпроцентного займа на сумму свыше пяти тысяч рублей, сберегательные книжки на имя Гия с остатком вкладов свыше пятидесяти восьми тысяч рублей и на имя жены — Гий Лидии Ивановны с остатком вклада свыше семнадцати тысяч рублей. Описано имущество на сумму около тридцати тысяч рублей, в том числе: автомашина «Волга», кооперативный гараж, моторная лодка, румынский гарнитур стоимостью пять тысяч семьсот рублей и многое другое.

Изъятые ценности, наличие большого количества дорогого имущества говорили сами за себя. Семья Гия жила явно не по средствам. Помимо этого, Гий приобрел для дочерей две кооперативные квартиры: одну в Тернополе, вторую в Киеве. А для получения многокомнатной квартиры в городе Киеве Гий записал в состав сво-

ей семьи дочерей, зятя и даже внуков, которые проживали в Тернополе.

Самого хозяина в тот день дома не оказалось, онправлял свое «пошатнувшееся» здоровье в одном из лучших санаториев Советского Союза.

И вот пришел час, когда ко мне в кабинет ввели задержанного Гия. Выглядел он лет на пятьдесят пять, был выше среднего роста, с темно-коричневым припухшим лицом, со следами крымского загара, тупым коротким носом, маленькими, как у барсука, глазами, оттопыренными губами, подчеркивавшими надменность и высокомерие.

Войдя в кабинет, Гий не поздоровался, злобно закрипел зубами:

— Я взятку не брал. За незаконное задержание вы ответите по всей строгости закона.

— Здравствуйте, Петр Емельянович,— перебил я его.— Культурные люди должны прежде всего здороваться.

— Не желаю из-за вас...— продолжал Гий.

— Садитесь. Успокойтесь.

Но он кричал, продолжая размахивать руками.

Понадобилось немало усилий, чтобы остановить его.

Наконец-то он сел, злобно уколов меня зеленоватыми, бегающими глазами.

«Откуда у него столько злобы?— подумал я.— Неужели он надеется выкрутиться, как уходил от ответственности добрый десяток лет?»

Первым делом я решил убедить его в том, что утаивание правды бесполезно, что только раскаяние — верный путь защиты.

Что ему было надо? Ведь у него было все: хорошая должность, приличная зарплата (получал он до восьмисот рублей в месяц), прекрасная квартира, обставленная по последней моде, обеспеченная семья, автомашинка, гараж... От государства взял все, а чем ему отблагодарил?

Поначалу я решил не вступать в полемику с Гием, дать ему высказаться до конца, выслушать весь арсенал его возражений. Допрос — не простое следственное действие, это состязание двух сторон процесса. И при допросе один пропущенный вопрос, поспешность, неверный тон могут сбить с пути, завести в тупик. Потом придется терять уйму времени, чтобы восполнить упущенное.

Допросы шли изо дня в день. За пять дней было исписано свыше восьмидесяти листов бумаги. Но Гий по-

прежнему все упорно отрицал, стараясь все запутать и ускользнуть от прямых ответов. На многие вопросы отвечал поверхностно, умышленно упуская из виду детали сделок, жалуясь на головные боли и провалы в памяти.

Протоколы его допросов пестрели противоречиями, которых Гий не замечал, делая вид, что из-под его пера выходит одна только правда. Но то была одна ложь.

— Вы меня не учите, я сам грамотен и умею постоять за себя. Будьте спокойны,— отвечал Гий на мои дополнительные вопросы.

По поводу кинокамер, фотоаппаратов, магнитофонов, радиоприемников отвечал, что он их купил в Москве, прямо на улицах, у неизвестных лиц.

А на вопрос — зачем купил три одинаковые кинокамеры — ничего не ответил.

Связи с Бассом категорически отрицал:

— Вы уничтожили меня как ученого, как хирурга и как человека!

— Зря вы на меня в обиде. Я выполняю свой служебный долг. За преступление нужно отвечать. Пришло время. Наберитесь мужества и начните рассказывать.

— Ни за что!.. Я не виновен,— кричал Гий.— Вы, вы меня уничтожили!..

— Гий, вы сами себя уже давно уничтожили, встав на путь преступления.

Прошло еще несколько дней напряженной работы, и я решил перейти в наступление.

Начал я с того, что упрекнул Гия в нетактичном поведении на допросах, в невыдержанности, лжи и тут же зачитал некоторые выдержки из его показаний, а также свидетелей, подтвердивших его знакомство с Бассом. Напомнил о том, что Басс заказывал для Гия и его семьи костюмы в ателье № 32 в Черновцах, куда ездили в одной машине Басс, Гий и его жена. Доказал, что кинокамеры, фотоаппарат японской фирмы он не покупал, а вручены они ему жителями Тернополя Гримблатом и Кабанцом как взятки.

Гий замахал руками.

— Нет, нет, только не это.

Но я продолжал дальше:

— Малогабаритный японский телевизор вручил вам Хомчук, магнитофон «Телефункен» — Сорокин.

Он вскочил, прошелся по кабинету, затем понял, что заператься нет смысла, я располагаю неопровержимыми фактами, уликами, документами, так называемыми «немыми» свидетелями, и решил сдаться.

— Ладно, пишите. Было всего два случая — гонора-ра! — выдавил, тяжело вздыхая.

— Всего два? А может, двадцать два?

— Что вы, что вы, господь с вами, — замахал руками.

— Господь не поможет, придется рассказывать.

Гий попросил воды. Я подал ему полный стакан. Он выпил, сел, расстегнул ворот рубашки, глубоко дыша, уставился на меня жалобными глазами. Нужен был еще небольшой толчок с тем, чтобы окончательно убедить его в бессмысленности заpiresательства.

— Сегодня вам будет предъявлено обвинение, постановление уже составлено, — спокойно сказал я ему.

— Обвинение? — встревожился Гий. — Без моего признания?

— Конечно.

— Тогда пишите, все расскажу начистоту.

— Вот бумага, пишите сами. Только правду.

Я дал ему чистые листы бумаги, а сам подошел к окну.

Было воскресенье. Солнечный день. Тишина. Не шелхнется ни один лист на деревьях. Люди толпами сновали по улице. Их разноцветная одежда, сливаясь в едином потоке, напоминала огромный движущийся ковер. Люди отдыхали, веселились. А я томился в душном кабинете. Я умышленно не подходил к Гию. Пусть сам пишет. Заговорила ли совесть? Правду говорят: совесть не едят, с ней живут. Есть ли она вообще у него?

Сидел он молча. Несколько раз брался за ручку, вертел ее в руках и снова ложил на стол.

— Сегодня не могу. Завтра, — наконец произнес он, повернувшись ко мне.

Я по опыту знал, если он сегодня не напишет, то завтра не жди. Уже будет поздно. Отпускать его было нельзя. И я стал ему объяснять:

— Дело ваше, когда писать. Промедление не в вашу пользу. Так или иначе — писать придется, так что лучше сегодня.

Наконец Гий взялся за ручку. Писал долго, обдумывая каждое слово, каждое предложение.

На первом листе он написал:

«Я с Бассом познакомился в 1959 году. Позже он обратился ко мне с просьбой оказать ему помощь в поступлении в институт Эпельман Софии из гор. Черновиц. Когда она сдавала экзамены, моя поддержка заключалась лишь в том, что я говорил: данного абиту-

риента необходимо поддержать, благосклонно к нему отнестись, т. е. не срезать. После зачисления Эпельман в институт в конце августа или в начале сентября Басс вручил мне в подъезде моего дома пакет. Проверив дома содержимое его, я обнаружил десять тысяч рублей... Вручая пакет, Басс сказал: «Это в знак благодарности за прием в институт...»

С горем пополам Гий дописал вторую страницу, расписался и поставил дату.

— Все. Разоружился,— вздохнул он,— словно камень сбросил.

Он указал в заявлении лишь две взятки, причем оба эти случая не были известны следствию.

— И это все?! Нет. Такое раскаяние в вашем деле ничего не стоит,— возвратил я Гию его заявление.— Напишите, за что вам давали «гонорар». Ведь это чистой воды взятки.

— Для меня гонорар, а для вас взятки,— недовольно буркнул.— Я не юрист.

Тем временем подошел обед. Я вызвал дежурного и предложил отвести Гия в камеру и накормить. Уходя из кабинета, Гий прихватил с собой и свое заявление. Это была моя оплошность. Ровно через час привели Гия.

— Дайте ваше заявление,— сказал я.

— А я его порвал,— ехидно улыбнулся Гий.— Вы же сами сказали, что оно — филькина грамота. Ну я его и на кусочки...

— Ну что ж, порвали так порвали,— сдерживая свое разочарование, ответил я.— Однако вам придется признаваться во всем и сразу.

Гий на мгновение задумался, уткнувшись лицом в ладони. В такой позе он находился несколько минут, затем попросил:

— Дайте бумаги.

...Писал он второе заявление еще дольше, лицо выражало муку и страдания. Вспомнил только шесть случаев получения «гонорара». Названные два эпизода в первом заявлении опустил. О них я не напоминал. Достаточно было, что я их хорошо запомнил.

Вскоре все факты получения Гиём взяток, указанные в заявлении, подтвердились.

В дальнейшем Гий замкнулся и сожалел о том, что признался.

— Мне достаточно того, что написал на свою голову,— злился он.

Время шло, всплывали новые эпизоды взяточничества, которые он категорически отрицал, но после проведенных очных ставок частично признавал:

— Давали «гонорар». Я отказывался, так они насильно совали деньги в карманы, в ящики письменного стола, в багажник автомобиля...

На очной ставке с Бассом Гий не выдержал:

— Ты меня погубил! Я ведь ученый! — закричал он.

Басс, прищурив глаза, спокойно уточнил:

— Ученый жулик!

У Гия не выдержали нервы, он кинулся к Бассу и хотел схватить его за горло.

— Ты, бандит! Уничтожил меня!

Басс легко оттолкнул его.

— Ах, так? Тогда я тебе напомним. Деньги от Витару — три тысячи... Брафельда — четыре тысячи. Ну, еще подсыпать?.. Могут дополнить!

Сказанное, словно молния, поразило Гия, и они стали друг друга топить, называя новые факты взяточничества. Я только успевал записывать. И о том, как Гий у своего бывшего соученика по институту Фермова выудил вьетнамский серебряный сервиз за устройство его дочери в институт, и как бывший начальник областного управления лесного хозяйства Кузьмичев за прием в институт своей дочери вручил Гию инкрустированное золотом и серебром ружье стоимостью свыше тысячи рублей, изготовленное по спецзаказу на тульском оружейном заводе... И о том, как Кабанцев, фотограф из Тернополя, за прием его сына в институт передал Гию кинокамеру, фотоаппарат и кинопроектор японского производства. А житель Тернополя Хомчук за прием в институт дочери вручил Гию в виде взятки малогабаритный телевизор японской фирмы.

Само собой разумеется, признание обвиняемых — это еще не конец дела, а по существу начало его. Необходимо было все эти факты проверить, допросить взяткодателей и подкрепить все это вескими доказательствами...

Простейшей, без новизны и перспективы, была его докторская диссертация. Как она прошла комиссии? Гию везло. Да и не только ему. Его жена тоже стала в стенах института кандидатом медицинских наук. Старшая дочь училась в аспирантуре, осталось совсем мало до получения ученой степени.

Младшая дочь тоже стремилась к этому, но ей мешали, арестовав папу. Хороша семейка: сутяги и кро-

хоборы. Супруга при допросе все рассказала о взяточничестве ее мужа, а спустя два дня стала писать заявления в разные инстанции, жаловалась на следователя, который якобы силой заставил ее дать такие показания.

Младшая дочь Елена на допросе оскорбляла следователей. Старшая — Анна во время обыска пыталась спрятать золотые изделия, а когда ее разоблачили, закатила истерику и стала бить хрустальные вазы, обвиняя в этом работников милиции.

Один из зятей Гия так охарактеризовал эту семью:

— Я для них был чужим. Меня вечно попрекали за малую зарплату, которую вырывали из рук, не оставляя ни гроша на мелкие расходы. Прятали от меня еду. Весь семейный разговор сводился только к деньгам. Но теперь пусть знают, что не всему рубль — мера...

Обидно, конечно, что эти люди на протяжении долгих лет работали в институте, где, как мы установили, царила атмосфера строгого диктата. Гий ввел такой порядок — все решает он. Тех, кто пытался ему перечить, — выживал. Критика и самокритика были исключены. Зато восхвалялись Гий и его жена. Приказания Гия выполнялись безоговорочно, его решения никем не оспаривались.

Особый упрек нужно бросить в адрес приемных комиссий, которые существовали формально, а их роль была сведена к нулю. А ведь они обязаны были справедливо рассматривать сотни заявлений, ибо за каждым из них таилась надежда, судьба молодого человека. Надо было обеспечить на экзаменах такую обстановку, чтобы вступающий в институт, попав в стены вуза, чувствовал доброжелательность, чуткость и требовательность к себе. А главное, чтобы каждый абитуриент, независимо от того, набрал ли он необходимое количество баллов или нет, был уверен, что с ним поступили справедливо и честно.

Несправедливость — страшный враг.

Но Гий, преследуя свои корыстные цели, никогда не задумывался над этим. Да и способны ли вообще такие люди думать об общественных интересах, о молодежи — о нашем будущем. Вся жизнь Гия была подчинена единственному — стяжательству.

Ведя расследование, я часто задумывался над тем, сколько вреда причинил Гий нашему обществу, людям. Почему так безответственно вел себя коллектив института? Может, не замечали?

Все экзаменаторы, допрошенные по делу, догадывались о нечестности их руководителя. И только?

Все знали, какую зарплату получал Гий, и были осведомлены, какими суммами ворочал. За короткое время купил автомобиль, построил кооперативную квартиру для младшей дочери, систематически выезжал с женой в заграничные вояжи, обставил квартиру импортной мебелью, покупал шубы, золотые изделия. Зарплату Гий и его жена перечисляли на сберегательные книжки. Об этом в институте знали все. На что же жила семья? Ясно — на взятки. Кто же давал их, эти взятки? Что это за люди?

Подавляющее большинство давали взятки не из своих личных сбережений, добытых честно, а деньгами, доставшимися преступным путем. Это были спекулянты, расхитители народного добра, торговые работники и т. п.

Вот показания Кузьмичева, мужчины чуть старше пятидесяти лет, толстого и ленивого, с узкими, бегающими глазами и полными, постоянно влажными губами.

— Вы знали, что дача взятки наказуема законом? — задал я ему вопрос.

Кузьмичев погладил рукой свою шевелюру, медленно, словно после долгой спячки, ответил:

— Ну, знал. Но Гий сам мне предложил.

— Когда это было, где?

— Познакомились мы на охоте. Вместе по чарке выпили. Разговорились. Тогда же на охоте Гий увидел у одного ответственного работника охотничье ружье, инкрустированное золотом и серебром, и попросил, чтобы я достал такое и ему. Я пожал плечами, мол, не знаю, как это сделать. Тогда он улыбнулся и напомнил, что моя дочь хочет поступить в его институт. Так что, мол, смотри! Это был намек, и я, конечно, заказал на тульском оружейном заводе ружье, за которое уплатил тысячу сто рублей. Перед самыми экзаменами отнес Гию. Дочь была зачислена.

— Гий утверждает, что ружье вы ему подарили в день его пятидесятилетия и это не является взяткой.

— Такие подарки в день рождения не дарят. Они слишком дороги, — ответил живо Кузьмичев и тут же подчеркнул: — Я жалею, что сразу не заявил в прокуратуру. Ну кто бы мне тогда поверил?!

Следствие шло к своему завершению. Клубок преступлений размотался до конца, но ставить точку было еще рано.

Материалы следствия широко обсуждались в кол-лективах институтов, Министерства здравоохранения, на заседаниях бюро обкомов партии. Виновные получили по заслугам. Были рассмотрены и приняты новые пра-вила приема в институты.

Партийные органы приняли меры по наведению по-рядка в министерстве, по ликвидации последствий дея-тельности отъявленных дельцов, засевших в учебных за-ведениях.

Надо полагать, что время Гия и его компании кон-чилось навсегда.

В процессе следствия меня интересовали и другие во-просы, имеющие социально-психологическое значение, в частности такой: какова причина того, что Гий, постав-ленный на ответственный участок — воспитание молодых людей,— докатился до преступления?

Этот вопрос не давал мне покоя, и я старался найти ответ. Сначала в самой биографии Гия. Но там все бы-ло гладко. По крайней мере — внешне. Жадность — вот что извратило его взгляды на жизнь.

Всему этому сопутствовали высокомерие, мнимая не-досыгаемость и недоступность для других, его якобы «особое» положение в коллективе, обществе.

Всем этим воспользовался Басс: присосался к нему, влез в душу, обворожил сотенными, купив его с потро-хами, и далее приспособил к своим интересам. Правда, Гий и не старался вырваться из его лап. Деньги радо-вали его, и он был вполне уверен, что все сойдет с рук. Эта-то самоуверенность его и подвела...

По словарю Даля, взяточник — продажный человек. Очень точно сказано.

Среди некоторых обывателей еще бытуют выраже-ния: «Не помажешь — не поедешь», «Рука руку моет», «Сухая ложка — горло дерет», «Маслом кашу не испор-тишь», «Ты мне — я тебе». Но этими мудростями поль-зовались в хорошем смысле и по другому поводу. Люди забыли другие выражения: «Что посеешь, то и по-жнешь», «На чужом горбу в рай не доедешь», «Сколь-ко веревочке не виться — конец придет», «Если человек идет с открытым сердцем, ему всегда помогут».

Борьба со взяточничеством, поборами и подачками — дело каждого...

— Встать, суд идет!

Публика в битком набитом заводском клубе встала.

Оглашается обвинительное заключение. Зал притих, Подсудимые, опустив головы, смотрят себе под ноги.

Слова председательствующего звучат грозно и торжественно:

— Гий обвиняется в том, что, работая ректором Тернопольского государственного медицинского института и ежегодно являясь председателем приемных комиссий в период проведения вступительных экзаменов в институт, занимая, таким образом, ответственное положение, систематически из корыстных побуждений злоупотреблял им, нарушал правила приема в высшие учебные заведения СССР, Положение об экзаменационных комиссиях... Вступив в преступную связь с посредниками Бассом, Кузьмичевым, систематически давал указания подчиненным ему членам приемных комиссий и экзаменаторам завышать оценки знаний интересующих его абитуриентов, за поступление в институт которых получал взятки как лично сам, так и через посредников. Всего Гием получено взяток деньгами — двадцать восемь тысяч рублей, ценными вещами и предметами — на сумму четыре тысячи пятьсот рублей.

Обвинительное заключение оглашено, зал негодует...

Подсудимые, прячась друг за дружкой, молчат...

— Подсудимый Гий, встаньте. Признаете ли вы себя виновным? — обращается к Гию председатель суда.

Гий встает. Он бледен, растерян. Откашливается. Исподлобья смотрит в зал и, повернувшись к судьям, тихо, еле слышно говорит:

— Понимаете — не все...

— Громче, ничего не слышно, — шумят в зале.

— Было дело, но меньше... Давали «гонорар»... Я клянусь... не хотел... Они сами совали деньги... А этот Басс — бандит, запутал меня.

— Позвольте, позвольте, — вскочил Басс. — Гражданин судья... Что он мелет! Я его запутал?!

Председательствующий остановил его, и Басс сел, жестикулируя.

— Значит, вы виновным себя признаете частично? — уточняет председательствующий.

— Нет... Да... Если бы не он... Опозорил меня как ученого, — снова тихо цедит Гий.

Затем подняли Басса.

— Да, признаю полностью. Организатор всех дел он, Гий. Я только подбирал ему клиентов.

Так почти целый месяц Верховный Суд скрупулезно исследовал материалы следствия в отношении мажорных преступников, вина которых в судебном заседании была установлена полностью.

Процесс окончен. Гию было предоставлено последнее слово. Он медленно встал. Дрожащей рукой смахнул с серого лица пот, взглянул потухшими глазами на публику и как-то неуверенно, словно чужим голосом, произнес:

— Прошу снисхождения!

Гий и Басс были приговорены к расстрелу, а их соучастники — к разным срокам наказания.

Закон есть закон, его никто не должен обходить. А нарушил — отвечай по всей строгости...

Волошко Stanislaw, от которого потянулась ниточка, был осужден за неосторожное убийство Васи П. во время операции. За дачу взятки на скамью подсудимых угодил и Волошко Денис — отец неудавшегося хирурга.

Явка с повинной

...«И... обдумав и взвесив все... решил рассказать о преступлении, которое я совершил, и заслужить снисхождение Советской власти...»

Так обычно начинаются письма, заявления граждан, совершивших какое-либо правонарушение. Что это значит? Карманщик, спекулянт, расхититель народного добра, убийца, часто носящие чужие фамилии, решаются сами, добровольно выдать награбленные ценности, золото, бриллианты или рассказать о своих преступлениях.

Все это допустимо. По нашим законам такое заявление, его обычно называют «явка с повинной», является одним из веских обстоятельств, смягчающих ответственность.

Лично я, мои коллеги не раз встречались с такими людьми и одобряли их решение.

Конечно, на такое решится не всякий, то ли из-за страха перед наказанием, то ли из-за низкого уровня сознания.

«Я подрезал мужчину на улице в селе Замостье Днепропетровской области... на месте расскажу». Подпись — «Заступа».

Такое «анонимное» письмо было получено управлением внутренних дел области.

Ясное дело, им заинтересовались и проверили. Действительно, такой случай был, совершено убийство, но преступник до настоящего времени не найден, и дело приостановлено.

Заступа отбывал наказание в одной из колоний, куда была немедленно послана шифровка. Вскоре оттуда пришло подтверждение — да, есть такой Заступа. Одновременно с этим пришло и его заявление такого содержания:

«...Осенью 1957 года в поздний час я шел из ресторана улицей и громко пел. Мне навстречу плелся пьяный мужик. Поравнялся — и ко мне: «Дай прикурить!» Я не дал. Сам хотел курить. Тогда он заехал мне в рожу. Я в отместку пырнул его ножичком... и ушел».

Оперативники района обрадовались. В самом деле, сколько работали над делом об убийстве гражданина Симчука... Бились, бились несколько лет подряд, и все безуспешно. А тут сам преступник объявился. Взялись за дело с огоньком. Заступу этапировали в Днепропетровск, допросили и уже потирали руки от успеха. Выставили соответствующие документы на раскрытие этого тяжкого преступления.

Время прошло, сгладились всякие мелочи. Память человеческая — не электронная машина. «Сам же заявил, не придумал», — успокаивали себя оперативники.

В таком виде дело поступило в районную прокуратуру к следователю Никитенко.

Молодой специалист Никитенко с помощью и под влиянием оперативников райотдела следствие провел быстро, составил обвинительное заключение и передал дело прокурору района для направления его в суд. Прокурор Сивоконь изучил дело и усомнился в виновности Заступы.

Свои сомнения он высказал мне по телефону и про-

сил срочно приехать к ним в район. Тон его был настолько тревожным, что я сразу же решил ехать (я тогда работал начальником следственного отдела облпрокуратуры).

Сивокож моему приезду обрадовался, хотя на его лице я прочитал растерянность и озабоченность.

— Подвели меня,— встревоженно сказал он.— Мой помощник в мое отсутствие дал санкцию на арест, а следователь, не имеющий достаточного опыта, привлек Заступу к уголовной ответственности.

Я попросил прокурора дать мне это дело. Оно было сравнительно небольшим, и я изучил его за вечер. В нем оказалась масса неисследованных вопросов. Все обвинение строилось лишь на одном признании. Я решил встретиться с Заступой. Нужно было поговорить с ним откровенно, по душам.

Его привели ко мне утром следующего дня. Было ему более сорока лет, лицо напоминало печеное яблоко, серые глаза точно выцвели, одежда сидела мешковато. Был он, как ни странно, в хорошем настроении и сразу сказал мне:

— Я признаюсь! Порезал мужика! Судите!

Я предложил ему сесть, угостил папиросой.

— За что отбываете срок?

Заступа ответил не сразу, сладко затанулся, выпустил вверх дым.

— Хм, гражданин начальник, зачем вспоминать старое... Лучше пойдем по новому.

— Мой долг интересоваться всем.

Заступа взял новую папиросу, прикурил.

— Неинтересно! У растяпы чемодан свистнул. Так сказать, кроха-буравчик. По-вашему — разбойник. Ну, немножко причесал ему шевелюру...— и деланно улыбнулся.— Открыл крышку, а там всякая, простите... зубная щетка, нафталин, помада, женские панталоны. Деньги я взял, а ту чертовщину бросил. Дали мне за это — на всю катушку. Сижу — скучаю, нудно, холодно и голодно. Вишь, какой худой! Кровь жабы — не греет. А тут у вас — лампосе! — тепло, мухи не кусают, комары не сосут. Завидую. Там же они — будто скорпионы. Житья нет от них.

— Семью имеете?

— Семью? Ха, ха! А на шут она мне! Измена, обман, развод... Бобылем лучше. Ни кола ни двора. Вольная птица.

— До этого вас тоже судили? — интересуюсь дальше.

— Эх, гражданин начальник! Было дело. За махонькую кражу взяли. Закатушили на два годочка.

— Значит, вы его убили? — неожиданно задал я вопрос.

— Не... не убивал.. Мокрого у меня нет. Подрезать — подрезал, так мне сказали.— Заступа вскочил, потом сел и заерзал на стуле, стал рыться в карманах. Я догадался — ищет папиросы.

— Можно? — показал он рукой.

Я подал ему пачку своих. Он взял папиросу, подул в мундштук, размял табак, прикурил. Сладко затянулся и закашлялся. Глотнул из стакана воды, потянулся.

— Не выпались?

— Какой там сон в КПЗ! Голые доски,— схидно улыбнулся.— Может, подскажите, пусть матрац подкинут.

— Режим для всех одинаков,— разъяснил я ему.

Помолчали. Заступа продолжал курить, выпуская из носа дым. Левая рука его лежала на коленях, заметно вздрагивала.

— Ну, а теперь расскажите не спеша, все по порядку,— предложил я ему.

Заступа поднял на меня серые глаза, прищурился.

— Там в деле все есть. Ничего нового,— ответил, тряхнув головой.

— Дело делом, а вы расскажите сами, так понятнее,— попросил я снова.

Он, как видно, хотел выпытать у меня о судьбе потерпевшего. После выкуренной папиросы будто невзначай бросил:

— Начальник, скажите, тот мужик убит или вы меня — на пушку?

— Убит,— ответил я ему.

— Да, ситуация, скажем, фронтовая,— буркнул он.

Снова закурил и занервничал: тер пальцами виски, хватался за сердце.

— Болит? — посочувствовал я.

— Ноет,— выдавил.— Так всегда перед следователем.

Затем приподнялся, шумно скрипнул стулом.

— Слушайте. Было, значит, так. Знать, иду по селу. Мужик мне навстречу... Пьян, конечно. «Дай прикурить»,— попросил его. А он как бычок: «Какой я курец» — и как двинет меня в скулу. У меня из глаз иск-

ры... Вы бы тоже не выдержали. Я со злости его ножичком — раз. Вот сюда, — поднял рубашу и показал место ниже пупка, куда он якобы нанес ножевое ранение. (У потерпевшего же — рана прямо в сердце). Снова закурил, задумался и неожиданно попросил: — Покажите мне того мужика. Я его сразу опознаю. Интересный мужик!

Я не ответил и еще больше насторожился.

«Что же побудило этого человека взять на себя тяжкое преступление? Подговорили?»

И тут же поползли другие мысли: «Как же Заступа мог знать о преступлении, совершенном здесь, в далеком селе?»

Отогнав сомнения, спросил:

— Сможете показать то место, где вы совершили преступление?

— Нет, — ответил раздраженно Заступа. — Чего не могу, того не могу. Было темно, дул встречный ветер, такой колющий, что аж дух захватывало.

Он снова задумался, будто вспоминал тот роковой вечер. В глаза мне не смотрел, боялся выдать себя. Погасив в пепельнице папиросу, взял новую, прикурил. Его лицо осунулось еще больше, стало землистым, нижняя губа заметно вздрагивала.

— Опишите внешность того мужчины. В чем был одет, — попросил я.

Заступа задумался, глубоко, с шумом вздохнул и тихо, как-то разочарованно промолвил:

— Дело было осенью. Значит, мужик был в пальто. В черном пальто. Это уж точно.

— А на голове?

— Шапка, конечно.

Посмотрел на меня, проверяя, поверил ли я ему, и тотчас же добавил, но уже тише:

— В чем же в такую погоду ходят? (По материалам же дела потерпевший был в фуражке и не в пальто, а в сером плаще).

— Какая обувь? — продолжал допытываться я.

Он заерзал на стуле, потянулся к папиросам, ехидно улыбнулся:

— Гражданин следователь, зачем вам вся эта мелочь? Что на нем? Никто до этого меня не спрашивал. Главное то, что я его подрезал.

Я настаивал на своем.

Заступа на мгновение задумался, затем вскочил.

— Должно быть, в сапогах. Не иначе. (По делу — в ботинках).

В дальнейшем Заступа стал еще больше придумывать, лгать, говорить невпопад, но я не отступал, задавал новые и новые вопросы, все сильнее убеждаясь: Заступа не убивал Симчука.

Но мне хотелось, чтобы он сам убедился в этом и отказался от своих показаний.

Однако Заступа еще держался.

В это время в кабинет зашел начальник уголовного розыска Проскурин, и я обрадовался. Для быстрой развязки разыгранного Заступой спектакля нужен был именно Проскурин. Поэтому я пригласил его сесть.

— Сами откуда родом? — продолжал я допрос.

Заступа деланно усмехнулся.

— Гражданин следователь! Вы опять за свое! Подрезал-то я... Все ясно, как божий день... Могу перекреститься.

— А все же интересно, как вы попали сюда?

Заступа посмотрел на Проскурина.

— Да, да, расскажите, — поддержал меня Проскурин.

— По совести? — переспросил Заступа.

Я кивнул головой.

— Ехал поездом. Сошел. Хотел посмотреть село. Говорят, оно очень старое. Еще Петр Первый заложил его. Ну и пошел.

— Ночью? — остановил я его.

— А что? — вспыхнул Заступа.

— И что же дальше?

Заступа посмотрел на Проскурина и сказал:

— А дальше — приехали! Теперь вы спросите: кто мой дедушка? Не был ли он в белой армии? Служил ли я у Колчака? Не была ли моя бабушка царицей?.. — Он явно издевался надо мной.

— Приехал, а дальше? — вмешался Проскурин.

— Ох и интересные вы люди — хотите все тонкости узнать? — возмутился Заступа. — Ну, заночевал на вокзале. Мне пуховая перина не нужна. Под голову кулак, и все. Рядом буфет, выпил пива — мало. Пошел искать ресторан. А дальше вы уже знаете...

— Выходит, вы приехали специально посмотреть старое село? Каким же поездом? — спросил я.

— Ну и хитер же ты, начальник. И это хочешь узнать. Другие не интересовались. Вам надо знать? — наигранно произнес Заступа. — Хотите правду — я не выдумал,

не хочу подводить свою зазную. Муженек ее в командировку тую-тую, а я в тепленькую постельку. Ух и горячая, зараза.

Закурил.

— В чем вопрос, я же не кретин! Подрезал! Я не откажусь, хоть режьте на кусочки,— поклялся Заступа, стуча себя в грудь.

Мне осталось выяснить, что Заступа скажет о ноже, хотя и без этого все было ясно. Заступу придется этапировать обратно в места заключения.

Проскурин сник, сидел тихо и ждал.

— Значит, вы подрезали?

— Ну я же, я! — крикнул Заступа.

— Каким ножом?

— Ножом? Обыкновенным. Сам делал,— ответил не задумываясь.

— Нарисуйте,— предложил я ему и положил перед ним чистый лист бумаги и карандаш.

— Видите ли, я не художник. И зачем это вам, начальник?

— Для дела.

Он насупился, почесал затылок, что-то залепетал про себя и попросил закурить.

— Ну, ну, рисуйте,— подгонял я его.

Но Заступа тянул, ерзал на стуле, понимая — его загнали в угол. Встала новая проблема — придумать нож. Тем более, предлагалось его нарисовать. Нож, которого он никогда не видел.

— Нарисуйте вы, а я расскажу,— хотел схитрить Заступа.

— Сам же делал! И не помнишь? — не выдержал Проскурин.

— Забыл,— буркнул недовольно Заступа.

Прошло еще полчаса, а Заступа все торговался, отказывался рисовать, затем вскочил, прошелся по кабинету, сел, придвинул бумагу и нарисовал нож в виде пики.

— Вот такой примерно,— произнес неуверенно.

— А размеры? — поинтересовался я. — Укажите!

— Я не мерял,— буркнул Заступа.

— Нож был при вас? — уточнил Проскурин.

— Да, да, вот здесь в карманчике,— живо ответил Заступа, показывая боковой внутренний карман своего пиджака.

— Понятно,— согласился я.

— Все как на духу,— оживился Заступа.— А вы не верите.

— Ну, а сейчас мы сделаем маленький эксперимент,— сказал я, обращаясь к Заступе.— Вы не возражаете?

— Хм, гражданин следовательно, можно и не один,— улыбнулся он.— Я же признался!

— Вот вам линейка, положите ее в карман вместо ножа.— Я дал Заступе линейку длиной двадцать пять сантиметров. (Раневой канал убитого был точно такой длины).

Схватив линейку, он покрутил ее в руках, а затем расстегнул пиджак и стал вкладывать ее в карман, где, как он утверждал, находился нож.

Но как он ни старался, линейку туда спрятать не мог. Она торчала из-под воротника, упираясь в подбородок.

Заступа разозлился, закурил и впился в меня налившимися кровью глазами.

— Смеешься, начальник? А вообще-то нож короче был...

— Нет, Заступа! — сказал я.— Хватит комедию ломать.

— А что, я же признался,— вспыхнул он.— Хотел помочь следственным органам. А выходит...

— Перейдем ближе к делу,— оборвал я его.— Послушайте меня.

— Постараюсь,— он насторожился.

— Во-первых, тот человек умер сразу, на месте. Так что не сходятся у вас концы с концами.

— Не может быть! — вскочил Заступа.

— Успокойтесь и слушайте дальше...

Несмотря на то, что я выложил перед ним все козыри следствия, а они были явно против него, и доказал, что его версия гроша ломаного не стоит, Заступа не сдавался.

— Подождите, подождите, гражданин начальник. Шутить?! Я его только подрезал. Живой же он. Мне так сказали...

— Какие шутки, когда речь идет об ответственности за убийство.

Я раскрыл двенадцатую страницу дела и прочитал заключение судебно-медицинской экспертизы. Заступа не поверил мне. Пришлось дать ему дело в руки. Он прочитал заключение дважды. Лицо у него словно закам-

нело, он о чем-то думал, а затем вскочил на ноги, ударив себя ладонью по лбу.

— Эх, и дурак же я! Зачем все это придумал?

— Нет-нет, вы не придумали, а взяли преступление на себя,— перебил я его.— Лучше назовите того, кто рассказал вам о нем.

Вытаращив глаза и пожав плечами, он буркнул:

— Не помню, я не убивал мужика... не...

Вновь наступила пауза. Заступа заерзал на стуле, опустил голову.

— Рассказывайте дальше.

— Что тут гутарить? Вы и так мне не верите— махнул рукой Заступа.

— Если правду скажете — поверим,— вмешался Проскурин.

Заступа поднял голову.

— Если расскажу правду, заслужу снисхождение? — начал торговаться Заступа.

Но сразу рассказывать не стал. Я понимал — душа у него раздвоилась. Ему не хотелось выдавать своего человека, такого, как и сам, преступника.

— Мы ждем,— напомнил я ему.

— Эх, была не была,— начал он.— Того мужика убил Казбек. Да-да! Он, законно! На пересылке рассказал мне. Сидел трое суток с ним в одной камере. Он и болтнул. Фамилию его я не знаю. Пришли холода. И мне захотелось в теплые края. Замутить дело — и на полгодика оттуда. И я написал, знал, мне не поверят. Привезут сюда. Проканителюсь... Признаюсь, а в суде откажусь...— вытер рукавом пот, который градом катил по его впалым серо-желтым щекам, и замолк.

Проскурину тоже было жарко.

«Опытный разыскник, а подвели преступники. И как здорово подвели»,— сочувствовал я ему.

— Теперь повезете меня обратно? — грустно спросил Заступа.— Может, здесь определите? Я же вам помог...

Позже дело обсудили на оперативном совещании. Больше всего досталось Проскурину и его подчиненным. Они были строго наказаны. Дело передали другому следователю.

Через месяц Проскурин помог найти Казбека. Им оказался Кривенко, ранее дважды судимый, который также находился в местах заключения. Он-то и был настоящим убийцей. Хитрость его подвела. Совершив

убийство, он, заметая свои следы, выехал в Лозовую и там прилюдно выхватил у женщины сумку. Его осудили за грабеж. Думал отсидеть по мелкому, а убийство останется нераскрытым. Во время этапа рассказал о нем Заступе. Так родилась потом «явка с повинной», и так был разоблачен истинный убийца.

Грязная кормушка

Многие видели, как сборщик утильсырья переходит от дома к дому с мешком на плечах или медленно едет на подводе, извещая о своем прибытии сиплым свистком, ударами в небольшой колокол и выкриками: «Старье берем».

Обмен тряпья, бумаги и костей на воздушные шарики и глиняных петушков едва ли может вызвать какие-либо подозрения: уж слишком специфичен и дешев предмет обмена — утиль.

Очевидно, именно поэтому органы милиции и прокуратуры Днепропетровской области не придавали серьезного значения сигналам о злоупотреблениях на предприятиях по заготовке и переработке утиля. Уголовное дело против работников артели «Красная Звезда» расследовалось неглубоко, и из-за неопытности следователя был вскрыт лишь факт хищения незначительного количества ковровых дорожек.

Чуть позже ОБХСС управления милиции города Днепропетровска вновь возбудил дело против работников

этой же артели, а потом передал его в прокуратуру города. Следователь Кавун в течение трех месяцев вел расследование без должной инициативы и настойчивости.

Все это я знал понаслышке. О деле вспоминали на совещаниях. Но я никогда не думал, что оно впоследствии перейдет ко мне.

Как-то перед обедом меня срочно вызвал прокурор области.

— Дела у вас были всякие...— начал Иван Ильич.— Справлялись вы неплохо... Но такого еще не расследовали! Слышали об утиле?

— Тряпье, кость и другой хлам? — вырвалось у меня.

— Это дело непростое, поэтому и поручаю его вам,— остановил меня Иван Ильич.— Мусор, говоришь? А посмотри, какая у них зарплата! В три раза выше, чем у сталевара! Почему? Вот вам и надо разобраться, что к чему, провести расследование на высочайшем уровне, чтобы никто из виновников не ушел от законной ответственности...

Приняв дело к производству, я несколько дней изучал его и нервничал. Само слово «утиль» наводило на меня уныние. Но, изучая его, я обратил внимание на то, что у заготовителей действительно непомерно высокая зарплата. Работали в этой системе, как правило, люди преклонного возраста. Одни и те же — долгие годы. Что их прельщало? Высокая зарплата. А доработав до преклонного возраста, работу не оставляли. Почему? Работа с мусором тяжелая. А для старика вдвойне. А может, круговая порука? Преступный сговор? В таком случае чужой глаз — враг номер один! Листаю протоколы допроса свидетелей — рабочих заготовительных пунктов. Все в один голос твердят: «Грибанов? Золотой человек! Ни за что не обидит! Постараемся — и премию получаем!»

Сколько же они получают?

Просматривая наряды на выполненные работы, приобщенные к делу, я обратил внимание, что всем платят одинаково! Сплошная уравниловка! Почему так? Зарплату должны начислять согласно нормам. Есть среди них передовики производства?

Может, прокурор и прав — нужно вывести все это на чистую воду.

А кто такой Грибанов? Читаю анкетные данные в протоколе допроса: «1922 года рождения... По специаль-

ности экономист...» Хм, экономист! Что же заставило его идти сюда с такой специальностью? Тоже непонятно...

Нашел протоколы допроса в качестве свидетеля и председателя артели «Красная Звезда» Дунаева... «По происхождению — служащий, до войны работал агрономом в совхозе...»

Почему поменял профессию?

Читаю показания: «У меня все люди на подбор... Я не допущу разбазаривания... У меня каждая государственная копейка на учете! Будьте покойны! Недостачи? Боже упаси!..»

Дальше мне бросился в глаза путевой лист. По нему значился вывоз трех тонн шерстяного тряпья на симферопольскую фабрику «Химчистка». Все как будто в порядке: приобщена накладная на отправленный груз, акт на прием его завскладом Мельниковым. Никаких расхождений в весе. Все чин по чину, оформление — пореквизитно. Подписи налицо. На путевом листе даже имелась запись: «За превышение скорости на дороге в туман шофер предупрежден. Автоинспектор Симферопольского ГАИ Старовойт». Рядом стояла дата и штамп. Но вот водитель автомобиля перевозку указанного груза отрицал. Причем к протоколу допроса была приобщена справка о том, что в это время его машина стояла на ремонте. На очной ставке заведующий пунктом Грибанов стоял на своем — груз был отправлен.

Кто же говорит правду, Грибанов или Чижииков?

Вызвал Чижиикова. Он явился немедленно. Довольно обаятельный человек лет тридцати. Держал себя смело, независимо.

— Да не ездил я туда! Честное слово!

Чуть позже в деле я нашел акт сверки взаимных расчетов артели «Красная Звезда» и фабрики «Химчистка». Из него вытекало что все в порядке: груз отправлен, груз принят, оплачена стоимость транспорта.

«Но почему шофер отрицает? Какая ему разница? Не везли же это тряпье самолетом», — ломал я голову. Этот вопрос в деле так и не был разрешен. Действительно, заколдованный круг!

Дочитав дело до конца, я решил в первую очередь ознакомиться с системой заготовок, посмотреть обработку сырья и другие процессы.

Через день я поехал в артель «Красная Звезда». Был я в простенькой гражданской одежде. Зашел в контору

в обеденное время. Явился не как следователь, а как человек, интересующийся работой. За столом сидели мужчины, обедали. На столе стояла недопитая бутылка водки. Все они были уже навеселе. Увидев меня, встали, чьи-то руки утащили бутылку и стаканы. Я поздоровался. Они ответили дружно.

— Присаживайтесь к нашему шалашу,— откликнулся один из них, как я потом узнал, грузчик Бурчак, сорокалетний мужчина, полненький, кругленький, с маленькими бегающими глазками.

— Приятного аппетита— сказал я, подойдя к столу.

— Спасибо, спасибо,— ответили все хором.

Помолчали. Мужчины не стали есть, уставились на меня.

— Я вижу, к нам на работу хотите? — улыбнулся второй, старший по возрасту, разглядывая меня с ног до головы, и тут же торопливо добавил: — Можем принять в нашу компанию... Меня звать Мефодий, а проще — Мифа.

— А где начальство? — перешел я ближе к делу.

Опять пауза. Они переглянулись.

— Уехали-с на обед-с,— чинно, с протяжкой, сильно фальшивя, ответил третий, тоже грузчик, по фамилии Плешня, средних лет блондин с серыми, прямо глядящими глазами, тонкими губами и упрямым подбородком.

— Да ты садись, оно вряд ли сегодня появится,— кивнул мне Бурчак, вытирая полотенцем засаленные губы.

Мифа встал из-за стола, подошел ко мне и сильно по-приятельски хлопнув по плечу, сказал:

— Ну не тяни, выкладывай, чего к нам?

— Руководство мне нужно,— повторил я.

О своем действительном намерении я умолчал. Решил ближе познакомиться с людьми и узнать у них все, что меня интересовало.

— А мы тебе не начальство! — сверкнул глазами Бурчак.— Документы липуем и...

Дальше ему не дали говорить.

— Не чеши попусту своим дурным языком,— набросился на него Плешня.— Что шеф просил?

— Чего там бояться? Его? Видать, свой человек, свой в доску,— отмахнулся Бурчак и тут же обратился к Мефодию:

— Эй, Мифа, а ну налей-ка ему первачка ради знакомства.

— Не пью,— отказался я и тут же добавил: — а разве можно пить в рабочее время?

— Да чего там... Пол-литра на четверых... Для аппетита...— зачастил Плешня, наливая в стакан мутную жидкость.

— Пей! — подал мне.— Тут еще и закуска осталась.

В это время Бурчак вытер полотенцем соленый огурец и стал резать его кружочками.

Пить я отказался.

— Выпей хоть капельку... Это же как лекарство,— не отступал Плешня.

— Не хотите? С нами, с рабочим классом? — вспыхнул вдруг Бурчак.

— Я такой же рабочий, как и ты, но пить мне нельзя, печень больна,— схитрил я.

— Печенка! А нам и сам бог велел... На такой работе...— улыбнулся Мефодий, пряча бутылку в сумку.

— Значит, ты к нам на работу? — спохватился Мефодий.— В самом деле или фонарем?

— Фонарем? — сделал я удивленный вид, будто слышу это слово в первый раз.

Бурчак подмигнул мне.

— Иди фонарем! Это лучше.

— Ну и должность придумали — фонарь! — не выдержал я.— Может, еще и на курсы пошлете?

— Хм, не знаешь? — тягуче произнес Мефодий, еще раз хлопнув меня по плечу.

— Первый раз слышу,— ответил ему.

— Должность чистенькая! Не бойся,— продолжал Мефодий, затем взяв меня под руку, отвел в сторону.

— Фонарь,— метнул на меня глазами,— это то, что светит, да не греет.

— Мертвые души? — переспросил я.

Мефодий вмиг отскочил от меня. Его лицо сразу стало серьезным.

— Эй, эй! А ты откуда знаешь за фонарей?

— Ты же сам сказал!

Он сразу притих, подумал и заговорил уже осторожно, намеками.

— Хочешь получить приличную пенсию — давай вступительные. Конечно, не мне, а шефу, и зачислят тебя фонарем. Нет, нет, не работать... Это только на бумаге. Сам иди на все четыре стороны. Хочешь поехать в Крым пузо греть — поезжай! Но изволь, дорогой, явиться в день полочки, чтобы расписаться в ведомости на зарплату... А деньги...

Мефодий сделал паузу, вздохнул. В это время его позвали к себе рабочие.

— Ну, я пошел, потом,— махнул рукой. Но сделав пять-шесть шагов, вернулся и продолжил: — В конце месяца нужно составить отчет о своей «работе».

— Так это же нарушение? — перебил я его.

— А ты думаешь как! Риск — благородное дело,— улыбнулся он.— Ну, по рукам! Не бойся, это дело поставлено на крепкую основу. Людей берем подходящих... Молчунов... Мне поручено, а у меня комар носа не подточит.

В это время к нам подбежал Плешня:

— Чего разболтался? Забыл уговор? Папа узнает, лишит премиальных.

— Не бузи, Плешь. Я знаю, с кем имею дело,— отмахнулся Мефодий.

— Я же просил тебя — заткнись, а тебе хоть на голове кол теши,— процедил сквозь зубы Плешня.

Они ушли. По дороге Плешня продолжал отчитывать Мефодия за его длинный язык.

Мне же этот разговор дал многое. Наконец-то открылся ларчик: стало ясно, как расхищаются денежные средства за счет подставных лиц, так называемых «фонарей». Я подошел к рабочим. Они как раз приступили к работе: тюковали разное тряпье.

— Навесы у вас хорошие, а сырье держите под открытым небом,— сказал я.— Это не по-хозяйски!

Рабочие промолчали.

— Эх, вы, а еще рабочий класс! — я попытался втянуть их в разговор.

— Эх ты! Детская целина,— не выдержал Мефодий.— Что значит не в курсе дела.

— Премиальные-то за экономию получаете,— продолжал я.

Опять отозвался Мефодий:

— Экономим. Принимаем сухим, а сдаем мокрым, процентики набегают.

Мефодий подошел ко мне, взял меня под руку и сказал:

— Ну как — решил?

— Сколько надо вступительных? — спросил я.

Мефодий помялся, почесал себя за ухом и тихо произнес:

— По таксе. Если грузчиком,— три куса, заготовителем — полтора... Ну, конечно, для закрепления друж-

бы с артельщиками — две сотни на пропой. Сколько дашь?

— Тяжелая для меня работа — возразил я. — Не выдержу.

— Тяжелая? — вскрикнул он. — Не бойся, живот не надорвешь... Тюки легкие... А если грузить, то воздух... Я не выдержал и улыбнулся.

— Смеешься? Да мы больше всего воздух и грузим. Не веришь?

— А чему тут верить, ерунду городишь, — возразил я.

— Зря ты так... — нахмурился Мефодий. — Обижаться не будешь.

— И сколько же вам платят? — поинтересовался я.

— Нормально. Кроме зарплаты, шеф еще на молочишко дает, вроде премиальных. За честную службу и язык. Не будешь им попусту чесать — получай надбавочку...

Пробыл я на заготовительном пункте около двух часов. Откровенность рабочих открыла мне глаза на многое. Действительно, дело сложное. Круговая порука, мелкие подачки развратили рабочих. С чего же начинать? С допросов — рано. Назначить новую ревизию? Их уже провели две. А что она даст? По документам — все гладко. Поймать с поличным? Но как и на чем? Нужно прежде всего определить уязвимые места. А где они? Решил связаться с начальником ОБХСС города Тутовым.

Анатолия Васильевича я знал давно, еще когда он был начальником отдела милиции. Это был опытный работник. Широта взглядов, усидчивость, выдержанность и олимпийское спокойствие. Это помогало ему выйти из любого тупика.

Тутов пришел под конец рабочего дня.

— Чего нос повесил? — начал он с порога. — Не такие дела раскручивали! Обсудим и начнем!

Я подробно рассказал ему о своем визите на заготовительный пункт.

— Разоблачить «фонарей» не так легко, сплошную проверку не сделаешь, — подметил Тутов. — Я попытаюсь сам...

— Начать следствие надо с заготовительного пункта. Вначале проведем инвентаризацию материальных ценностей, а затем перепроверим все акты на сортировку вторичного сырья. Со специалистами установим фактический выход: проценты засоренности и влажность.

— Это пустая затея, время упущено,— сказал Тутов.— Преступники не дремали, следы своих грязных дел они уже успели замести. Пару месяцев тому назад там неожиданно возник пожар и нужные нам документы сгорели. Так что напрямую идти — пустой номер.

Тогда я нашел путевой лист на перевозку тряпья на фабрику «Химчистка» и показал его Тутову.

— Новая задачка! — задумался Анатолий Васильевич.— Ты считаешь, начало дела там, в Крыму? Заманчиво! Но учти, это не наша область, трудно будет.

— Да, нелегко,— согласился я.— Однако другого выхода у нас нет.

Тутов подумал и сказал:

— Ну что же, резон есть! По-моему, неплохо, и преступников собьем с толку.

— Выделишь мне пару оперативников? Там работы много.

— Да. Я, пожалуй, и сам смогу на недельку поехать.

Потом обсудили все вопросы предстоящей работы. Наметили план, а на другой день доложили в прокуратуру Ивану Ильичу Громову и начальнику областного управления милиции Олейнику Петру Александровичу. Наши предложения были одобрены, выезд в Симферополь разрешен.

В тот же день в Симферополь выехала оперативная группа в составе трех работников ОБХСС управления милиции города — Чуднова, Коваленко и Суркова. Их задачей была разведка. На месте они должны были изучить обстановку, определить круг лиц, замешанных в махинациях, установить связи их с артелью «Красная Звезда». Мы их строго-настрого предупредили — открыто на фабрике не появляться. Чуднову поручили проверку путевого листа с отметкой работника Симферопольского ГАИ.

Тем временем я продолжал усиленно изучать технологию изготовления войлока и другой продукции из вторичного сырья. Мы знали, что фабрика «Химчистка» занимается этим видом продукции. Сам технологический процесс был сложен, поэтому я пригласил соответствующих специалистов.

— Мы получаем от этой фабрики войлок повышенной влажности,— заявил начальник отдела снабжения завода им. Коминтерна Савин.— Возвращали им продукцию. Приезжал директор — наладить дело, но войлок до сих пор такой же.

Я изъезжал переписку. Много рекламаций я обнаружил и на других заводах, и в строительных организациях. Новую партию войлока, прибывшую с фабрики «Химчистка», я осмотрел со специалистами. Взяли образцы на анализ. Кроме повышенной влажности, эксперты обнаружили в войлоке недовложение шерстяной группы. Это намного снижает качество выпускаемой продукции.

На помощь снова пришли специалисты.

— Недовложение — не что иное, как один из способов создания излишков сырья, — категорически заявил Иванченко, пожилой человек с открытым добрым лицом, эксперт бюро товарных экспертиз.

— Для чего им понадобились эти излишки? Перекрывать недостатки? — не успокаивались мы. — А почему именно суконного?

Иванченко поднял на лоб очки и улыбнулся.

— Зря ломаете головы. Обратите внимание на стоимость самой заготовки. По ценнику стоимость каждой тонны заготовленной шерстяной группы тряпья — сто шестьдесят рублей, а хлопчатобумажного — шестьдесят. Вот в этом вся суть! За счет чего лучше красть? Ясно, за счет того, что дороже! А дальше вы, юристы, делайте выводы.

Я не выдержал и поделился с Иванченко мыслями по поводу путевого листа оформленного на Чижикова.

— Ну вот, — улыбнулся он. — Как видите, я прав. Закваска этих дел там, на фабрике.

Медлить было нечего, и мы с Тутовым срочно выехали в Симферополь.

Чуднов доложил, что автоинспектора по фамилии Старовойт, сделавшего отметку на путевом листе, в Симферополе нет и никогда не было.

— Вот тебе и номер! — вскочил Тутов.

— Да, эта фамилия вымышленная, — продолжал Чуднов. — Но это еще не все. Штамп на путевом листе — поддельный. Ясно, как божий день: сырье на фабрику не завозилось.

— А этот недогруз перекрыт излишками, созданными на фабрике за счет недовложений при изготовлении войлока, — догадался я.

— Значит, Чижигов правду сказал, — буркнул Тутов.

Имея на руках документы с подписями работников фабрики «Химчистка» Мельникова и Букача, удостоверившими получение партий утильсырья, в то время как свидетели это опровергали, и располагая данными, что

указанные лица живут явно не по средствам, мы одновременно произвели у них обыск.

Оказалось, что Мельников, получая зарплату сорок пять рублей, выстроил двухэтажный дом из восьми комнат, гараж, приобрел автомашину «Москвич», пианино, холодильник, телевизор. Букач месяц тому назад купил дачу за двадцать тысяч рублей. Михно приобрел автомашину «Победа» и мотоцикл.

Каждого из задержанных расспрашивал в отдельности. Все соглашались, что проявляли халатность в работе: мол, в потоке бумаг запутались. Что касается строительства домов, приобретения автомашин и другого ценного имущества, отвечали в один голос: «Жизнь после войны наладилась, нужно подумать о культуре. Маленькая зарплата? Родители зато богатые!»

Преступную связь с работниками артели «Красная Звезда» все отрицали. Правда, Мельников назвал один случай, когда вместо шерстяного трепья они получили хлопчатобумажное. Поднялся шум, к ним приезжал Грибанов и уладил этот вопрос: привез восемьсот рублей. Эти деньги забрал Михно.

Михно же данные обстоятельства отрицал.

На нашем пути вновь встали трудности: длинная цепочка с множеством обособленных звеньев. В каком же звене кроется разгадка?

Назначив документальную ревизию по фабрике «Химчистка» и оставив оперативную группу в Симферополе, мы с Тутовым возвратились домой.

Допрос Грибанова ничего не дал. Решено было вернуться к артели «Красная Звезда». При проверке выяснилось, что в артели имелось два заготовительных пункта. За каждым из них было закреплено восемь — двенадцать штатных и нештатных заготовителей, которые за наличный расчет скупали у населения утильсырье, сдавали его на заготовительный пункт, где оно сортировалось, а оттуда поступало в консервальный цех. В конечном итоге сортированное и промытое тряпье перерабатывалось на обтирочные концы.

— Хм! Заготовка!.. и концы! Действительно, концы в воду,— вздохнул Тутов.

— Начнем снова с документов.

— Их не найдешь теперь. Многие сгорели, а остальные вряд ли нам помогут — второстепенные,— махнул рукой Тутов.

— Вторые экземпляры документов остались на руках у заготовителей и заведующих пунктами,— возра-

зил я.— Важно сейчас их заполучить. И пора заниматься «фонарями». Нужны хорошие оперативники.

— Бери Камочкина и Стародубцева,— тут же решил Тутов.— Ребята надежные, не подведут.

Наше вмешательство вызвало переполох среди дельцов.

Почти каждый день Камочкин и Стародубцев раскрывали их связи. Преступники выдавали себя даже на самых малых «операциях».

Через день ко мне, запыхавшись, прибежал Камочкин:

— К Кирюхину зашел подозрительный тип. Средних лет мужчина, в кожаной куртке, с большим чемоданом.

— Понаблюдай за ним,— предложил я.

Через неделю Камочкин позвонил мне домой и сообщил, что мужчина в кожаной куртке вновь явился к Кирюхину.

Мы нагрянули туда с обыском. Стали стучать. Нам никто не ответил. Обратились к соседям.

— Дома они,— ответили те.

Пришлось взломать дверь. Кирюхина стояла у стенки и дрожала. Руки ее были в ссадинах и в крови.

— Почему у вас руки в крови?

Кирюхина ничего не ответила, спрятала руки под передник, села в угол, притаилась. Она в летах, но следит за собой: хорошая прическа, подведенные карандашом брови, накрашенные губы. Мужчина забившись в угол, искоса поглядывал на нее. Мы приступили к обыску. Многие вещи из дома уже исчезли: холодильник, телевизор, пианино, магнитофон, аккордеон. Удивительно было и то, что в доме не нашлось ни одного рубля. Слово после тщательной «ревизии». Особенно по этому поводу негодовал Тутов:

— Как же вы живете без денег?

— Так и живем. Еле концы с концами сводим,— вздохнула Кирюхина.— Представьте, на кусок хлеба нет.

Паспорта на пианино, телевизор, радиоприемник, аккордеон спрятать не успели.

— Берите, берите, это чужое... Отец перед смертью отдал,— ответила хозяйка, сверкнув злыми глазами.

Начали составлять протокол. «Неужели ошиблись с обыском? — засомневался я.— И кто этот мужчина? Любownik? Так по возрасту вроде не подходит...»

Я отложил протокол и решил еще раз пройти по комнатам. Зашел в туалетную. И тут обратил внимание на унитаз, переполненный водой. Присмотрелся.

Сверху плавали какие-то клочки лощеной бумаги. Выловил одну из них. Рассмотрел. Так это же кусочек денежной купюры! Вот почему у Кирюхиной окровавленные руки. Увидев нас, она заметала следы — прятала деньги в унитаз.

Я позвал к себе понятых и хозяйку. Понятые подошли, а Кирюхина бросилась бежать. Ее настигли на улице, привели обратно.

— Что здесь? — спросил я.

— Сами видите — мусор, — процедила она сквозь зубы.

— Ничего себе мусор! — вскрикнул Тутов. — Вот и купюры сторублевых.

Сняли унитаз. В сточной трубе мы обнаружили большой комок разорванных облигаций трехпроцентного займа, сберегательных книжек на предъявителя и купюры денег. Всего на сумму свыше восемнадцати тысяч рублей.

Кирюхина была задержана за сокрытие похищенного.

Сразу же после этого мы сделали обыск и у Золотаря, как назвался мужчина. У него было обнаружено немало: одиннадцать сберегательных книжек на предъявителя с остатком вкладов на шестнадцать тысяч рублей, на семь тысяч облигаций трехпроцентного займа, десять золотых монет царской чеканки, шесть золотых часов, золотые кольца с бриллиантами, два золотых слитка по сорок граммов.

— Это не мое, — стал отнекиваться Золотарь. — Попросили люди схоронить.

— Кто вам передал эти ценности? — поинтересовался я.

— Люди. Просят — храню, два процента за это платят.

— Значит, банкиром стали?

— Какой из меня банкир? Просто доживаю свои денечки, — скривился Золотарь.

— Чьи же ценности?

— Не помню. Фамилии не спрашивал. У нас все по честному.

— Рискуете, Золотарь, — сказал Тутов. — Дело серьезное. Можете проиграть...

— Я все сказал, врать не собираюсь, — буркнул тот.

Хотя, по всем правилам, я должен был арестовать Золотаря, но не стал этого делать. Я решил пойти на психологическую хитрость. Из поведения Золотаря мы

понимали, что обнаруженные у него ценности — только часть, остальные нужно искать. Как и где? Я вызвал Золотаря в прокуратуру. Он явился вовремя. Прихватил с собой большую сумку. В коридоре нервничал. То и дело схватывался со стула. Затем возвращался на свое место и рылся в сумке. Я разложил на столе изъятые у Золотаря золото. Правда, заменил его прежнюю упаковку: заполнил стеклянную банку, жестяную коробку и просто положил россыпью.

Позвал Золотаря. Он вошел, сел, увидев на столе золото, потянулся к нему, но тут же спохватился и отдернул руку... Нижняя губа у него задрожала.

Золото на него подействовало и, используя его растерянность, я задал первый вопрос:

— Ваше?

— Мое,— выпалил он.— Извините... Я забыл вам сказать... Это вы забрали у моей сестры?

Я кивнул головой, хотя ничего о его сестре и не знал.

— В Харькове она постоянно прописана, а живет с внуком в Полтаве,— затараторил Золотарь.— Так получилось... Моя жена отказалась ее принять.

Я не перебивал его, и он продолжал:

— Почему-то не мирят они. Бабы... А все это из-за того, что я свою сразу не прикрутил, попустил удила — и получай: на старости лет негде голову приклонить.

— А у кого еще вы прятали золото? — наступал я.

— Вы же сами знаете. То, что в коробке, у соседки Сони...

Затем Золотарь задумался, посопел носом и сказал:

— Спрятал от своей карги, на черный день. Там мало. Не хотела брать. Еле упротил. Оставьте ее в покое, она женщина честная...

— Продолжайте, продолжайте...— Я понимал, что упускать инициативу нельзя.— Эта Соня... Она могла и не отдать всего. Пересчитайте хорошенько. Там двадцать две монеты...

— У Никитина тоже? — не удержался Золотарь. И тут же осекся, замахал руками, схватился за голову.— Я спутал.

Но слово не воробей. Фамилию я запомнил.

— Да, и там забрали,— подтвердил ему.

Он притих, опустил голову, задумался, шаркая ногой по полу. Прошло несколько минут, Золотарь поднял голову, и я его не узнал. Он изменился на глазах. Передо мной сидел уже другой человек: лицо вытянулось,

посерело, сделалось каким-то старым, морщинистым, глаза потускнели.

— Вы отнеслись ко мне благосклонно, не арестовали сразу. Вы хороший человек...

«Лед тронулся»,— подумал я. Золотарь начал сдаваться.

— Хвалить меня еще рано. А вы еще не все рассказали.

Золотарь задумался, потер ладонью виски, вскочил.

— Ладно. Поедьте ко мне, и я отдам все остальное.

— Хорошо,— согласился я.

Из практики я знал, если человек решается выдать ценности — медлить нельзя.

Итак, Золотарь добровольно выдал свой клад, замурованный в печке. Там оказалось двадцать золотых монет и бриллиантовое ожерелье. Вскоре мы забрали ценности у его сестры — Заморыш и у Никитина. В общей сложности у них изъяли золотых изделий на десять тысяч рублей.

Ценности, нажитые преступным путем, имеют большую доказательную силу. Задача следователя не только искать преступников, но и похищенное. Пожалуй, второе важнее. Собственность государства — неприкосновенна. Ущерб надо возместить. Это железное правило для всех следователей.

После долгих размышлений я арестовал Кирюхина и Грибанова. Они подписали справку на Золотаря, в которой значилось, что тот работал заготовителем. Эту справку представили в собес, и Золотарю была незаконно назначена пенсия.

Сначала преступники пытались замести следы, изворачивались, лгали, любым путем старались запутать следствие, повести его по ложному пути.

— Мы честные труженики,— клялись на допросах.

В конце концов они поняли — игра проиграна. Будто по команде бросились в другую крайность. Стали топить друг друга.

— Я так себе, совсем мелкая сошка, а вот он — махровый! — бил себя в грудь Грибанов.

— Это он меня подкузьмил, подсунув на подпись фиктивную справку на Золотаря,— доказывал Кирюхин.

Вечером я зашел к прокурору.

— Вот видишь, я же говорил, что это дело золотое! А ты твердил: «Не хочу мусором заниматься»,— сказал он.

— Ценностей мы изъяли много, а вот каким путем

их добывали преступники, пока неизвестно,— ответил я.
— Как ревизия, много установила? — спросил Иван Ильич.

— Сегодня получил акт. Но там для нас ничего нет. Одни излишки. Недостач не выявили.

— Вот и займитесь излишками. Это один из источников хищения,— подсказал мне прокурор.

И я решил взяться за Золотаря. Не может быть, чтобы тот ничего не знал. С какой целью он посещал дом Кирюхина и с Грибановым встречался? Справку ему дали. За какие заслуги? По словам соседей, после ареста Кирюхина и Грибанова он никуда из дому не выходил. Притаился и чего-то ждал.

Прошла неделя. В начале следующего месяца Золотарь стал исчезать из дому. Сообщения шли одно за другим: «Золотарь садился в поезд, следовавший в Новомосковск... В 12 часов его видели в Никополе. В среду Золотарь выходил из электрички в Павлограде...»

«Почему Золотарь мотается по области?» — задумался я.

Во время встречи с Тутовым стали строить догадки.

— Может, следы замечает? — сказал Тутов.

— Неужели преступная связь артельных дельцов зашла так далеко? — высказал я свои предположения.

— Так трудно сказать, чьи дела он улаживает,— перебил меня Тутов.— Надо все проверить. У меня есть хорошие ребята, Селезнев и Протасов. Им-то мы и поручим проверить. Не возражаешь?

Я согласился.

На второй день они выехали на задание. Долго ждать не пришлось. Селезнев и Протасов вернулись с пенсионными делами на Золотаря. Их было три. Оказалось, Золотарь ездил получать пенсии.

— Хм, интересная эта личность, не пора ли его арестовать? — сказал Тутов, перелистывая пенсионные дела.— Настоящий аферист!

Сказанное задело меня. По существу я был виновен в том, что Золотарь до сих пор разгуливал на свободе. Получив санкцию прокурора, я поручил милиции задержать его. Но не тут-то было. Золотарь скрылся. Досталось мне тогда. Как же так, следовательно опытный, а промахнулся, как стажер. По правде сказать, я вначале тоже здорово переживал, а потом, взвесив все за и против, успокоился. Следствие не сделка, где все ограничено реквизитами, здесь всякое бывает, всех нюансов не предусмотрить. Да и зачем волноваться, когда та-

кие ценности изъяты. Я объявил розыск и был абсолютно уверен, что Золотаря найдут.

Через десять дней я получил телеграмму из Магаданской области о задержании Золотаря и сразу же направил туда конвой. Сам же стал тщательно готовиться к его допросу. Теперь он должен все рассказать. Главное: связи с артельщиками. Арестованные Кирюхин и Грибанов по-прежнему молчали. Ревизии и экспертизы не были закончены. Потому я надеялся на Золотаря.

Изучая его пенсионные дела, я обратил внимание на то, что во всех случаях пенсии ему были назначены на основании выписок из трудовых книжек, заверенных работниками отделов социального обеспечения. В них значилось, будто Золотарь с 1936 по 1962 год непрерывно работал рыбаком Дальневосточной флотилии. В делах имелись справки о размере заработной платы. С помощью лупы я установил, что печати и штампы на документах Золотаря подделаны.

— Здорово мы ему наступили на мозоль, теперь не выкрутится,— потирал руки Тутов.

— С Золотарем у нас все ясно, а вот кирюхинская компания пока не сдвинулась с места,— напомнил я Тутову.— И из Симферополя — ничего.

Вскоре привезли Золотаря, и, как я и предвидел, он задал нам много хлопот. О фикции с пенсиями он рассказал без запираательства. В течение пяти лет Золотарь получал четыре пенсии. Всего — свыше двадцати шести тысяч рублей.

У читателя может возникнуть вопрос, каким образом можно одновременно получать пенсии в нескольких местах, поскольку для назначения пенсии необходимо представить справку с места жительства, а прописаться одновременно в нескольких населенных пунктах невозможно.

Золотарь пользовался халатностью работников отдела социального обеспечения и коммунальных отделов. Например, в Ровеньках ему назначили пенсию, не потребовав справки с места жительства. Трудовую книжку ему заполняли со слов. Так поступил Кирюхин. Что касается штампа о прописке, то его ставили или в гостинице, куда он устраивался на временное жительство, или на частной квартире, как произошло в Павлограде. У хозяйки он занимал одну комнату, исправно платил квартплату, но не проживал. Это устраивало квартиросдатчика и, конечно, Золотаря, так как стоимость жилья была ничтожна по сравнению с получаемой пенсией. День-

ги он получал в собесе лично или же через своих знакомых, которым выдавал доверенности.

О своих преступных связях с артельщиками Золотарь умалчивал. Лишь новые обстоятельства, возникшие впоследствии, принудили его развязать язык. А произошло следующее.

Был субботний день, на работу я пришел рано. Около прокуратуры стояла женщина средних лет, худенькая, просто одетая. Увидев меня, пошла навстречу.

— Вы следователь? — робко спросила.

— Да, я, проходите, пожалуйста, — ответил я.

Зашли в кабинет. Прикрыв за собой дверь, она осталась у порога, осмотрела кабинет и тут же произнесла:

— Удивились, почему я так рано?.. Я уже приходила вчера. Вас трудно застать... Знаю, вы ведете дело об утильщиках.

— Слушаю вас.

Она спохватилась, будто очнулась, и нерешительно произнесла:

— Пора уже утильщиков прибрать к рукам. Я вам кое-что подскажу... Ах, да, я и не представилась. Извините, зовут меня Клара Ивановна.

Тут она опять запнулась, пристально посмотрела на меня и продолжила:

— Председателя артели «Красная Звезда» знаете? Так я его бывшая жена. Нечестный он. Потому и разошлись.

А дальше она рассказала следующее.

...Прожили они чуть ли не пятнадцать лет. Первые годы будто все ладилось. Позже появились у него женщины. А став председателем артели, он зазнался, у него появились лишние деньги. Это насторожило ее. Попыталась добиться от него правды — не получилось... Как-то вечером в отсутствие мужа по телефону позвонил мужчина, назвался Львом и попросил передать мужу, чтобы тот приготовил две тысячи рублей и ждал дальнейших указаний. Она пыталась узнать, что это за деньги, но он бросил трубку. Рассказала об этом мужу. Тот сразу встревожился, а затем махнул рукой, мол, не беспокойся — ошиблись номером. В ту же ночь звонок повторился. Голос был тот же: шипящий, заикающийся. Трубку передала мужу, тот, перекинувшись несколькими словами, оделся, взял с собой деньги и ушел. Вернулся утром. На вопрос, где был, только сдвинул брови, буркнул: «Не твое дело». Но она догадалась. Ровно через

неделю снова тот же голос... И снова муж уходил. Позже так исчезли из дома золотые часы, серебряные ложки, облигации...

Клара Ивановна затихла, открыла сумочку, достала носовой платок, вытерла глаза.

— Ну-ну, продолжайте,— попросил я.

Но она не спешила. Вновь полезла в сумочку, порылась там и положила мне на стол записку.

— Вот, подкинули...

Я прочитал:

«Ждем пять кусков. Положи на старом месте, не то — сядешь надолго. Император».

— Потом звонки прекратились,— снова заговорила Клара Ивановна,— и я успокоилась. Но вскоре они последовали один за другим, причем с разными угрозами, что, мол, если муж не принесет деньги, то его посадят. Выход был один — выключить телефон. Так я и сделала. Тогда мне под дверь подсунули эту записку.

Оставшись один, я внимательно прочитал записку. Она была написана печатными буквами, химическим карандашом. Я еще раз прочитал протокол допроса Клары Ивановны. А может, это месть? Бывает, что люди расходятся, а затем долгие годы пишут, обливая грязью друг друга.

Мы встретились с Тутовым.

— Говоришь, Император? Такая кличка где-то проходила,— он стал вспоминать.

— Может, поручим району, пусть займутся сами? — предложил я.

— Поручать другим нельзя,— озабоченно произнес Тутов.— Сами они ничего не сделают. Я вот думаю, с какой целью они шантажируют Дунаева...

Решили выделить на это дело новых оперативников.

Переговорили с Klarой Ивановной. Она пообещала нам помочь. Первым делом решили засечь телефон Императора. Из первых попыток ничего не вышло — Император звонил из автомата. Но однажды он позвонил с квартиры Нечко, работавшего в артели «Красная Звезда» грузчиком, ранее судимого за аферы. Сделали у него обыск и изъяли на огромную сумму различных облигаций, которые тот скупал по дешевке. Кроме того, были обнаружены золотые часы, принадлежавшие Дунаеву, серебряные ложки, шесть сберкнижек на предъявителя и разные клише на изготовление печатей и штампов. Самого Императора дома не оказалось. Впустила нас в дом его мать, семидесятилетняя старушка.

Задержали его на рынке при продаже поддельных документов. Привели ко мне на допрос. Это был мужчина лет сорока, обрюзгший, без единого волоса на голове, с шипящей картавой речью. Конечно, он все отрицал. Пришлось произвести эксперимент. Дунаева узнала его по голосу. Оказалось, Император и Золотарь вместе отбывали срок в колонии. Золотарь вернулся позже, и Император изготовил ему фиктивную трудовую книжку.

Теперь Император уже не запирался, стал охотно рассказывать о своих проделках. О том, как он «кинул» Дунаева, то есть сделал «операцию» по извлечению у него нетрудовых денег. Он также назвал случаи, когда лично видел, как Дунаеву вручал деньги Кирюхин. Путем шантажа он вынудил Дунаева передать ему чуть ли не девять тысяч рублей.

Таким образом, дело стало продвигаться вперед. Но сам источник, откуда черпались деньги, был еще неизвестен. На удивление всем, новая ревизия никаких недостач не выявила. Повсюду в артели были излишки.

На следующем допросе Император дополнил свои показания. Он рассказал о Дунаеве больше, чем мы знали, и даже то, что тот передавал деньги на хранение Золотарю.

Встал вопрос об аресте Дунаева. Доказательства его вины уже были. В это время Дунаев хотел повеситься: нашел глухую посадку, привязал к дереву веревку с петлей, залез на дерево... Но веревка оказалась слабой, не выдержала его грузного тела.

Золотарь после отсидки изменился: осунулся, почернел, согнулся...

— А чего там, я человек маленький... Мне давали — сохранял. Знают мою честность. Чужого не беру.

— Кто приносил? — спросил я его.

— Это резонный вопрос. Император, Дунаев, Ленка Грибанов, бухгалтер Кирюхин... Все они отпетые жулики!

Ну и ну! Они жулики, а кто он?

Так бывает всегда: воруют вместе, делят на равные доли, клянутся в верности, но стоит одному из них угодить за решетку — и забываются старые клятвы, каждый готов проглотить другого, выгородить себя, а остальных утопить в ложке воды.

И Золотарь, и Император, и тот же Грибанов уже побывали в заключении и, казалось, должны были бы

усвоить золотое правило: сколько веревочке не виться, а конец придет, но выводов не сделали.

Преступники, как говорится, «посыпались», а нас это не радовало: удалось разоблачить далеко не всех дельцов.

Хотелось знать, что скажет организатор всей этой аферы Дунаев.

А он выглядел жалким, обиженным. Мол, не выдержал клеветы, хотел уйти в «потусторонний мир». На первом допросе вел себя так, словно только сейчасследователь открыл ему глаза на то, что говорили его подчиненные.

— Нахалы! Опозорили всех! Да как они посмели на меня, на мою работу! — вспыхнул он. — Я им верил, как себе! А они, мерзавцы!

— Деньги от них получали? — спросил я.

— Что вы имеете в виду? — вытаращил глаза Дунаев.

— Ну скажем, взятки? Долю от похищенного?

— Да как вы смеете подозревать меня, ответственного работника, в таких темных делах! — вскочил он. — Я... Я все делаю... достаю. Планы выполняю...

Пришлось сделать ему очную ставку с Кирюхиным.

— Не отказывайтесь, Степан Саввич! — медленно произнес Кирюхин. — Я же давал вам лично... Помните, золотые часы?

— Ты что, белены объелся? Какие часы? — не выдержал Дунаев.

— Вам — часы, а паспорт остался у меня. Следовательно забрал его, — продолжал Кирюхин. — Не коробьтесь, Степан Саввич, деваться некуда... Закрылась ваша лавочка!

— Перестаньте выслуживаться перед следователем! Я чист! — взбеленился Дунаев. — И не жаль меня? Я ведь тебя на работу пристроил! Забыл, как у меня в ногах ползал?

— А кто заставил нас воровать? Вы что мне говорили? Мол, у вас расходы, не хватает зарплаты.

— Цыц, сукин сын! — набросился на Кирюхина Дунаев.

— Раз так, я вам напомним о тысяче, — вскочил Кирюхин. — Помните, в желтом конверте передал?

— Признаю... Было дело, ехал в командировку... Всего двести рублей... Растратил на благо артели, ради плана.

— Тысячу я дал в машине,— перебил Кирюхин.— Шофер видел...

— Ты же, мерзавец, и меня надул, там было всего двести рублей...

Следствием была полностью доказана вина Дунаева как организатора и вдохновителя компании дельцов. Когда увели Кирюхина, Дунаев смягчился:

— Что со мной будет? С работы снимут! Жене неприятности!

— С должности вас уже сняли. Что же касается вашей бывшей жены, то беспокоиться нечего, она честный человек.

Следствие продолжалось. Собравшись в моем кабинете, Тутов и другие мои помощники готовились к окончательному наступлению.

А чуть позже Дунаев и его компания предстали перед судом.

Золотая жила

В работе мне везло. Правда, часто это везение сопровождалось трудностями, недосыпанием и занятыми выходными днями, но такова уж наша работа.

Как правило, мне поручали так называемые скучные дела, побывавшие уже в руках других следователей.

Вот и сейчас новое дело, «фруктовое», как его называли. Дело о лимонах, апельсинах, яблоках, грушах и

винограде. О товаре скоропортящемся. Два-три дня по-
лежит такой товар — часть его приходит в негодность.
На базах составляются акты на гниль, которую затем
вывозят на свалку.

Как проверить правильность списания фруктов на
гниль? Ведь их уже нет в наличии, остались только до-
кументы. Масса документов!

Ушел домой поздно, спал плохо. Утром зашел в га-
строном, там как раз продавали лимоны на штуки. Стал
в очередь. Купил пять штук по разной цене. Стоимость
одного лимона зависела от его объема, то есть калибра.
Спешат реализовать. Нашел директора магазина, ма-
ленького, круглого, краснощекого.

— Почему нарушаете правила торговли?

— Спешим, а то погниют,— улыбнулся тот.

— Так красть легче,— вырвалось у меня.

— Что вы, что вы? У нас — все честно! — обиделся
директор.— Ну, съедят лимончик. Не больше. Кисляти-
на... зубы сводит...

По пути на работу я зашел в бюро товарных экспер-
тиз к знакомому эксперту Тихомирову Юрию Ильичу.
Выложил ему на стол свою покупку и сказал:

— Определи цену!

Юрий Ильич посмотрел на меня, надвинул на гла-
за большие очки в роговой оправе и стал разглядывать
лимоны.

— Лимоны разные,— стал объяснять.— Калибровка
не одинаковая, и цена разная. Самый малый — нестан-
дартный — продается на вес — два рубля пятьдесят ко-
пеек за килограмм. Остальные же...

— Погоди-погоди, дорогой. Я покупал все на шту-
ки,— остановил я его.— Самый малый за двадцать пять
копеек.

Юрий Ильич снял очки, подышал на стекла и стал
протирать их носовым платком. Его старческие глаза
блеснули любопытством.

— Мил человек, надули тебя торгаши! Да-да, чего
улыбаешься? Тебя, следовательно, надули,— продолжал
он, акцентируя на последнем слове. Я ничего ему не от-
ветил, хотя и обиделся.

Ушел я из бюро в удрученном состоянии.

«Надули, надули! Следовательно!» — гудели в моей го-
лове тяжелые слова. Зашел в другой гастроном — там
было то же самое: всю шла торговля.

При мне в машину садились продавцы с корзинами.

— Куда это вы? — спросил я шофера.

— К проходной завода. Там скоро смена. Вмиг разберут.

Здесь тоже продавали все лимоны на штуки. И самые маленькие тоже.

Директора на месте не оказалось. Я нашел заводскую отделом Тамару Алексеевну Тугодум, полную цветущую женщину лет тридцати пяти.

— Плодосекция гастрономторга отпускает нам лимоны всегда поштучно,— стала она объяснять.

— А по правилам торговли как? — остановил я ее.

— Слыхала, будто нестандартные лимоны должны продаваться на вес,— насупилась она.— Спросила директора, он возмутился: «Делай, что тебе сказано, а то и этого не получишь». Вот так и торгуем...

По пути зашел к директору торгова Туткевичу. Это был мужчина высокого роста, плотного телосложения, высокомерный, с гордой осанкой. В противоположность всему этому голос у него был слабый, писклявый.

Директор внимательно смотрел на меня подпухшими серыми глазами с мутноватой роговицей, кивал головой и в такт этому тряс правой ногой, отчего вибрировал стол и позвякивала ложечка в стакане с чаем.

— Так всегда. Следователи почему-то думают, что все работники торговли жулики,— криво и надменно улыбнулся Туткевич.

— Я этого не говорил, но обстоятельства заставляют так думать.

— А в чем дело? Говорите, примем меры,— стушевался Туткевич.

— В магазинах торгова фрукты продаются с рук, без кассовых чеков,— объяснил я.

— Ну и что? В исключительных случаях это допускается,— уже раздраженно ответил директор.— Очередей не будет. А покупатель что: пришел — взял, без суеты, без очереди.

Я промолчал.

— Что у вас там еще? — спросил Туткевич.

— Нестандартные лимоны продаются как стандартные, по повышенным ценам.

— Ну уж этого не может быть. Плодосекция вне подозрений. Там работают честные и преданные делу люди.

Говорить дальше не имело смысла. Видно было, что директор защищает своих подчиненных.

Наступила пауза.

— С вашего разрешения я проверю кое-какие документы плодовоощной базы и магазинов,— сказал я.

— Пожалуйста, это ваше право. Но и там у нас люди подобраны опытные,— заверил директор.

— У нас, у следователей, такой девиз: доверяй, но проверяй,— улыбнулся я.

«Надули вас, товарищ следователь!» — с новой силой зазвучали у меня в ушах слова эксперта, когда я, попроцавшись, вышел из кабинета.

В помощь мне дали двух молодых ребят из ОБХСС — Виктора и Александра, а также опытного бухгалтера-ревизора Митрофана Тищука, пенсионера.

Собрав бригаду у себя в кабинете, я рассказал о покупке мною лимонов, заявлении эксперта и о продаже цитрусовых без оприходования выручки по кассе.

Задания каждому из них дал письменные. Виктору — установить наблюдение за плодовоощной базой, Александру — проверить образ жизни продавцов, их связи с плодовоощниками. Сам с ревизором углубился в документы. А их было — горы. Система гастрономторга — сложная. Каждые сто килограммов фруктов обволакивал ком различных документов — спецификаций, товарных ведомостей, справок, приходных и накладных всевозможных фактур, актов на списание и заключений специалистов.

— Вы посмотрите на акты, по которым списаны тонны фруктов,— негодовал ревизор.— По-моему, это фикция. Только привезли фрукты, а на второй день комиссия уже делает списание гнили.

Действительно, на базе была создана специальная комиссия, которая состояла в основном из работников базы и одного представителя торгова. На первый взгляд, акты были в порядке. В них имелись даты, было указано количество фруктов, подлежащих сортировке, количество гнильи. Каждый акт подписывали не менее шести человек. Но я обратил внимание на то, что акты подписывали люди, которые на базе уже не работали. Может, механическая ошибка? Акт составили раньше... Некий Боярчук поступил на работу в ноябре, а акт составлен еще в мае. Вызвал Боярчука. Тот ответил: «Подписывал акты сразу пачкой. Кладовщик Ранецкий успокаивал: не бойся. Здесь все в ажуре... Комар носа не подточит».

Как выяснилось, акты на списание гнили подписывали и другие рабочие, не читая их, слепо веря составителям этих документов — товароведом Старчевскому,

Булаху, кладовщику Ранецкому и заведующему базой Прыткому.

Вера Игнатьевна Волосюк работала в торге инспектором торговли, но до этого ей пришлось поменять много мест работы. По образованию она фельдшер, но по специальности работала всего полтора года. Ее почему-то потянуло в торговлю. Работала вначале кассиром в магазине, затем на базе весовщиком, кладовщиком в Днепрохоторге, экспедитором в управлении торговли и наконец инспектором торговли в торге «Гастроном». Принимал ее на работу лично Туткевич. Зачем принял он неспециалиста? В корыстных целях? А может, просто по знакомству?

Как оказалось потом, Туткевич подбирал людей, следуя пословице: ворон ворону глаз не выклюет.

Волосюк — женщина средних лет, крашенная блондинка, одета модно, держится свободно.

— Да, все так и было, — заявила на допросе. — В актах все указано верно. Я подтверждаю. Я ведь представитель торга.

Что она говорит неправду, было видно уже с первого вопроса.

— Почти все члены комиссии заявляют, что они акты подписывали пачками, не читая их, — остановил ее я.

— Этого не было. Я лично контролировала.

— Послушайте, за один раз вы подписали сразу сорок таких актов. Одной и той же ручкой. Как вам удалось сразу сверить все цифры?

— Это неправда. Я хорошо помню — такого случая не было.

— Вот посмотрите акты. Все они вместе и подшиты в один отчет. — Я положил перед ней пачку документов.

Волосюк вздрогнула, затем медленно стала листать акты.

— Да, мои подписи... Но я их подписала последней.

Несколько минут она молчала, затем снова затвердила:

— При сортировке фруктов я всегда присутствовала.

— Не всегда. Вот документ за двадцать седьмое октября. Ваша подпись? — Я показал ей новый документ.

Она тяжело вздохнула и едва разжала губы:

— Моя.

— В это время вы загорали в Анапе. По путевке туда ездили.

— Не помню... Не может быть!— вскочила она с места. Я позвал ревизора. Показали ей приказ на отпуск и корешок путевки.

— Документы липовые, а вы их подписали,— не выдержал Тишук.— Что, за хорошие глаза? Или как?

Это обстоятельство ошеломило ее. Глаза ее наполнились слезами.

Она понимала — ее разоблачили окончательно. Отступать некуда. Улики против нее весомые. Но говорить сразу не хотела. Решила поторговаться.

— А что мне будет?

— Суд решит,— ответил я.

И она стала рассказывать: комиссия существовала формально, лишь на бумаге. Никакого контроля со стороны торгова за сортировкой поступающих на базу фруктов не было. Акты она подписывала по указанию Туткевича. О деньгах, которые ей платили за эту липу, вначале умолчала.

Это были только первые шаги. Нужно было определить количество излишне списанных на гниль фруктов, учитывая в комплексе все документы.

— Трудное это дело. И нам с вами придется нелегко,— заявил я ревизору.— Ведь по всем партиям поступающих фруктов составлялось заключение товарных экспертиз. Правильно ли они вообще составлялись? Соответствуют ли выводы экспертов фактическому состоянию фруктов?

— Какой же выход? — забеспокоился Тишук.

— Выход есть,— похлопал я его по плечу,— наш с вами труд...

Поздно вечером Александр обратил внимание на серую «Волгу», которая подкатила к гастроному № 9. Из машины выскочили двое мужчин и пошли прямо в кабинет Матинчука. Не прошло и десяти минут — в машину был погружен большой ящик лимонов.

Шофер сел в кабину и включил мотор. Вскоре Матинчук вышел с незнакомым мужчиной, они попрощались.

Матинчук вернулся обратно, а пассажир направился к машине. . .

— Трогай,— приказал водителю.

— Не спешите, разрешите путевку,— словно из-под земли вырос Александр.— Я сотрудник ОБХСС.

Незнакомый мужчина оказался одним из экспертов, проверявших ранее плодоовощную базу и магазин. Фамилия его была Донченко.

При осмотре машины, кроме лимонов, был обнаружен мешок с мандаринами и апельсинами.

— Где взяли?

— Там, где брали, их уже нет,— буркнул Донченко.

— Куда заезжали? — спросил Александр у водителя.

— Вожу не первый раз, с базы и из магазина,— сказал водитель.

— Мне? — недовольно буркнул Донченко.

— Да не вам! Жене вашей, а вы будто не знали?

Показания Донченко оказались весьма интересными.

Во всех случаях фрукты поступали на склад плодосекции плодоовощной базы торга. Там они должны были оприходоваться по качественному состоянию. На каждую партию поставщик давал удостоверение по качеству. Но эти документы плодосекцией не признавались, и фрукты оприходовались как несортированные или же нестандартные. В соответствии с этим стоимость фруктов значительно занижалась. После этого на базу приглашались эксперты бюро товарных экспертиз. Они-то и завершали махинации, начатые плодоовощниками. Качество фруктов они определяли выборочным путем, осматривали всего несколько ящиков из партии. Тут-то им и подсовывали гнилье. Так на базе создавались значительные излишки фруктов. Но излишки — это мертвый капитал. Следствию предстояло установить, каким образом и через какие магазины они шли в продажу.

Вызываю на допрос Ранецкого и Прыткого. Оба в один голос: «Примитивщина. Сортность определяется на глаз... Нет никаких приборов. Бывало, и ошибались».

— В свою пользу? — перебил их я.

— Товарищ следователь, нам и так несладко приходится,— заюлил Прыткий.— Хранилища старые, температурный режим не соблюдается, поставщики бросают плоды, роняют ящики на землю. А битые фрукты сразу гниют. Вот и получаем в основном гнилье.

— А нам что, на свою шею этот хомут вешать? — вскочил Ранецкий.— Зарплата и так маленькая, еле детям на молочишко хватает.

Спорить с ними было бесполезно. Я и сам понимал: излишки излишками, а сбыт их надо искать. Из всего было видно — на базе орудует преступная группа. Голыми руками их не возьмешь. Вызвал специалистов, подключил ревизоров. Сам же стал изучать транспортные документы. Перевозка фруктов с базы в магазины производилась транспортом автопредприятий города. За перевезенные грузы рассчитывался торг. Решил начать

проверку путевых листов за последний месяц. И тут же разочаровался. В путевках значились тонны-километры, а какой именно груз перевозился, указано не было. Преднамеренно ли это делалось?

К путевым листам прикладывались справки с подписью работников магазинов, подтверждавших полученные грузы.

Выбрал несколько магазинов. Стал проверять. И тут же новый ребус. Путевка и справка подтверждали перевозку груза, а в магазинах приходных накладных, датированных тем же днем, что и путевка, не оказалось.

Начали сличать первые и вторые накладные — здесь было все в порядке. Бились несколько дней. И тут нам на выручку пришел Виктор.

Посещая базу, он обратил внимание на корзины, куда кладовщик выбрасывал испорченные накладные и копировальную бумагу. Часть этих бумаг он извлек и принес нам.

Мы, в свою очередь, сверили записи на них с накладными, принятыми магазином. Под одним и тем же номером значились две накладные. А это значило, что фрукты высшего сорта подменялись низшим. Полученная разница в сортности изымалась из выручки.

Поздно вечером явился Александр. Его рассказ нас заинтересовал.

«Каждый день, в одно и то же время, на базу приходит старичок, незavidный, плюгавенький, с палочкой и плетеной корзиной. Вначале мне было его жаль. Какой, подумалось, несчастный человек. Затем что-то в нем насторожило. Вышел к нему Старчевский. Поздоровались и тут же ушли в подсобку. Думаю: пришел попросить лимончик к чаю. Что здесь особенного, не обеднеет, если даст. Сколько тех фруктов гниет. Горы актов составлено. Хотел уже было уйти, но возвратился. А тут старик. Чуть было лбами не столкнулись. Вижу: в корзине лежат не лимоны, а какие-то свертки. Старик тем временем вышел за ворота и пошел по улице. Я за ним. Он пошел быстрее и стал оглядываться. Человек явно чего-то боится. Дальше стал петлять по городу. С трамвая в троллейбус, а затем в такси. Вскоре старику уже и палка надоела, он ее бросил под столбом. Я подобрал ее. Потом старик шмыгал из подъезда в подъезд. А дальше зашел в дом № 7 и как в воду канул».

...Ожидал его Александр допоздна и укорял себя за оплошность. Утром второго дня он пошел к тому дому, куда зашел старик вечером.

Ждать пришлось недолго. Старик вновь появился, но уже не один, а с мужчиной в сером костюме и велюровой шляпе. Они вышли со двора на улицу, некоторое время постояли, поговорили и разошлись.

Александр чуть было не вскрикнул. Неизвестный мужчина оказался Булахом, товароведом из плодосекции. Решил и дальше пойти за стариком. Неожиданно тот шмыгнул в стоявшую у обочины «Волгу». Александр успел запомнить номер автомашины: 48—52. Машин рядом не было, и он ругал себя за нерасторопность — не заказал машину.

И вдруг из-за угла вынырнул «Москвич». Александр остановил его и предъявил водителю удостоверение.

— Извините, что задержал, я по важному делу. «Волгу» надо догнать.

— Догнать «Москвичем» «Волгу» вряд ли удастся, — буркнул шофер. — Ладно, попробуем!

Через несколько минут езды «Волга» остановилась у сберкасы. Старика в машине не было.

— Сбежал, — вслух огорчился Александр.

В это время открылась дверь сберкасы и оттуда вышел старик.

Преследование длилось более трех часов. За это время «Волга» останавливалась у восьми сберкасс. «Это уже любопытно, — подумал Александр. — Значит, старик кладет деньги в сберкасы. Чьи же деньги? Не свои, конечно».

С помощью старшины милиции, автоинспектора, старика задержали в момент передачи сберкнижек Булаху.

При этом, запутывая следы, старик попытался швырнуть сверток в урну.

— погоди, папаша, здесь сорить не разрешается, — остановил его Александр.

В свертке оказалось восемь сберегательных книжек на предъявителя на довольно крупную сумму.

— Сберкнижки ваши?

— Эх, если бы мои были! Разве я бросал бы их так! — обескураженно посмотрел на него Рюмин (так назвался старик).

— Гражданин Рюмин, откуда вы взяли эти сберегательные книжки?

— Не помню! — крикнул старик.

— Ну что же, придется задержать вас для выяснения всех обстоятельств.

Тот кивнул и тяжело опустился на урну. Спустя некоторое время привстал и сказал:

— Веди к следователю.

На допросе он признался:

— Мне что, я уже на пенсии, просили люди, и я отвозил деньги в сберкассах. Обещали один процент. Все же я рискую. С деньгами хожу, без охраны. Я же никого не обобрал...

— А деньги-то чьи?

— Деньги? Наши, советские...

— Кто вам их давал?

— Хм, это совершенно резонный вопрос.— Рюмин задумался, почесал подбородок.— Тайна вкладов охраняется законом, гражданин следователь,— сказал тихо.

— Понимаю, понимаю. Это ведь вклады. А кто давал вам деньги — не тайна?

— Пардон, дайте подумаю,— вздохнул Рюмин, потирая лоб тыльной стороной ладони.— Вертятся они вот перед глазами, а я никак... Ну, Косоглаз, Ленка из Мандриковки, Санька с Севастопольской, Митька из Кайдак. Фамилий не знаю. Да это и не требовалось. Вклады были безымянными.

— На предъявителя, значит? — поправил я его.

— Кажись,— буркнул Рюмин.

После допроса мы с Рюминым поехали по городу, и он указал дома, куда заходил за деньгами. Нужно было немедленно действовать. Операция была проведена быстро. Обыски сделали одновременно у Ранецкого, Булаха, Старчевского, Прыткого, Мотанчука, Бурулева, а также у Рюмина.

Денег было изъято около семидесяти тысяч рублей, кроме сберегательных книжек на предъявителя. Например, только у одного Ранецкого их было сто двадцать шесть штук на сто тридцать восемь тысяч рублей, наличными — девять тысяч, облигаций трехпроцентного займа на тысячу двести рублей. Значительные суммы Ранецкий передал на хранение своим родственникам, проживающим в Одессе, Запорожье, Киеве.

У сына Ранецкого было изъято девять тысяч рублей наличными и восемнадцать сберегательных книжек с остатком вкладов свыше восьми тысяч рублей.

Младший Ранецкий развел руками: не хотел выдавать своего отца, который так щедро одаривал его долгие годы. В день свадьбы преподнес ему небольшой свадебный подарок — особняк стоимостью около двадцати тысяч рублей. А невестке — бриллиантовое кольцо стоимостью свыше восьми тысяч рублей.

Делаю очную ставку.

— Это все по наследству от бабушки, не подумайте, что краденое,— начал старший.

— Не морочьте голову,— перебил я его,— ваша бабушка умерла еще до войны. А вклады в сберкассы вы начали делать уже работая на плодоовощной базе.

— Да? — удивленно спросил Ранецкий-младший.

— А вы не удивляйтесь, вас придется арестовать за укрытие заведомо краденного.

Теперь вскочил Ранецкий-старший:

— Вам мало одной жертвы? Мне что, я уже прожил свой век. Его не... Я все расскажу...

Три дня он тянул, пришлось делать еще одну очную ставку — со свахой, и только после этого он начал давать подробные показания.

...У «бедного» Рюмина было изъято ни много ни мало — двенадцать сберегательных книжек на восемнадцать тысяч рублей, наличными шесть тысяч рублей и облигаций на восемь тысяч. Кроме того, одиннадцать золотых монет царской чеканки, шесть золотых часов, кольца и серьги с бриллиантовыми камнями. Вот вам и один процентик, уплаченный плодоовощниками за усердие и добрую службу.

— Лимончики, апельсинчики — золотая жила! — вскричал Тишук, увидев на столе гору изъятых ценностей.

Допрашиваю Рюмина. Пожилой, грушевидная голова с низким лбом, длинный утиный нос, жидкие седые волосы, жесткая седая щетина на лице.

— Я больной человек... Не сажайте меня, пожалейте бедного старика...— говорит он плачущим голосом.

Я слушаю его и думаю о том, как непросто было ему зарабатывать проценты.

Каждый день нужно было объехать все сберкассы, а их по городу вон сколько. Соблюсти конспирацию: не попадаться на глаза одному и тому же кассиру и долго не задерживаться в сберкассе. Правда, приходные кассовые ордера он оформлял заранее еще дома, заполнял графы собственноручно.

Вести расчеты, брать деньги, закупать облигации подсчитывать проценты, разносить сберкнижки своим клиентам...

— Жить надо было... Вот я и трудился. Конечно, перепадало и мне. Они — мои клиенты — первоклассные специалисты... умеют экономить, непьющие...

— Сколько же вы всего сдали денег в сберкассы? — спросил я.

Рюмин пожал плечами.

— Точного учета не вел... Может, около полумиллиона.

В действительности эта цифра была значительно больше.

Установить это помогла малограмотность Рюмина. Заполняя приходные кассовые ордера, он делал одну и ту же ошибку. Писал вместо «тысяча» — тыща, вместо восемьсот — «восесот». Используя это, мы дополнительно выявили в сберкассах города еще пятьдесят тысяч рублей, которые затем суд обратил в доход государства. А сберегательные книжки так и не нашлись. Но следствие продолжалось. Разоблачена была только часть группы «апельсиновых королей». Нам уже были известны два магазина, через которые реализовывались излишки. Но по размаху хищения, по ценностям, которые мы изъяли у плодоовощников, магазинов должно было быть значительно больше. По нашим подсчетам, общая сумма похищенного составляла свыше трех миллионов рублей.

По документам больше всего фруктов было направлено в магазины № 7 и № 9, которыми руководили Мотанчук и Бурулев. Но эти дельцы избрали очень оригинальную и довольно надежную защиту.

Как на допросах, так и на очных ставках они категорически отрицали какое-либо участие в хищении.

— В их делах — не в курсе... Ничего не знаю. Фрукты привозили по документам. Продавали. Выручку забирали инкассаторы. Вот и все,— сказал Мотанчук.

— Все уже проверено. Зря упираетесь,— остановил я его и пригласил Тищука с документами.

— Смотрите, в документах одна липа,— стал возмущаться тот, показывая накладные Мотанчуку.

— Не знаю. Я в магазине не один. Есть заместители, продавцы. Товар принимают они, и они же расписываются за него. Моих подписей там нет.

— Резонно. Кто составлял отчеты? — не отступался от него Тищук.

— Ну, я,— буркнул Мотанчук уже серьезно.

— Выручку забирали вы?

— Не всегда.

— Вот расписка,— вмешался я.— В ней значится, что вы двенадцатого ноября от продавца Семеновой приняли восемьсот сорок два рубля. Кто ее писал?

— Допустим, я,— встревожился Мотанчук.

— Так вот, эта сумма на приход по магазину не взята.

— Не может быть!

Осмотрев документы, Мотанчук убедился, что ревизор говорит правду, и тяжело опустился на стул.

— Это не все. Полюбуйтесь еще,— продолжал наступать Тишук.— По временной фактуре значится, что в магазин шестнадцатого сентября было завезено 1693 килограмма яблок первого сорта по рублю за килограмм и 327 килограммов нестандартных на общую сумму 1728 рублей. Так?

— Ну а дальше? — вмешался в разговор я.— Документ, составленный вначале, уничтожается, а вместо него появляется другая фактура. В ней количество не меняется. И тут-то весь фокус! Фруктов первого сорта стало теперь 327 килограммов, нестандартных 1693 килограмма. Следовательно, сорта поменялись местами. Ошибка, скажете?

— Ошибка,— кивнул головой Мотанчук.

— Неужели вы считаете, что следователи простаки?

— Разница в стоимости — 1120 рублей — осталась у вас. Правильно?

— Не знаю. Все документы правильные,— не сдавался Мотанчук.

Наконец, припертый к стенке неопровержимыми уликами, он начал давать показания.

— За сданные в сберкассы деньги мы платили Рюмину из расчета один процент от суммы,— сказал в конце допроса.

Бурулев, убедившись в бесполезности запирательства, вскоре тоже признался и назвал еще двенадцать магазинов, через которые сбывались излишки фруктов.

Туткевич, этот горе-руководитель, узнав о неопровержимых фактах хищения, забегал по кабинету:

— Какие подлецы! А я им доверял. Ах, мерзавцы, ах, негодяи!

— Не только доверяли, но и свою долю получали,— сказал я.

— Нет, нет, это ложь,— закричал он.— Я... я с утра до вечера, как проклятый, кручусь. Дома не живу. По командировкам мотаюсь... Стараюсь обеспечить город всем, всем... сталеваров, шахтеров.

— Пожалуйста, прочитайте вот здесь,— показал я место в протоколе допроса Ранецкого.

«Руководитель у нас принципиальный, характер твер-

дый, любит дисциплину, ну а деньги обожает. Ох как любит! Давали сначала десятками, а он требовал сотенными. Давали... Каждый день. Даже когда он уезжал в командировки...»

— Клевета, явная клевета! Теперь на меня все свалить хотят. Не выйдет. Вы тоже за них... за жуликов... Пишете в протоколы всякое там... Я буду жаловаться. Так не оставлю. Я пойду к прокурору, в республику поеду. Вам влетит.

— Жалуйтесь, куда хотите. Это ваше право. Но лучше посмотрите сюда,— и я положил перед ним фотографию. На ней сам Туткевич берет от Рюмина довольно толстый пакет. Встреча на вокзале перед отбытием в служебную командировку.

Прочитав показания Рюмина, он снова начал кричать:

— Ложь! Это не доказательство! Вы меня поймали? Нет! Так вот, запомните, я чист, как стеклышко.

— Скажите, Туткевич, где ваш автомобиль «Волга» за номером 55—41?

— Автомобиль? Откуда он у меня? — крикнул Туткевич.

— Вот документы. Ваш автомобиль в Кишиневе. Почему?

— Нет у меня никакого автомобиля,— продолжал отпираться Туткевич.

— Да еще и шофера держите на постоянном окладе. Вот справка ГАИ из Кишинева. А это показания самого шофера Бурдюжи и хозяйки Неонилы Савельевны, у которой вы довольно часто бываете. Зачитать!

— Не надо... — Он опустил голову.

— Вам эта тетрадь знакома? — поинтересовался я.

— Впервые вижу.

— Открою секрет, эту тетрадь мы изъяли у Старчевского, и оказалось — это учетная книга «черной кассы».

— «Черной кассы»? Что это еще? — вспыхнул Туткевич.

— Согласно записям, Папе выделено было из «черной кассы» около восемнадцати тысяч рублей.

— Кому-кому? — засуетился он.

— Вам.

— За что? — вскочил Туткевич.

— Вот и расскажите, за что вам платили долю от похищенного.

Тетрадь «черной кассы» «апельсиновых королей» обнаружил Александр под печкой в квартире Старчевского

и вначале не придавал ей особого значения, положил на стол. Во время обыска она исчезла. Сначала Александр махнул рукой. Подумаешь, ценность большая. Но Виктор не согласился с этим, стал искать, переворачивать все кверху дном и нашел ее в туалете, замоченной в унитазе. Тут-то и догадались — тетрадь дорогá преступникам. А позже за несколько дней упорного труда мы расшифровали все ее записи. В ней велся учет похищенных сумм, регистрировалась выдача денег каждому дельцу преступной группы, которые значились под кличками: Папа — Туткевич, Лимон — Ранецкий, Антоновка — Бурулев, Сухофрукт — Старчевский, Транспортёр — Рюмин, Ранет — Булах, Апельсинчик — Тугодум, Калоша — Прыткий, Баклажан — Мотанчук...

Вина Туткевича в хищении социалистической собственности в особо крупном размере была доказана полностью. Это он подчинил себе плодосекцию, подобрал и содержал на ответственных должностях людей, ранее по несколько раз судимых за хищения, покрывал их. Жалобы на них прятал, а затем уничтожал. А они в знак особого уважения к нему усердно содержали его на своем воровском балансе, платили из «черной кассы» ежемесячно по пятьсот рублей, не включая расходы Папы на командировки, которые оплачивались сотенными.

...Итак, час возмездия наступил. Вся «апельсиновая» группа — на скамье подсудимых. Выездная сессия Верховного Суда Украинской ССР признала вину всех подсудимых в хищении государственных средств в особо крупном размере и осудила их к различным мерам наказания. Учитывая особую опасность совершенного преступления, ранее судимых за хищения Ранецкого, Старчевского, Булаха — к высшей мере наказания.

Вечером я, Александр, Виктор и Тищук возвращались после процесса домой.

— Зайдем в магазин,— предложил Александр, когда мы подошли к гастроному № 9.

В магазине былолюдно. Шла торговля лимонами. Мы остановились у прилавка. Товар продавцы отпускали по чекам, строго соблюдая калибровку.

Мы убедились: торговали правильно. Я купил каждому из моих помощников по крупному лимону:

— Угощайтесь. Эти уже не ворованные.

Карьера на крови

Темной мартовской ночью 1918 года пустынной улицей оккупированного Киева шли крадучись двое. Один, с рыжими усами и бородой,— в рясе, другой, пониже ростом,— в выдавшей виды солдатской папахе и короткой, выше колен, офицерской шинели.

Поблизости от старого дома оба остановились, озираясь, перекрестились и молча стали подниматься крутыми ступеньками, которые вели в застекленную, обвитую сухими лозами дикого винограда веранду. Перед дверью остановились и тихо, чуть слышно постучали.

Открыл долговязый сонный петлюровец в зеленом жупане. Здоровяк был крест-накрест перетянут новенькими, блестящими ремнями, на которых болтались сабля, маузер и гранаты.

— Чего надо? — строго взглянул на ночных гостей.

— Свои мы... К батьке... По очень важному делу,— умоляюще заговорил усатый.

— Их нет. Приходите завтра. Нечего шляться по ночам.

В это время послышались голоса, хлопнула дверь и на пороге встал сам Симон Петлюра.

— Кто такие? — ткнул нагайкой.

— К вам...— вытянулся долговязый.

— Откуда?

— Из Екатеринослава мы.— Высокий порылся в кармане и достал тряпичное удостоверение.

Петлюра несколько мгновений разглядывал тряпицу, потом удивленно поднял глаза.

— Варварив, это ты?

— Я, я, ваша честь. Вы же меня посылали...

— Хо-хо, святым отцом вырядился! Молодец, не узнать! А это кто?

— Это наш человек.— Варварив указал на спутника.— Павло Козар...

Низенький снял шапку и поклонился.

Так, выполнив задание Петлюры, Василий Варварив возвратился в логово заклятых врагов народа. Сюда же он привел и своего старого товарища — Павла Козара.

Оба жаждали одного — погреть руки на чужом. И вместе с петлюровцами бросились грабить, убивать, жечь...

Но недолго предатели хозяйничали на Украине — народ смел их со своего пути.

Остатки разгромленных банд удрали в панскую Польшу. Туда же грязная волна занесла и Василия Варварива. Павло Козар тайно вернулся в Екатеринослав и затаился.

...В 1920 году Василий Варварив был посвящен в сан и девятнадцать лет правил в селах Поварском, Оздинеже, Смидне на Волини, клевета на Советскую власть и агитируя за «самостийну Украину». Когда же в 1939 году Западная Украина была освобождена от гнета капиталистов и помещиков, батюшка в панике сбежал из своего прихода и пришел в себя лишь в Варшаве в окружении русских белоэмигрантов.

День 22 июня 1941 года для нашего народа начался с разрывов бомб и снарядов, плача детей, стонов раненых. С запада коварно ворвалась в нашу жизнь самая жестокая за всю историю человечества война.

В хвосте у «немецкого рыцарства», которое убивая, насилая и грабя, бросилось завоевывать «жизненное пространство», потянулись на советскую землю и подонки всех мастей — петлюровцы, украинские буржуазные националисты, белогвардейцы, кулачье, а среди них и Василий Варварив. Вынырнув в оккупированном Ровно и заняв солидный церковный пост, святой отец на новом месте начал ревностно служить новым хозяевам.

Это дело началось с небольшой статьи в «Литературной газете» от второго ноября 1977 года. Корреспон-

денция называлась «Нет, в Ровно вас не забыли, мистер Варварив!». Я прочитал ее в тот же день. Речь шла о семье церковника Василия Варварива, проживавшего в Ровно в годы войны. Как отец, так и сыновья прислуживали фашистским изуверам, добровольно принимали участие в массовых расстрелах мирного населения. Спасаясь от заслуженного возмездия, «святое» семейство в 1944 году сбежало из Ровно. И вот один из отпрысков отца Василия — Константин Варварив, оказывается, преспокойно проживает в США, и не просто проживает, а служит в госдепартаменте и даже дважды возглавлял делегацию Соединенных Штатов на международных совещаниях под флагом ЮНЕСКО...

На следующий день меня пригласил к себе первый заместитель прокурора республики Михаил Тимофеевич Самаев. (Я работал в то время следователем по особо важным делам прокуратуры УССР).

— «Литературку» читал?

— Читал,— ответил я.

— Что будем делать?

— Вы имеете в виду мистера Варварива?

— Да.

В кабинете наступила тишина. Михаил Тимофеевич поднялся, вышел из-за стола, прошелся по комнате и сел рядом.

— Дело сложное. Прошло больше тридцати лет.

Мы снова помолчали, как люди, и без слов понимающие друг друга.

— Согласен? — Самаев посмотрел мне прямо в глаза.

— Согласен.

Михаил Тимофеевич улыбнулся.

— Ну вот и решили. Перечитай еще разок статью, подумай, набросай план и приходи — вместе обсудим.

В кабинете, присев к столу, я снова развернул газету. Перечитал статью и снова, в который уже раз, остановился взглядом на двух фотографиях.

...Лицо мужчины было холеным и самодовольным. Прилизанные волосы, модные усики, из-под строгого темного костюма выглядывала белая рубашка, с накрохмаленным, должно быть, воротничком, и черный галстук.

На снимке ниже — два эсесовских офицера, а между ними — женщина с высокой прической, в армейском пиджаке нараспашку. Руки заложила за спину, гордо подняла голову, выпятила груди. На лицах у всех троих — улыбки.

Вот, оказывается, какие вы, предатели, палачи! Сколько же человеческого горя на вашей совести!

С первого фото смотрел на меня ответственный сотрудник государственного департамента США Константин Варварив, женщина в окружении эсесовцев — Елена Козырь, переводчица гестапо — его жена.

Этих двоих и пригрели под своим крылышком американцы, и не только пригрели, а оказали бывшему полицаяу высокое доверие — выступать от имени США представителем при ЮНЕСКО на международной конференции, проходившей в Тбилиси. Здесь немецкого прихвостня и опознали, а затем немедленно известили посольство Соединенных Штатов.

Как выяснилось позднее, «государственный деятель» Варварив принимал участие не только в названном выше форуме — он же представлял США и на конференции по охране памятников культуры, которая проходила в Польше. Трудно даже представить себе, как бывший гитлеровский палач, человеконенавистник, хладнокровно убивавший и отдававший приказания убивать, печется об охране созданного людьми. Администрация Соединенных Штатов не могла не ознакомиться с послужным списком Варварива-предателя, исполнителя кровавых приказов его фашистских хозяев на Ровенщине. А быть может, именно за это и приласкала, пригрела? Ведь люди, типа Варварива, на Западе всегда были в цене.

Итак мы приступили к исполнению своих обязанностей. Мы — это я, Владимир Иосифович Лесной и командированный для руководства следствием прокурор отдела Прокуратуры СССР Николай Григорьевич Жуков.

Сразу же по приезде собрались в облпрокуратуре, чтобы решить, с чего начинать — работа впереди ждала нелегкая. Необходимо было по прошествии стольких лет разыскать обличающие материалы, чтобы иметь веские юридические основания возбудить уголовное дело против Варваривых.

— Без помощи общественности не справимся. — Николай Григорьевич начал первым. — Придется обойти каждый дом на Комсомольской, где во время оккупации проживали Варваривы, поговорить с каждым, кто мог бы что-нибудь вспомнить, а на это уйдет не день и не два.

— Необходимо побывать и в ближайших селах, туда тоже тянутся следы «святого» семейства, — добавил Лесной.

На том первом совещании решили начать розыск в трех направлениях: искать очевидцев как в городе, так и в близлежащих селах,— это было поручено мне. Владимиру Иосифовичу Лесному выпало перебрать по бумажке все имеющиеся в наличии архивы, изучить же уголовные дела, возбужденные в свое время против бывших полицаев должны были местные товарищи. Задача перед всеми стояло одно — найти доказательства преступной деятельности семьи отца Василия, и в частности — Константина Варварива, нынешнего американского дипломата.

Скоро следственная группа имела в своем распоряжении первый документ — оперативную сводку Совинформбюро от 9 марта 1944 года.

«Шестого ноября 1941 года немцы согнали на площадь значительную часть жителей города. Вся площадь была забита людьми. Многие женщины пришли с детьми. В десять часов немецкие жандармы погнали эту огромную толпу за город. Здесь возле заблаговременно вырытых рвов немцы начали кровавую расправу над советскими людьми. Три дня продолжались расстрелы. Многие из обреченных по двое суток ожидали казни. Палачи принуждали их зарывать лопатами ямы, наполненные трупами. Детей гитлеровцы живыми бросали во рвы, а потом швыряли туда же ручные гранаты. За трое суток фашистские нелюди убили 16 тысяч мирных жителей... Многих советских граждан гитлеровцы замучили и расстреляли в тюрьме. В центре города немцы соорудили виселицы, на которых казнили советских патриотов».

Под актом стояли подписи: В. Лукашевич — учительница, В. Левитский — учитель, М. Яновская — воспитательница детского сада, настоятель ровенского собора протоиерей У. Парголовский, настоятель Свято-Успенской церкви протоиерей М. Носов, М. Марчуков — бухгалтер и многие другие.

Начало было положено, но дальше как отрезало.

Шли дни, недели, поиски свидетелей в городе продолжались, но похвалиться нам было нечем. Почти везде один и тот же ответ:

— Поселились здесь уже после войны.

Приходилось работать и в выходные, и по вечерам, чтобы застать людей дома, но к этому привыкли еще раньше, как привыкли терпеливо, без лишних слов по крупице собирать нужные сведения. Такая работа.

И наконец словно первый лучик — первый свидетель,

Николай Ильич Илик:

«Варварив Константин проживал вместе с отцом и матерью. Отец его был священником. Константина я часто видел вместе с его старшим братом Евгением, который всегда ходил в форме полиция. Форма та была черного цвета. Возле собора я несколько раз встречал и самого младшего из Варваривых — его звали Юрием, а немцы почему-то называли Игорем. У этого был мундир жандарма, зеленый. Летом сорок четвертого Юрия таки нашла пуля во время какой-то облавы. У них еще была сестра. Константин Варварив — высокий, русский, лицо у него худое, продолговатое, а глаза голубые. Запомнилась мне его привычка во время разговора верхней губой прижимать нижнюю...»

Дело сдвинулось с мертвой точки, а оттого и сил прибавилось. Но судьба словно испытывала наше терпение, снова посылая дни за днями, которые не приносили ничего нового следствию. Правда, мы и не рассчитывали на быстрое и легкое завершение дела и продолжали работать спокойно и методично. И в награду за терпение и веру в успех — второй свидетель. Николай Лукашевич, 1922 года рождения, житель села Млинов, поблизости от Ровно.

Сидим в прокуратуре. Он рассказывает, я записываю:

— Однажды в конце сорок первого отец пришел домой и рассказал, что к нам в Ровно приехал новый настоятель собора, и назвал фамилию — Варварив. Никто ничего о прибывшем и его семье не знал, но вскоре поняли, что они из себя представляют. Самый младший из трех сыновей служил в жандармерии. Хорошо помню тот день, когда по городу поползли слухи, что младшего Варварива убили партизаны. Оккупационные власти устроили пышные похороны. Наверное, на них никто не пошел бы, но немцы и полиция согнали людей силой. Средний сын был высокий, русский, волосы зачесывал назад. У него еще была привычка нижнюю губу прикусывать верхней. Работал в гебитскомиссариате, кажется, в суде. Старший, Евгений, служил в полициях.

А вскоре удалось разыскать и третьего свидетеля — Дмитрия Булавского, 1925 года рождения, жителя Ровно. Вот строки из протокола его допроса:

«Судьей, который контролировал работу районного и городского судов, был Корноухов. У него работал переводчиком Константин Варварив. В июне—июле сорок третьего меня привезли в лагерь, из которого немцы

отправляли людей на работу в Германию. Лагерь находился на окраине города, был огорожен высоким забором и колючей проволокой. Охраняли его гитлеровцы. Варварив находился на контрольно-пропускном пункте и, по всему было видно, имел там вес...»

Перелопачивание тонн бумаги в архивах тоже дало свои результаты. В городском архиве Ровно Владимиру Иосифовичу Лесному и Николаю Григорьевичу Жукову попались гитлеровские документы, в которых упоминалась фамилия Константина Варварива и его братьев Юрия и Евгения. Среди обнаруженных бумаг — справка, выданная гебитскомиссаром Ровно, военным преступником Беером Константину Варвариву — переводчику юридического отдела, и подписанный тем же палачом Беером документ на повышение зарплаты тем, кто особо отличился на службе у третьего рейха. Вторым в списке значится Константин Варварив, старание которого отметило начальство и признало возможным увеличить количество иудиних серебреников на целых пятьдесят процентов. Авторитет предателя в глазах его хозяев рос. Если в начале своей карьеры он получал 850 марок ежемесячно, то после участия в расстреле в ноябре сорок первого тысяч людей и повышения по службе в связи с этим приказом самого Беера Константин Варварив в январе сорок четвертого года становится третьей по величине фигурой в гебитскомиссариате и получает уже ежемесячно 1312 марок. Такие деньги скуповатые хозяева даром не платили...

Новые и новые документы обнаруживало следствие, пухлые тома начатого дела пополнялись свидетельствами новых очевидцев, и постепенно все более четкими становились зловещие черты отца Василия и трех его сыновей. И вот настало время, когда шаг за шагом можно было проследить кровавый путь «святого» семейства.

...Итак, вслед за гитлеровцами Варварив-старший с женой, дочерью и тремя сыновьями приехал в Ровно и поселился на улице Комсомольской, которую оккупанты переименовали в улицу Мазепы, в доме № 32. Компанию ему составил брат Симона Петлюры — Александр.

Решив, что его час настал, отец Василий, засучив рукава, взялся за дело, и в церквях Ровно звучали его проповеди, в которых Варварив призывал к покорности новой власти, добросовестному служению ей. А поскольку опыт в области клеветы на советский строй был у

него большим еще с довоенных времен, когда отец правил в Смидене, Оздиноже и Поварском, дело пошло. Преданность оккупантам Варварив-старший засвидетельствовал и составлением петиции представителей Украинской автокефальной православной церкви на имя Коха, где между прочим говорилось и о «готовности к лояльному сотрудничеству на благо общего большого дела». Ревностного служителя не могли не заметить, и вскоре он занимает большой церковный пост. А еще через некоторое время о Василии Варвариве заговорила и продажная оккупационная пресса. Так, в частности, в листке «Волянь» от 29 января 1942 года появился сделанный в рейхскомиссариате снимок: Варварив рядом с бывшим агентом дефензивы, а в то время агентом гестапо архиепископом Поликарпом, в миру — Сикорским, который еще в начале войны провозгласил Украинскую автокефалию и в своих проповедях оправдывал зверства фашистов.

Как и следовало ожидать, отец Василий благословил на службу оккупантам сыновей.

Младшего — Юрия — фашисты зачислили в карательный отряд головореза Петра Грушецкого, убитого партизанами в сорок втором году.

Среднего отец пристроил в гебитскомиссариате. А поскольку Константин был жаден до денег, безразлично, каким путем заработанных, то по совместительству подрабатывал и в гестапо, допрашивая подпольщиков и партизан.

Старший — Евгений — поначалу тоже подался в переводчики, в газетку «Волянь», но там ему показалось скучно, и вскоре он нашел себе дело по душе — стал полицаем.

Хоть и был Юрий в семье самым младшим, но садистские наклонности проявились у него с наибольшей силой. Еще в детстве любил он вешать котом, душить ногами птиц, которым сначала отрывал крылья, связывать собак и бросать их живьем в костер.

Сразу же по приезде в Ровно отец Василий отвел Юрия на работу в жандармерию. А уже через два дня тот появился в доме в немецком мундире. Отец во всем потакал своему любимцу, которым гордился с детства.

По просьбе Варварива-старшего Юрию выдали мотоцикл, и тот стал выполнять различные мелкие поручения. Но не к этому стремился выродец. Он жаждал крови, власти, права распоряжаться жизнями тех, кто был

слабее его. И здесь помогла отцовская протекция — сына зачислили в карательный отряд.

На свое последнее задание Варварив-младший выехал вместе с фашистами в составе банды Грушецкого.

...Людей выгнали из хат, построили в шеренгу и били каждого второго.

— Где партизаны?

Люди молчали.

Юрий получил приказ допросить семью многодетной женщины. Пытки ничего не дали. Тогда Юрий выгнал всех во двор и поджег хату. Старики и малыши, молча плача, не проронили ни слова. Осатаневший палач подходил к каждому и бил дулом пистолета в живот...

В тот день Юрий Варварив лично расстрелял восьмерых.

Назавтра расправа продолжалась. Были сожжены еще три хаты, расстреляны шесть человек, повешена пожилая женщина, не выдержавшая издевательств полицейских над своим мужем и замахнувшаяся на них камнем.

Пытки, грабежи и насилия продолжались и на третий день. Люди прятались в погреба. Но их находили и там. Убежать из села было невозможно — оно было окружено со всех сторон.

Обо всем, что происходило в селе, сообщил партизанам разведчик Степан Солода. Начальник областного штаба партизанского движения Василий Бегма тут же послал в деревню отряд «За Родину» под руководством Ивана Федорова.

Но партизаны опоздали — немцев и полицейских в селе уже не было, они успели уехать в Ровно. Лесными тропками мстители бросились наперерез...

Бой продолжался весь день, и в сумерках каратели все до одного были уничтожены. Заслуженное возмездие настигло и Юрия Варварива...

Для отца Василия смерть любимца была страшным ударом, и он потребовал от старшего и среднего мстить, мстить и мстить.

И те старались.

На один из воскресных дней лета сорок второго года гитлеровцы назначили в Ровно облаву, чтобы набрать людей для отправки в рейх.

Самое активное участие в этой акции принимал Константин Варварив.

«Впервые Константина Варварива я увидела в начале сорок второго года во время богослужения. Он тогда был в штатском. — Это строки из показаний сви-

детельницы Зинаиды Симковской.— Весной того же года, приблизительно в мае — июне, точно не помню, в какой день недели, я шла неподалеку от городского базара, когда началась облава. Всю площадь окружили вооруженные немцы и полицаи. Люди плакали, кричали. Особенно жутко было от крика и плача детей. Среди полицаев видела я и Константина Варварива. Одет он был в черный полицейский мундир, а на поясе у него висела расстегнутая кобура с пистолетом...»

Следствие установило, что в тот день, о котором рассказывает Зинаида Симковская, Константин Варварив возглавил группу из семнадцати полицаев. В его распоряжение выделили грузовой автомобиль, на котором он весь день доставлял в лагерь схваченных во время облавы людей. Сопротивлявшихся или пытавшихся бежать Варварив бил сапогами, пока они не теряли сознание. Несколько человек по его приказу полицаи расстреляли, чтобы запугать остальных.

Странно порою складываются судьбы людей. Случайные события, встречи с тем или иным человеком переворачивают всю жизнь, и направляется она иным путем, а порой и в прямо противоположную сторону. Но так ли уж случайны эти события и встречи? Быть может, каждый получает то, чего заслуживает?..

Бывший петлюровец, кулацкий сынок Павло Козар после того, как раскулачили его отца, бежал из Полтавского и вскоре всплыл в селе Мандрыковке, неподалеку от Днепропетровска. Работал сначала грузчиком, а затем каким-то образом настолько втерся в доверие, что стал учителем. Всюду подчеркнуто демонстрировал преданность Советской власти.

Зарождение фашизма в Германии воспринял с тайной радостью и спешно начал изучать немецкий язык, принуждая к тому и дочерей. Начало войны стало для него праздником. Когда немцы подходили к Днепропетровску, Козар отказался от эвакуации.

— Куда я поеду? Буду работать в подполье,— улыбался.

Вступивших в Днепропетровск немцев Павло Козар встретил хлебом-солью.

И началась новая жизнь у оборотня. По его доносам были отправлены на немецкую каторгу М. Е. Цаценко, О. И. Бабенко, М. Ю. Охрименко и десятки других жителей Мандрыковки. На совести предателя расстрелянные комсомольцы и коммунисты, люди, не покорившиеся, не пожелавшие, как и он, лизать фашистский сапог...

А Козар старался, надеясь, что его старания заметят и оценят новые хозяева. В геббельсовской газетенке, выходившей в Днепропетровске, он выступил с призывом «Украинки и девушки других национальностей! Записывайтесь добровольцами для отправки в Германию!»

И его старания были замечены. Он был назначен заведующим отделом народного образования, а со временем и директором исторического музея. Новоиспеченный «просветитель» стал также заведующим отделом пропаганды «Комитета взаимопомощи», созданного украинскими националистами на оккупированной украинской земле.

За помощь СД и собачью преданность Козар получил от нацистов звание профессора, грамоту и железный крест.

Обе дочери «господина профессора» — Елена и Галина — пожелали работать переводчицами в гестапо. Естественно, что отец одобрил такое решение.

Как выяснилось в процессе расследования, особо жесткие допросы фашисты проводили при участии Елены, игриво именовавшей себя Лили. Истязание жертв она наблюдала с садистской улыбкой.

Галина Кушнир со слезами на глазах рассказывала: «Мой брат говорил, что когда его пытали в гестапо, а потом допрашивали, переводчицей была Елена».

Тамара Тычина: «По доносу Козара и его дочери Елены сотни юношей и девушек были отправлены в рабство. Не миновала эта судьба и меня».

После каждого допроса — оргии, чтобы хоть таким образом заглушить в себе страх перед тем, что творили. Наутро Елену, пьяную до бесчувствия, привозили в машине домой.

Но война грозной, очищающей волной уже катилась на запад. Прихватив с собой все ценности исторического музея, Павло Козар вместе с дочерьми исчез из рода.

Отыскились следы Козара аж в Ровно, где встретился он — и, должно быть, не случайно — с бывшим приятелем времен Директории Василием Варваривым. Вот так и познакомились Константин Варварив и Елена Козар, чтобы через несколько лет пожениться. Внешне они были чем-то неуловимо похожи друг на друга. Может, каким-то болезненным блеском в глазах, а может, нервозностью, которая отступала лишь тогда, когда наблюдали за страданиями своих жертв? Оба слу-

жили переводчиками у гитлеровцев: он — в полиции, она — в гестапо.

2 февраля 1944 года воины 13-й армии под командованием генерала Пухова освободили Ровно.

Немцы в панике отступали. В их обозах удирали от народного гнева и семьи предателей — Варваривых и Козаров. В 1944 году Константин Варварив оказался в Германии и спрятался в трудовом лагере для жителей Восточной Европы, насильно вывезенных в третий рейх. В лагере дождался прихода американских войск и был освобожден как «жертва нацизма». Тогда же ЦРУ стало известно прошлое палача, и ведомство, вербовавшее ландскнехтов, намекнуло об этом Варвариву. Торговались недолго.

Настал день, когда я смог доложить, что дело Константина Варварива закончено. Следствие собрало неопровержимые доказательства того, что он и его жена Елена Козар работали на фашистов. С 1941 по 1944 год Варварив находился на службе в гебитскомиссариате оккупированного гитлеровцами Ровно. Доказано, что гебитскомиссариат, возглавляемый палачом и военным преступником Беером, руководил действиями карателей, организовывал облавы на мирных жителей с целью отправки их в Германию. Варварив Константин принимал участие в допросах, которые сопровождались пытками советских людей. Одетым в гестаповскую форму его неоднократно видели с оружием в руках во время карательных акций и облав.

Жена Константина Варварива — Елена Козар четыре года находилась на службе сначала в гестапо в Днепропетровске, а позднее в военных подразделениях СС.

Уголовное дело, документы захваченных советскими войсками при освобождении Ровно и Днепропетровска архивов были немедленно переданы американскому посольству. Проходили дни, недели, месяцы, годы, а переданные в США материалы оставались без ответа. Так обстоит дело и поныне.

Как же могло случиться, что преступники, руки которых в крови десятков, сотен людей до сих пор не наказаны? Ведь США были нашими союзниками в Великой Отечественной войне.

3 декабря 1973 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию за номером 3074/28, в которой речь шла о принципах международного сотрудничества в деле выявления, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях против человечества.

Один из принципов международного права — неизбежность наказания виновных в военных преступлениях — был провозглашен еще 30 октября 1943 года в Московской декларации стран антигитлеровской коалиции, а также на Лондонском совещании 8 августа 1945 года.

26 ноября 1968 года сессия Генеральной Ассамблеи ООН большинством голосов поддержала Конвенцию о неприменении срока давности в отношении военных преступников и преступлений против человечества.

Как видим, все перечисленные выше документы обязывают США выдать военных преступников Константина Варварива и его жену Елену Козар Советскому Союзу, на территории которого они оставили свои кровавые следы.

Однако американское правительство не торопится это сделать. Более того, несмотря на переданные им материалы следствия, ответственные сотрудники американской администрации вдруг делают Варварива, «борца за права человека», ответственным сотрудником государственного департамента США и ЮНЕСКО. Не слишком ли странное толкование защиты прав человека?! Неужели американские дипломаты не понимают, что подобные действия оскверняют память миллионов жертв гитлеризма, бросают вызов всем антифашистам и борцам за мир на земле? В связи со всем этим ТАСС в свое время заявил: «Советское посольство в Вашингтоне передало государственному департаменту США документальные материалы Прокуратуры СССР, свидетельствующие, что один из высокопоставленных чиновников американского ведомства — заместитель постоянного представителя США при ЮНЕСКО К. Варварив в годы второй мировой войны активно сотрудничал с фашистами на временно оккупированной советской территории...»

В то время как официальный Вашингтон не прекращает клеветнической пропаганды о нарушении прав человека в социалистических странах, в самих Соединенных Штатах и поныне с ведома властей скрываются от заслуженного возмездия военные преступники, действуют многочисленные расистские организации, плетутся заговоры против стран, ставших на путь независимого развития.

Но расплата неминуема!

СОДЕРЖАНИЕ

ЧУВСТВО МАТЕРИНСТВА

3

ГОРЕЧЬ ОШИБКИ

14

ИСЧЕЗ ЧЕЛОВЕК

26

«БЕЗНАДЕЖНОЕ ДЕЛО»

43

С ЧЕРНОГО ХОДА

51

ЯВКА С ПОВИННОЙ

78

ГРЯЗНАЯ КОРМУШКА

87

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

107

КАРЬЕРА НА КРОВИ

122

Василенко И. И.

В19 Золотая жила: Записки следователя.— К.: Молодь, 1986,— 136 с.

Написанная на документальных материалах, эта книга повествует о сложной и трудной работе следственных органов прокуратуры и милиции.

Хищения, взяточничество, пьянство, тунеядство и, конечно же, правовая воспитательная работа с теми, кто стал на путь правонарушения,— об этом написал свою вторую книгу юрист Василенко И. И.

**В 4702010200—003
М228(04)—86 26.86.**

Р2

Иван Иванович Василенко

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

Записки следователя

Киев. Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь»

Редактор

М. Г. ВАСИЛЕНКО

Художественное оформление

С. И. ИВАНОВА

Художественный редактор

В. В. МАШКОВ

Технический редактор

С. Г. ОРЛОВА

Корректор

Л. Н. ГРИМАЛЬСКАЯ

ИБ 2604

Сдано на производство 29.05.85. Подписано к печати 05.11.85. БФ 18753. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,14. Усл. краскоотт. 7,35. Уч.-изд. л. 7,74. Тираж 65 000 экз. Зак. № 5—190. Цена 30 к.

Ордена «Знак Почета» издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес издательства и полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.